

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ПЕЧАТАЕТСЯ

И

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
законное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31-го Марта, 1842 года.

Цензоры: *И. Корсаковъ* и *А. Фреймангъ*.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГРЕЧА.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

1842

1842. III. 31

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

БАРСКАЯ СПѢСЬ

и АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Передъпланъ съ Французскаго Д. Ленскимъ.

Представленъ въ первый разъ, на Большомъ Театрѣ, въ Москвѣ, 16-го Января 1842 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дементій Патрикѣевичъ Чухлымовъ.

Юлія Петровна Чухлымова, урожденная Княжна Крахмальная, жена его.

Нарцисъ Григорьевичъ Мотыльковъ, дальній ея родственникъ.

Иванъ Трофимовъ, крестьянинъ.

Анюта, крестьянка, его невеста.

Льсничій.

1 {
2 { Слуги.

Нѣсколько слугъ.

Дѣйствіе въ помѣстьи Чухлымова.

Полукруглая зала, окнами въ паркъ; стеклянная дверь въ серединѣ и двѣ двери по сторонамъ.

На первомъ планѣ, съ лѣвой стороны отъ зрителей — трюмо и софа; съ правой, письменный столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чухлымовъ, нѣсколько слугъ, потомъ Анюта съ корзинкою.

Чухлымовъ (въ сильномъ гнѣвѣ) и слуги.

ХОРЪ.

№ 1.

Какъ смѣть стрѣлять на барской дачѣ?

Какъ смѣть нарушить мой (вашъ) приказъ?

Тутъ поступить нельзя иначе.

Какъ дать сто лозановъ сейчасъ!

Чухлымовъ (одинъ слугамъ).

Сыскать его сію минуту,

Хотя бѣ онъ былъ въ рѣкѣ на днѣ,

Связать покрывче руки плуту —

И привести его ко мнѣ!

Кн. VII — 1.

Чухлымовъ и слуги.

Какъ смѣть стрѣлять на барской дачѣ?
Какъ смѣть нарушить мой (вашъ) приказъ!
Тутъ поступить нельзя иначе,
Какъ дать сто лозанонъ сейчасъ!
(Во время послѣдняго хора входитъ
Анюта, въ среднія двери; а по оконча-
ніи его, слуги туда уходятъ).

Чухлымовъ (продолжая
ходить по сценѣ, и
не замѣчая Анюты).

Разбойники! Дай имъ потачку, они
всѣхъ русаковъ у меня перебьютъ и ста-
нутъ стрѣлять подь моими окнами....
(Увидя Анюту.) А! Анюта!... Здравствуй,
Анюта! Что ты такъ встревожена?

Анюта.

Боюсь, батюшка баринъ.... вишь, вы
гнѣваться изволите.

Чухлымовъ.

Не бойся, чернбровая!... При тебѣ
всякая досада съ меня, какъ съ гуся
вода.

Анюта (кланяясь въ по-
ясъ).

Спасибо, отецъ родимый.

Чухлымовъ.

Но мошенника я все таки проучу, въ
примѣръ другимъ! Посмотримъ, какъ-то
эти скоты мужичье осмѣлятся впередъ
бить зайцевъ у меня въ паркѣ.

Анюта.

Вѣдь экіе сорванцы, прости Господи!
А кажись, что имъ сдѣлали безгрѣшные
зайчики?

Чухлымовъ (взявъ ее за
подбородокъ).

Охъ ты добрушка моя!

Анюта (кланяясь).

Счастливо оставаться!

Чухлымовъ.

Куда жъ ты спѣшишь?

Анюта.

Къ матушкѣ барынѣ, вашей супруж-

ницѣ: я на поклонъ имъ свѣженькихъ
лячекъ принесла.

Чухлымовъ.

Ну вотъ! ты всегда норовишь отъ ме-
ня уйти къ моей женѣ.... а я люблю те-
бя гораздо больше.... (обнимаетъ ее).

Анюта.

Вѣстимо, что барыня ко мнѣ такъ не
ластится.

Чухлымовъ.

Ластится!... Она еще и говорить-то съ
тобой не станетъ.

Но 2.

Жена моя слишкомъ горда,

Она родилася княжкою;

Она свѣсока завсегда

Обходится даже со иную....

А я съ вами попросту здѣсь,

Не скупъ на подарки и ласки

Несносна мнѣ барская свѣсь.

И милы — Анютины глазки!

(Хочетъ ее поцѣловать).

Анюта.

Полноте, стыдно вамъ.

Чухлымовъ.

Не стыдно, а приятно!

Анюта.

Я замужъ хочу у васъ проситься.

Чухлымовъ.

Съ Богомъ.... я дамъ приданое.... А
кто твой женихъ?

Анюта.

Иванъ Трифановъ.

Чухлымовъ.

А что это за Иванъ Трифановъ такой?

Анюта.

Нашъ крестьянинъ, сынъ Трифона Его-
рова, десятскаго; онъ все жилъ въ Мос-
квѣ, въ трактирщикахъ, а коли милость
ваша будетъ взять его въ лѣсничіе....

Чухлымовъ.

Въ лѣсничіе?... Пожалуй! для тебя я
радъ все сдѣлать, моя чернбровая! (Хо-
четъ ее поцѣловать.)

Анюта. Сюда идуть, баринь!

Чухлымовъ (съ досадою).
Чтобъ чортъ побралъ!...

Слуги (за кулисами).
Ну! ну! пострѣль! поворачивайся!

ЯВЛЕНІЕ П.

Прежніе, Иванъ, слуги и лѣсничій (у лѣсничіаго въ рукахъ ружье и зайца убитый. Двое слугъ держатъ Ивана за воротъ).

Чухлымовъ.
А! это моего мошенника привели! Посто-
стой же, вотъ я ему дамъ себя знать!...
Стулъ!... (Слуга подаетъ стулъ, Чу-
хлымовъ садится.) Хорошо! (Анюта.)
Иди къ баринь. (Слугамъ.) Сюда пре-
ступника! (Ивана подводятъ.)

Анюта (увидя его).
Ахти!

Чухлымовъ (Анюта).
Что съ тобой?

Анюта.
Ахъ, батюшка баринь! Вѣдь это онъ!...
Тотъ самый Иванъ Трифоновъ!...

Иванъ (въ сторону).
Анюта!

Чухлымовъ (Анюта).
Такъ его-то рекомендовала ты мнѣ въ
лѣсничіе? Дѣло! Пустить волка въ ов-
чарню!... (Ивану.) Говори, негодяй, какъ
ты смѣлъ застрѣлить зайца у меня въ
паркѣ, когда я строго запретилъ охотить-
ся на полторы версты отъ моего дома?

Иванъ (прикинувшись
протачкомъ).

Помилуйте, батюшка баринь! Знать не
знаю, вѣдать не вѣдаю!

Чухлымовъ.
Какъ, плуть! (указывая на зайца.) А
это что?

Иванъ.
Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Анюта.
Истинно такъ, батюшка.
Чухлымовъ (Анюта).
Молчать!...

Лѣсничій (повторяя).
Молчать!
Чухлымовъ (Ивану).

Ты убилъ этого зайца? Отвѣчай!
Иванъ.

Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!
Чухлымовъ (разоряча-
ясь).

Тебя съ ружьемъ схватили, распрото-
бестія ты эдакая! Такъ кто же убилъ,
если не ты?

Иванъ.
Извѣстно кто, батюшка баринь, ружье
убило!

Всѣ.
Ха! ха! ха!
Чухлымовъ.

Каковъ! Ружье!... Да ты изъ ружья-то,
каналья, вѣдь ты выстрѣлилъ?

Иванъ.
Неварочно, видитъ Богъ, неварочно!
И безъ всякаго злаго умысла.

Анюта.
Я за него рада голову прозаклады-
вать....

Чухлымовъ (Анюта).
Молчать!
Лѣсничій (повторяя).

Молчать!
Чухлымовъ.
Эдакая петля воровская! Никакъ не хо-
четъ сознаться!... (указывая на зайца.)
Но вотъ улика!... Ну, вѣдь ты стрѣлялъ
по немъ? Ты, или нѣтъ? Сказывай?

Иванъ.
Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Чухлымовъ (въ бѣшен-
ство вскочивъ со сту-
ла).

Ахъ ты, анаема!

Иванъ (отскочивъ отъ
страха).

Батюшка баринъ! Пустите душу на по-
каяніе! Я, то есть, доложу вамъ все дѣло
въ акуратности.... Когда зайчикъ сва-
лился, у меня на сердцѣ такъ кошки и
заскребли!

Чухлымовъ.

А, а! Отъ чего же?

Иванъ.

Не отъ того, сударь, что знаетъ кошка
че мясо съѣла....

Чухлымовъ.

А отъ того, что ты блудливъ какъ кош-
ка, да трусливъ какъ заяцъ?

Иванъ.

Никакъ нѣтъ-съ.... Зачѣмъ же мнѣ тру-
сить, когда косою самъ виновать?

Чухлымовъ.

Этого только не доставало! Ужъ онъ
теперь зайца обвиняетъ!

Анюта (тихо Ивану).

Подъ къ нему поближе, не бойся!

Иванъ (немного подви-
нувшись впе-
редъ).

Лукавый попуталь, батюшка баринъ....
Изволите видѣть.... Я хотѣлъ отнести это
ружье въ сосѣднюю деревню къ Петру
Лысому.... Вотъ еще онъ такой горькой
пьяница.... (Чухлымовъ изъясляетъ не-
терпѣніе.) да не объ этомъ рѣчь!... Толь-
ко вотъ, сударь, иду я себѣ черезъ вашу
рощу и курныкаю (поетъ):

«Не бѣлы то снѣги, снѣги во чистомъ....»

Чухлымовъ.

Безъ пѣсенъ, къ дѣлу!

Иванъ.

Изволите видѣть, батюшка: въ этой
пѣснѣ про зайцевъ ни словечка нѣту....

Анюта.

Тутъ только у любезнаго забѣлался
каменный палаты, батюшка баринъ!...

Чухлымовъ (Анютъ).

Молчать!

Лѣсничій (повторяя).

Молчать!

Иванъ.

Вотъ сударь, иду я.... (какъ я ужъ из-
волил докладывать вашей милости).... съ
ружьемъ къ Петрухѣ Лысому, и знать не
знаю, что ружье заряжено.... да и по-
чему мнѣ было знать, что оно, то есть,
заряжено.... Иду, эдакъ, да помахиваю
ружьемъ-то.... Глядь.... канавка!... Я скокъ
черезъ канаву,—и прямо носомъ объ землю..
курокъ щелкнулъ, и — пафъ!

Чухлымовъ.

И попало въ зайца?

Иванъ.

Прямехонько! Какъ на грѣхъ тутъ про-
клятый пырь на встрѣчу!... Знаете, заяцъ
глупъ, баринъ!

Анюта.

Вѣстимо глупъ, батюшка баринъ!

Чухлымовъ (Анютъ).

Молчать!... (Ивану.) Но въ такомъ
случаѣ, почему ты не въ голову.... а въ
другое мѣсто ему попалъ?

Иванъ.

Вѣрно онъ, какъ увидалъ меня, такъ
бросился назадъ.

Чухлымовъ.

А ты его и не замѣтилъ?

Иванъ.

Замѣтилъ, сударь.... да ужъ тогда, какъ
онъ ножки протянулъ.... тутъ я учалъ
кричать и выть: «Ахъ ты мой косенькій
голубчикъ! За коимъ чортомъ ты подъ
выстрѣлъ-то подсунулся?» Откуда ни
возьмись вашъ лѣсничій, схватилъ меня
за воротъ!... и я даже ни чуточки не по-
артачился!...

Лѣсничій.

Да, только чуть мнѣ два зуба не вышибъ.

Иванъ.

И то ненарокомъ, батюшка баринъ.... Я, знаете, въ отчаянности-то, вотъ точнехонько такъ, всплеснулъ руками.... а онъ, знаете....

Чухлымовъ.

Подъ кулакъ-то твой и подсунулся, какъ заяцъ подъ выстрѣль?

Иванъ.

Истинно такъ.... Надо жъ грѣху слушаться.

No 3.

Безъ вины, сударь, въ отвѣтъ

Я остался въ этотъ разъ;

Но все къ лучшему на свѣтѣ --

Есть пословица у насъ.

И случись, я могъ бы рядомъ

На бѣгу хватить грѣхомъ,

По лѣсничему зарломъ,

А по зайцу кулакомъ!

Чухлымовъ.

Дѣйствительно.... все могло бъ слушаться.... точно также и ты можешь теперь понасть подъ караулъ, въ ожиданіи земской полиціи.... (Слугамъ.) Взять его и посадить на хлѣбъ и на воду, да послать за становымъ приставомъ!

Анюта.

Ахти!

Иванъ (сквозь слезы).

Батюшка баринъ! Помилуйте!...

Чухлымовъ.

Нѣтъ, братъ, ужъ извини, безъ сотни лозановъ не обойдется!

Иванъ.

За что же, сударь? Чѣмъ я провинился передъ вашею милостію?

Анюта.

Отецъ родимый! Прости!

Чухлымовъ (слугамъ).

Ну! ну! ведите его!

Хоръ.

Слуги и Чухлымовъ.

Повтореніе No 1.

No 4.

Какъ смѣть стрѣлять на барской дачѣ!

Какъ смѣть нарушить мой (вашъ) приказъ!

Тутъ поступить нельзя иначе,

Какъ дать сто лозановъ сейчасъ!

Анюта (со слезами).

На милость гнѣвъ пережвните!

Умилосердитесь надъ нимъ!

Чухлымовъ.

Нѣтъ, нѣтъ!... (Слугамъ.) Разбойника ведите--

И экипажъ за становымъ!

Хоръ, слуги и Чухлымовъ.

Какъ смѣть стрѣлять на барской дачѣ! и проч.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Прежніе, Юлія Петровна (одѣтая щегольски и по последней модѣ).

Юлія Петровна.

Ахъ, Боже мой! Помилуйте, скажите, Дементій Патрикѣвичъ?...

No 5.

Что значить этотъ шумъ и крикъ?...

Мой Богъ! Что вижу я?... Мужикъ!...

Но какъ могла сюда набиться

Вся эта сволочь съ мужикомъ

При мнѣ въ присутствіи моемъ?...

Прочь нагленцы!

Какъ смѣли вы глупцы,

Предъ госпожей своей забыться!...

Чухлымовъ (говоритъ слугамъ).

Ведите его! ведите!

Слуги и Чухлымовъ.

Какъ смѣть стрѣлять на барской дачѣ! и проч.

(Лѣсничій и Слуги уводятъ Ивана).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чухлымовъ, Юлія Петровна и

Анюта.

Анюта (у дверей).

Создатель Небесный! Его высъчь хотятъ!

Юлія Петровна.

Фи! Дементій Патрикѣичъ Какъ вамъ не стыдно пускать сюда этотъ народъ, и заражать воздухъ, которымъ я дышу!..

Чухлымовъ.

Мужикъ взбѣсилъ меня....

Юлія Петровна.

Фи! вы вѣчно съ мужиками! *(Увидя Анюту)*. А это что еще за сарафаница?

Чухлымовъ.

Анюта, садовникова дочь.... Ты ее видала.

Юлія Петровна.

Ахъ, да! помню....

Чухлымовъ.

Въ хороводъ она всѣхъ лучше пляшетъ и поетъ, превеселая дѣвка!

Юлія Петровна.

Что жъ ей надобно?

Анюта *(кланяясь)*.

Яичекъ свѣженькихъ принесла на поклонъ вашей милости... Не погнушайтесь, матушка барыня!

Юлія Петровна.

Хорошо, благодарю. *(Смотря на нее)*. Она плачетъ, кажется; а не дальше, какъ вчера смѣялась, что есть силы.... счастливица! Она знаетъ горе и радость.... А я, такъ всегда въ одномъ расположеніи... *(Взглянувъ на Чухлымова)* всегда скучаю! умираю со скуки! *(Смотрится въ зеркало)*.

Анюта *(подойдя къ Чухлымову, въ полголоса)*.

Батюшка баринъ! Я вамъ всѣ ручки, ножки разцѣлю, коли вы....

Чухлымовъ *(тоже въ полголоса)*.

За чѣмъ же? Лучше въ губы поцѣлуй... *(Хочетъ ее обнять)*.

Юлія Петровна *(равнодушно)*.

Дементій Патрикѣичъ, я все вижу.

Чухлымовъ *(смѣшавшись)*.

Какъ?

Юлія Петровна.

Въ зеркалъ... Вижу все, что вы дѣлаете.

Чухлымовъ *(Анютѣ)*.

Пошла вонъ!

Анюта *(уходя)*.

Колн его не простятъ, я умру съ печали.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Чухлымовъ и Юлія Петровна.

Чухлымовъ *(сидя въ сторонѣ)*.

Я сегодня еще не успѣлъ и поздороваться съ тобою. *(Беретъ ее за руку и хочетъ поцѣловать)*.

Юлія Петровна *(отнимая руку)*.

Фи!... Какъ отъ васъ пахнетъ деревенщиной?

Чухлымовъ *(въ сторону)*.

Каждый день у насъ одинаково начинается. *(Въ слухъ)*. Ну, что твои нервы?

Юлія Петровна.

Все по прежнему.... если не хуже.

Чухлымовъ *(въ сторону)*.
Есть легче!

Юлія Петровна.

№ 6.

Ахъ что за жизнь! съ тоски я умираю, Ни въ чемъ себѣ отрады не сыщу, И день и ночь безъ памяти зѣваю, И день и ночь скучаю и грущу!

Чухлымовъ.

Скучаешь ты?... Я право удивляюсь.... О чѣмъ скучать? Я, кажется, всегда Все при тебѣ, съ тобою не разлучаюсь....

Юлія Петровна.

Конечно такъ.... *(Въ полголоса)*. Да въ томъ и бѣда!...

Чухлымовъ.

Что? что такое ты сказала? Я не разслушалъ.

Юлія Петровна.

Я говорю, что съ вами быть не много

радости, Дементій Патрикѣичъ.... Мужъ?... и мужъ собачникъ, у котораго на умѣ лишь гончія, да борзья!... Все утро рыскаетъ по полю, потомъ усталый пообѣдаетъ, ляжетъ спать, бредитъ зайцами да лисицами.... а тамъ проснется, пьетъ пуншъ — вплоть до ночи, поужинаетъ и наконецъ опять ложится.... Куда какъ весело съ такимъ мужемъ!

Чухлымовъ.

Ну, что жъ! Если тебѣ угодно, я, пожалуй, буду давать вечера, обѣды.... составляю для тебя общество....

Юлія Петровна.

Какое это? Ужъ не изъ нашихъ ли уѣздныхъ помѣщиковъ?... Благодарю покорно!... Они всѣ на васъ похожи.... а дражайшія супруги ихъ, эти жеманныя куклы въ огромныхъ чепцахъ, умѣютъ только сплетничать и разсуждать о разныхъ соленяхъ.

Чухлымовъ.

Ну такъ, хочешь, въ Москву поѣдемъ?

Юлія Петровна.

Вотъ еще идея! Тамъ и зимою-то неслишкомъ интересно, а лѣтомъ и подавно не знаешь куда съ тоски дѣваться.

Чухлымовъ.

На тебя ничѣмъ не угодишь, Юлія Петровна!

Юлія Петровна.

Откровенно сказать, вы ничѣмъ не угодите, Дементій Патрикѣичъ.

Чухлымовъ.

Въ такомъ случаѣ, кто же тебѣ велѣлъ за меня замужъ идти?

Юлія Петровна.

Разстроенное состояніе и воля моихъ родныхъ, а впрочемъ ни по роду, ни по лѣтамъ, ни по воспитанію, вы отнюдь мнѣ не пара!

Чухлымовъ.

Эхъ! полно, матушка, Юлія Петровна! Твоя барская спѣсь до смерти мнѣ надобла. Набила голову рыцарскими романами, и хочешь все чего-то необыкновеннаго.

Юлія Петровна.

Признаюсь... Только одно необыкновенное и можетъ еще мнѣ нравиться.

Чухлымовъ.

Вотъ, напримѣръ, твое вчерашнее приключеніе, когда верховая лошадь закусила удила, и чуть чуть съ тобою въ ровъ не упала.... Какъ вдругъ какой-то странствующій рыцарь, который видно съ неба свалился, бросается лошади на встрѣчу, хватается подъ уздцы, и тебя, въ безпамятствѣ и помертвѣлую отъ страха, относитъ на своихъ рукахъ въ бесѣдку, что на концѣ парка.... кладетъ на диванъ....

Юлія Петровна.

И уходитъ прежде, чѣмъ я могла опомниться... узнать его имя.

Чухлымовъ.

А тебѣ хотѣлось, чтобы онъ остался?

Юлія Петровна.

Разумѣется.... Я бы желала видѣть его.... Онъ непременно долженъ быть величественной наружности и аристократъ!...

Чухлымовъ (въ сторону).

Или дуракъ.

Юлія Петровна.

№ 7.

Онъ изъ вельможъ, и это очень видно:

Исполненъ онъ отваги и огня!

Мнѣ, признаюсь, досадно и обидно,

Что онъ ушелъ такъ скоро отъ меня....

Желала бъ я душой ему, какъ другу,

Дать поцѣлуй....

Чухлымовъ.

Какъ поцѣлуй?...

Юлія Петровна.

Ну, да!

Грѣхъ отказать за важную услугу

Въ томъ, что даютъ и даромъ иногда.

(Входитъ слуга съ письмомъ).

Слуга (Юліи Петровнѣ).

Сейчасъ письмо къ вамъ привезли, сударыня.

(Уходитъ).

Юлія Петровна *(взглянувъ на письмо)*.

Какъ пахнетъ жасминами! *(Распечатываетъ и читаетъ)*. Что я вижу!... Это отъ него!... Отъ Нарциса!

Чухлымовъ.

Отъ какого Нарциса?

Юлія Петровна.

Ахъ, Боже мой! Какъ вы недогадливы! Отъ Нарциса Мотылькова?

Чухлымовъ.

А! знаю! Это твой дальній родственникъ, съ которымъ ты вмѣстѣ воспитывалась; но вотъ уже года съ два, какъ онъ уѣхалъ за границу.... Развѣ онъ возвратился?

Юлія Петровна.

Ну, да! Онъ пишетъ, что еще вчера вечеромъ прибылъ въ свою деревню, въ двухъ верстахъ отсюда, и просить позволенья мнѣ представиться!

Чухлымовъ *(въ сторону)*.

Чтобъ чортъ его побралъ! Терять не могу этихъ модныхъ любезниковъ!

Юлія Петровна.

Слава Богу! Наконецъ, я увижу хоть одно приятное лицо, и вознагражу себя за прежнюю скуку!... Нарцисъ такъ милъ, такъ веселъ! Полный жизни и здоровья, онъ всегда восхищалъ меня своими розовыми щеками, необыкновеннымъ огнемъ въ глазахъ и плѣнительною бѣлизною зубовъ.

Чухлымовъ.

Да, помню.... Ты еще тогда прозвала его Аполлономъ Бельведерскимъ.

Юлія Петровна.

О, да.... Нарцисъ таки и дѣйствительно похожъ на него.... стройный, статный мужчина!...

Чухлымовъ.

Смотри, ужъ не взглянулъ ли онъ тебя!

Юлія Петровна *(строго)*.

Что? Что такое?... Не думаете ли вы что мнѣ его наружность нравилась?... А развѣ вы забыли его любезность въ обращеніи, его скромный и робкій взглядъ?...

Для насъ первымъ блаженствомъ было помогать бѣднымъ, и сколько съ нимъ вдвоемъ мы добра надѣлали!... Да, сударь, это такія воспоминанія, которыя никогда не истребляются изъ сердца! Ахъ! что мнѣ пришло на мысль?... Онъ пишетъ, что возвратился вчера вечеромъ, а я именно въ сумерки ѣхала по дорогѣ отъ его деревни, когда лошадь подомной взбѣсилась и понесла!... О! да! да! это онъ!... Другой быть не можетъ!

Чухлымовъ.

Ну, что еще?

Юлія Петровна.

Опять не понимаете? Это Нарцисъ вчера спасъ меня, и на рукахъ отнесъ въ бѣздку!

Чухлымовъ.

Ты думаешь?

Юлія Петровна.

№ 8.

Мнѣ хочется по крайней мѣрѣ,

Чтобъ это именно былъ онъ.

Чухлымовъ.

Не съ тѣмъ ли и сдѣлать къ Венерѣ

Твой Бьлззерскій Аполлонъ?

Юлія Петровна *(въ досаду)*.

Умно Дементій Патрикѣвичъ;

Vous êtes méchant, Vous êtes malin....

Но bel esprit ne crofенечъ

А ваша часть — esprit de vin.

Чухлымовъ.

Что, что ты сказала? Я не разслушалъ хорошенько.

Юлія Петровна.

Ничего.... Но что я медлю?... Надобно сейчасъ отвѣтъ къ нему послать.

Чухлымовъ.

Я его напишу. *(Въ сторону)*. И какъ можно суше.

Юлія Петровна.

Скажите ему, что я жду его съ нетерпѣніемъ.

Чухлымовъ.

Ужъ не безпокойся.... Уче аго учить

только портить. *(Уходя, въ сторону).*
Провалиться бы сквозь землю незваному гостю.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Юлія Петровна *(одна).*

Какое счастье! онъ пріѣхалъ!... Онъ, кого я привыкла любить съ дѣтства!... Нарцисъ и тогда былъ прекрасенъ, а теперь, я думаю, еще похорошелъ... Черезъ часъ ужъ вѣрно я его увижу... Вѣдь до его деревни всего двѣ версты... Но, нѣтъ, скоро ли то еще мой мужъ за перо возьмется, скоро ли напишетъ... Я знаю Дементія Патрикѣича: онъ мастеръ за зайцами рыскать, а на бумагѣ черепахой ползеть... Да и съ его убійственною холодностію, можетъ ли онъ выказать то, что чувствуетъ пламенное сердце? Лучше сама отправлю съ чело-вѣкомъ. *(Садится къ столу и пишетъ, продолжая говорить сама съ собою).* Какихъ нибудь десять строкъ, продиктованныхъ истинною глубокою страстью, гораздо лучше четырехъ страницъ сухихъ и пошлыхъ комплиментовъ... О, мой милый Нарцисъ! Пусть это письмо будетъ для тебя вѣчнымъ залогомъ нашей взаимности!... Я напередъ увѣрена, что ты прочтешь его не одинъ разъ. *(Запечатываетъ письмо облаткою, и звонитъ).*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Юлія Петровна, Слуга и за нимъ всльдъ Анята.

Юлія Петровна *(надписывая адресъ).*

Скорѣ отвезти это письмо въ деревню къ Нарцису Григорьичу Мотылькову, и отдать въ собственныя руки.

Слуга *(взявъ письмо).*

Слушаю-съ. *(Встрѣтивъ Аняту).* Что тебѣ надобно?

Анята *(робко).*

Я къ барынѣ!

Юлія Петровна *(вставая изъ-за стола).*

Кто тамъ? *(Увидя Аняту).* А! это ты... Какъ бишь тебя зовуть-то? *(Слуга ушелъ).*

Анята *(робко и издали кланяясь въ поясъ).*

Анята... дочь садовника Ильи...

Юлія Петровна.

А! да... помню... За чѣмъ же ты пришла Анята? Не бойся, подойди!...

Анята.

Матушка барыня... я милости просить пришла у вашей милости!

Юлія Петровна *(улыбаясь).*

Ну, чтожъ! Проси, милая, проси!... Я теперь въ хорошемъ расположеніи... Какой-же ты милости себѣ просишь?

Анята.

Не себѣ, матушка барыня, а вонъ тому дородному-то парню, что давеча сюда къ вашему сожителю на судъ приводили.

Юлія Петровна.

А! Этотъ мужикъ? я его незамѣтила.

Анята.

Экое горе!

Юлія Петровна.

Что такое?

Анята.

Я молвила экое горе, что вы Ванюху не замѣтили... Ему было бы хорошо, да и вамъ не въ потерю... на красиваго парня всегда любо посмотреть.

Юлія Петровна.

А! такъ онъ красивъ?

Анята.

Пригожѣ нѣтъ въ цѣлой деревнѣ... и ужъ вѣстимо вы бы не оставили его своей лаской.

Юлія Петровна.

Мужика?... Не думаю...

Анята.

Умилосердитесь, матушка барыня! Ванюха въ бѣду попался, а его невзгодье

и меня сокрушить! Покалеча его посадили на хлѣбъ и на воду, а тамъ, пожалуй, и Богъ вѣсь, что еще съ нимъ сдѣлаютъ!.. А въ чемъ провинился онъ сердечный?... въ барской рошѣ зайчишку застрѣлилъ ненарокомъ; вотъ и вся бѣда, матушка барыня!

Юлія Петровна.

Такъ тебѣ очень жаль этого молодого крестьянина?

Анюта.

Какъ же не жаль, сударыня! Не токма, что я, его суженая, даже и всѣ другія-то наши дѣвки о немъ навзрыдъ плачутъ. Родимой ты мой Ванюша. Коли денька два его продержатъ на хлѣбъ да на водѣ, опъ, какъ пить дастъ, умереть съ голоду.

Юлія Петровна.

Стало быть твой Ванюша любить хорошо пообѣдать?

Анюта.

Понятное дѣло: малый кровь съ молокомъ, и весь вѣкъ жилъ въ Москвѣ въ трактирщикахъ! Всякой разъ какъ онъ придетъ сюда изъ Москвы за пачпортомъ, всѣ наши дѣвки, молодки и вдовушки, чѣмъ угостить его не знаютъ!

Юлія Петровна.

№ 9.

Всѣ у васъ по немъ вздыхаютъ
Стало этотъ мужичокъ,
Какъ Французъ называють,
Деревенскій петушокъ!

Анюта.

Вотъ ужъ можно безъ ошибки
Петушкомъ прозвать его:
Наши бабы словно цыпки,
Такъ и шнырять вкругъ него!

Юлія Петровна.

И онъ около ихъ тоже?

Анюта.

Ну, нѣтъ, онъ что-то немного къ нимъ ластится, и любить меня одну.

Юлія Петровна.

Это похвально. Жаль, что я не обратила на него вниманія; должно быть очень любопытно и забавно мужицкое лицо, ко-

торое сводить съ ума всѣхъ этихъ... сарафанщицъ!

Анюта.

Да вы посмотрите-ка сперва, какой онъ молодецъ! Плотный, плечистый, черные глаза, бровь дугою, бородака чуть-чуть пробивается... а зубы! бѣлье снѣга!..

Юлія Петровна.

Да, да, понимаю!... (въ сторону.) Точь въ точь мой Нарцисъ!

Анюта.

А какъ онъ пляшетъ, матушка барыня!

Юлія Петровна.

Хорошо?

Анюта.

Гмъ! всѣхъ ребятъ въ хороводъ за поясъ заткнетъ. Сперва эдакъ, знаете, плечикомъ и глазками одолжить; а тамъ какъ пустится въ присядку, то всѣ жилки такъ вотъ и заговорятъ, право слово! А ужъ какъ поетъ, матушка барыня!..

Юлія Петровна.

Что за чудеса!.. По этому онъ на все мастеръ?... И хорошъ у него голосъ?

Анюта.

Соловей, да и только! Весь день слушай, не наслушаешься! Какъ возьметъ свою... не то что балалайку, а бандуру эдакую... сперва начнетъ такъ тихо тихо и сладко, словно медъ какой, а тамъ вдругъ какъ гаркнетъ — да и заyleтся! Такъ вотъ мурашки по сердцу и побѣгутъ! Ахъ ты, Господи Боже мой! и рассказать нельзя, что за пѣсенникъ этотъ Ванюша!

Юлія Петровна.

О, о! какой огонь!

Анюта.

Не осудите, матушка барыня,.. оно хоть и совѣстно, а я вымоляю вашей милости всю мою зазнобушку... Ванюша крѣпко мнѣ полюбился... я безъ него жить не могу... да что! кажись будь каменная, такъ и та отъ него растаетъ!.. а мы хоть и крестьяне, но у насъ вѣдь тоже есть сердце... Помилосердуйте, сударыня, попросите барина, чтобъ онъ

приказалъ его выпустить!... Заставьте за себя вѣчно Богу молить!

Юлія Петровна *(задумавшись, въ сторону)*.

Она счастливей меня... Она любитъ своего жениха; а я никогда не испытала этого чувства.. Ну, право, мнѣ и въ умъ бы не пришло, что здѣсь, между деревенщиной, есть такой мужикъ Ловелась. Это должно быть очень забавно. *(Въ слухъ)*. А гдѣ теперь твой Иванъ?

Анюта.

Тамъ, въ людской избѣ, подѣ карауломъ сидитъ, матушка барыня. Вамъ стоитъ только слово вымолвить — и я въ минуточку приведу его къ вашей милости.

Юлія Петровна.

Нѣтъ... я не терплю подлѣ себя мужиковъ... а впрочемъ... ты мнѣ его такъ расхвалила... я похлопочу. *(Пишетъ записку)*.

Анюта.

Такъ его выпускать?

Юлія Петровна.

Да, на время... пусть сперва придетъ сюда просить прощенія.

Анюта.

Ахъ, матушка барыня! Пошли вамъ Богъ всякаго благополучія!... Дозвольте ручку поцѣловать.

Юлія Петровна *(подавалъ ей руку)*.

Ты, милая, должна благодарить не меня... ко мнѣ сегодня придетъ другъ дѣтскихъ лѣтъ моихъ, а когда я бываю довольна и счастлива, то никому и ни въ чемъ не могу отказать.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе, Чухлымовъ и потомъ Мотыльковъ.

Чухлымовъ *(съ досадою)*.

— Гость твой прикатилъ.. какъ тутъ явился!

Юлія Петровна.

Кто? Нарцисъ!...

Чухлымовъ.

Ну, да; я въ окно видѣлъ, карета подѣхла.

Юлія Петровна.

Неужели! .. *(въ сторону)* Ахъ! я въ такомъ волненіи... Чувствую дурноту...

Чухлымовъ.

Что съ тобою?

Юлія Петровна.

— Ничего... такъ, что-то вдругъ голова закружилась.

Чухлымовъ *(въ сторону)*.

Я зналъ напередъ, что этотъ гусь ей вкружить голову.

Анюта.

Матушка барыня, чтожъ писуличку-то?

Юлія Петровна *(отдавалъ ей лоскутъ бумаги)*.

Ахъ, да! Приказъ, чтобъ выпустили твоего Ивана!

Чухлымовъ.

Какъ! Ивана выпустить?

Юлія Петровна.

Ну, да, если этотъ несчастный мужикъ заслужитъ прощеніе...

Чухлымовъ.

О, тогда конечно.. *(тихо Анютѣ)*. Впрочемъ, это отъ тебя зависить.

Мотыльковъ *(за кулисами)*

Ну, да! Это я, я, чортъ возьми! Здравствуйте! Здравствуйте!

Юлія Петровна.

Его голось.

Чухлымовъ.

Вотъ и Аполлонъ Бѣлозерскій!

Юлія Петровна.

Оставьте глупыя шутки, сударь! Онъ прекрасный, полный и свѣжій мужчина.. Побѣгу къ нему на встрѣчу! *(Хочетъ идти. Мотыльковъ появляется въ дверяхъ; желтый, беззубый, худой, изнеможенный... словомъ кости да кожа.)*

Мотыльковъ (въ дверяхъ.)

Хорошо! хорошо.... Животные! Смѣются такъ, какъ будто насмѣхаются.

Юлія Петровна (отступая.)

Что я вижу?

Чухлымовъ (тоже.)

Что это?

Анюта.

Экой поджарый!... (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Чухлымовъ, Юлія Петровна и Мотыльковъ.

Мотыльковъ (съ экстазомъ подходя къ Юліи Петровнѣ, чтобъ поцѣловать у ней руку.)

Вы ли это, ma chagrante Julie! О! мигъ блаженства!

Юлія Петровна (отнимая руку.)

Конечно, я имѣю честь говорить съ другомъ Monsieur Мотылькова?

Чухлымовъ.

Вы пріятель Нарцису Григорьевичу?

Мотыльковъ.

О! мы съ нимъ одна душа и одно тѣло!... Я самъ Нарцисъ Григорьичъ Мотыльковъ, какъ видите.

Чухлымовъ.

Быть не можетъ!

Юлія Петровна (въ сторону.)

О, ужасъ!

Мотыльковъ.

Одна душа и одно тѣло.. Ха! ха! Замѣтили? Какая тонкость!.. Каламбуръ!..

Чухлымовъ (захохотавъ во все горло.)

Ха! ха! ха!

Мотыльковъ (тоже.)

Ха! ха! ха!

Юлія Петровна (въ сторону, и стараясь улынуться.)

Не смѣшно, а жалко.

Мотыльковъ.

Вы меня не узнали, точно также, какъ

ваши крестьяне.... я показался имъ спичка спичкой!

Чухлымовъ.

Признаюсь! Васъ и половины не стало.

Мотыльковъ.

Растаялъ въ дорогѣ... ха! ха! ха!

Юлія Петровна (въ сторону.)

Ахъ! какой гадкій! какой гадкій!

Мотыльковъ.

Именно.... я совсѣмъ разстроился въ своемъ здоровьѣ и доходахъ... Потому и намѣренъ теперь поселиться у себя въ деревнѣ.

Чухлымовъ.

И сдѣлаться хозяиномъ?

Мотыльковъ

Вполнѣ.. Но не полнымъ!.. (Смѣясь и указывая на свои впалыя щеки.) Ха! ха! ха!... Замѣтили? Каламбуръ!... Но чтожь вы оба такъ пристально на меня смотрите? Неправда ли, я похорошѣлъ? А? а! да, я сталъ теперь гораздо интереснѣе.... Прежде я былъ такой невинный, простачокъ, дутикъ... и походилъ на толстую и румяную крестьянку.

Чухлымовъ.

Это правда!

Мотыльковъ.

Лицо у меня было точъ въ точъ вербочка восковая, голова же ребячья... и пустая!.. Ха! ха!... голова же ребячья... Замѣтили?.. Опять каламбуръ!.. О! да!.. до моего путешествія за границу, я былъ глупъ... ужасно глупъ, но теперь совершенно перемѣнился.

Юлія Петровна.

Ну нѣтъ, я этого не скажу.

Мотыльковъ.

Ужь я васъ увѣряю.... Перемѣнился и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи... и знаете ли отчего перемѣнился?... Все бѣхалъ на перемѣнныхъ! Ха! ха! Еще каламбуръ!... Удивительное дѣло, какъ я въ Парижѣ привыкъ къ каламбурамъ... Никакъ не могу, чтобъ не остриться, но бороды не брѣю: нынче такая

мода... Ха! ха! ха! этотъ хорош!.. Не правда ли?

Юлія Петровна (съ ироніей.)

Очень хорош!

Чухлымовъ.

Безподобень! ха! ха!

Мотыльковъ

Н. 10.

Я сталъ теперь другимъ созданиемъ,

Да, я не то, что прежде былъ:

Парижъ своимъ образованиемъ

Меня совсѣмъ преобразилъ,

Хотя немножко искажилъ.

Лишь тамъ узналъ я цѣну жизни

И наслажденья испыталь...

Я не жилъ здѣсь въ моеи отчизнѣ,

А на морозъ прозиралъ.

Парижъ для ловкаго мужчины,

При деньгахъ — просто рай земной:

Вездѣ пассажи, магазины,

И магазиницы... ой! ой!

И все прелестныя собой!..

А ужъ танцовщицы, актрисы!..

Бывало, поздно всеркомъ,

Придешь одинъ къ нимъ закулисы,

Отъ нихъ уйдешь... всегда вдвоемъ!..

Честью клянусь!.. Ха! ха! ха! тамъ съ талантами лишь были бы таланты! ха! ха!

Чухлымовъ.

Ха! ха! ха!

Юлія Петровна (строго.)

Нарцисъ Григорычъ!

Мотыльковъ.

Pardon! Pardon!.. (въ сторону) Не люблю травы не тронь меня!

Юлія Петровна.

Что за тонъ! Что за манеры!

Чухлымовъ.

Теперь вы стали молодой человекъ... самый модный!..

Мотыльковъ (кашляя.)

И нигуда не годный!.. Ке-хе! ке-хе!.. грудь чертовски болитъ.

Чухлымовъ.

Не понимаю какъ же съ такимъ слабымъ здоровьемъ вы могли вчера удержать на всемъ скаку бѣшеную лошадь...

Мотыльковъ.

Что?

Юлія Петровна (вглядываясь въ него.)

И отнести на своихъ рукахъ даму въ обморокъ?..

Мотыльковъ (удивясь.)

Какую лошадь? Какую даму?

Чухлымовъ.

Такъ это не вы?.. (въ сторону). Я напередъ былъ увѣренъ.

Юлія Петровна (въ сторону.)

Я очень рада... но кто же спасъ меня?

Мотыльковъ.

Что за чудеса вы мнѣ тутъ нагѣваете?... Бѣшеная лошадь, въ обморокъ дама... я отнесъ ее на своихъ рукахъ... ужъ это изъ рукъ вонъ, какъ вы меня морочите!.. Ну можно ли, чтобъ я удержалъ лошадь и сдержалъ даму, когда я самъ едва на ногахъ держусь?.. Стоитъ только дунуть, и меня какъ не бывало!.. Шелкушкинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ путешествовали, на возвратномъ пути говорилъ мнѣ: «Нарцисъ! Укатали тебя крутыя горки! Ступай братъ въ деревню! Пора тебѣ на подножный кормъ.» Ха! ха! ха! И я внялъ его совѣту: прѣхаль на подножный кормъ!

Юлія Петровна (въ сторону.)

Что за выражения!

Чухлымовъ.

Ха! ха! ха!.. Послушайте однакожъ, Нарцисъ Григорычъ, не хотите ли вы закусить чего нибудь въ ожиданіи ужина?

Мотыльковъ.

Чашку бульону, если прикажете, съ удовольствіемъ; все другое для меня тощаго, жирно будетъ... Ха! ха! ха!.. и этотъ не дурень!

Чухлымовъ.

А послѣ мы сыграемъ пульки двѣ въ преферансъ.

Мотыльковъ.

Нѣтъ, ужъ увольте!.. Въ банкѣ я нахожу себѣ какую нибудь жизнь; но въ преферансѣ, кромѣ червей и скуки, ничего не вижу... а въ червяхъ я и безъ того успѣю, не только насидѣться, но да-

же и належаться!.. Ха! ха! ха! Четыре разомъ!...

Чухлымовъ.

Пойдемте же, Нарцисъ Григорьичъ, въ мои комнаты: вамъ сейчасъ подадутъ бульону

Мотыльковъ.

Между прочимъ, ужъ я все таки съ вами поужинаю. Мы съ вами выпьемъ шампанскаго по двѣ бутылки на брата, чтобъ послѣ уснуть покрывче... и Юлія Петровна намъ сдѣлаетъ компанію.

Юлія Петровна.

Извините... Я вечеромъ имѣю привычку ходить по саду — и совершенно одна!

Мотыльковъ.

О! что до меня... я по вечерамъ ни шагу за порогъ... боюсь сырости.

Чухлымовъ (въ сторону.)

Теперь я знаю какъ распорядиться!... (Вслухъ). Прошу покорно Нарцисъ Григорьичъ.

Мотыльковъ.

Сю минуту. (Тихо Юліи Петровнѣ.) Но я съ вами еще увижусь, прелестная... Это письмо, это безцѣнное письмо, что отъ васъ получилъ...

Юлія Петровна (въ сторону.)

Ахъ, я сумасшедшая.

Мотыльковъ (кашляя.)

Кехе!.. кехе!.. кехе!.. Силь нѣтъ, задыхаюсь... (кашляетъ еще сильнѣе.) Кехе! кехе!

Юлія Петровна.

Да онъ въ чахоткѣ!...

Н. 11.

Вмѣстѣ.

Юлія Петровна (въ сторону.)

Не могу я надивиться!

Прежде былъ онъ такъ хорошъ...

Можноль такъ перемѣниться?

И на что онъ сталъ похожъ!

Чухлымовъ (въ сторону.)

Право надо согласиться!

Онъ и прежде былъ хорошъ,

А какъ вздумалъ прокатиться —

Сталъ ии на что не похожъ!

Мотыльковъ (въ сторону.)

Нѣтъ, пора остепениться,

Такъ не долго наживешь!..

Надо, надо полечиться.

Кашель больно не хорошъ.

Юлія Петровна (одна въ сторону.)

На него смотреть поближе.

Такъ Ей Богу, право, жаль!

Вотъ что значить жить въ Парижѣ

И ходить въ Пале-Рояль!

Вмѣстѣ.

Юлія Петровна.

Не могу я надивиться... и проч.

Чухлымовъ.

Право надо согласиться... и проч.

Мотыльковъ.

Нѣтъ, пора остепениться... и проч.

(Чухлымовъ и Мотыльковъ уходятъ на право.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Юлія Петровна и потомъ Анята и Иванъ.

Юлія Петровна (одна.)

На подножный кормъ!.. Его отсылаютъ на подножный кормъ! и дѣйствительно онъ больше никуда не годится! Кто бы въ немъ ожидалъ такую перемѣну!... Прежде онъ былъ премилый и прекрасный юноша, а теперь съѣздилъ за границу, и сталъ дуракъ дуракомъ... А я еще написала къ нему нѣжное письмо!.. Ну, если онъ во зло его употребить?... А чего добраго!... Его на это станетъ!... На подножный кормъ!...

Анята (въ дверяхъ Ивану.)

Войди, не бойся!...

Юлія Петровна.

Кто тамъ? А! это ты, Анята?

(Анята) Анята (плачясь.)

Точно такъ, матушка барыня... Вотъ Ванюшу привела къ вашей милости.

Юлія Петровна.

Гдѣ же онъ?

Анята.

За дверьми стоитъ... войти боится.

Юлія Петровна.

Пусть войдетъ!

Анюта (*Ивану, таща его
взъ двери.*)

Ступай, что ли!.. смѣй, упрасивай;
а я межъ тѣмъ къ барину пойду.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Юлія Петровна и Иванъ.

Юлія Петровна (*смотря на
него, въ сто-
рону.*)

Да, онъ собой не дурень!.. Право не ду-
рень!.. А все мужикъ... эи!..

Иванъ (*взъ сторону.*)

Уфъ! Какъ она на меня поглядываетъ!..

Юлія Петровна (*ласково.*)

Подойди!

Иванъ (*забывшись и бы-
стро подходя.*)

Здравія желаемъ!

Юлія Петровна (*гордо*)

Что?...

Иванъ (*отступая.*)

Виновать-сь!...

Юлія Петровна.

Ты испугался?

Иванъ.

Есть тотъ грѣхъ, сударыня... душа въ
пятки ушла.

Юлія Петровна.

Однако, ты не такъ робокъ, какъ ка-
жешься... Ты дерзокъ, и даже слишкомъ
дерзокъ... Я знаю случаи...

Иванъ.

Вотъ тебѣ на!...

Юлія Петровна.

Гдѣ для тебя ничего нѣтъ священнаго!...

Иванъ (*взъ сторону.*)

Она все провѣдала!

Юлія Петровна.

И гдѣ ты позволяешь себѣ... ..

Иванъ.

Простите сударыня... ради Бога про-
стите!.. На этотъ разъ я не могъ совла-
дѣть съ собою... вижу, скачетъ, сломя
голову....

Юлія Петровна.

Да что мнѣ до зайца, котораго ты за-
стрѣлилъ!

Иванъ.

А! такъ ваша рѣчь объ зайцѣ?... А я
думалъ... Зайцы у васъ священные! Стало
я ошибся?...

Юлія Петровна.

А о чемъ же ты говоришь?

Иванъ.

Такъ... ни о чемъ, матушка барыня!

Юлія Петровна.

Скажи!..

Иванъ.

Не смѣю, да и нѣтъ надобности!—

Юлія Петровна.

Я тебѣ приказываю!

Иванъ (*испугавшись.*)

Ахъ ты, Господи!... Вы можете стать-
ся осерчаете на меня, сударыня... а я
божусь вамъ, не могъ удержаться, когда
увидѣлъ...

Юлія Петровна.

Что?...

Иванъ.

Что ваша верховая лошадь мчитъ васъ
прямо въ оврагъ....

Юлія Петровна (*взъ живо-
стію.*)

Ну!...

Иванъ.

Я позабылъ, что вы строго запретили
нашему брату мужику близко къ вамъ
подходить... Бросился прямо коню подъ
ноги, схватилъ за узду, и вѣстимо, могъ
себѣ шею сломить, да что за важность!

Юлія Петровна (*взъ сторону.*)

Это былъ онъ!...

Иванъ.

Вотъ я вижу, у васъ и глазки заката-
лись... Вы падаете съ лошади и.... не
гнѣвайтесь, матушка барыня; нельзя же
мнѣ было удержать вашу милость, и не
дотронуться... Я взялъ васъ къ себѣ на
руки... ваше платье разстегнулось... (*взъ
живостію*) Я не смотрѣлъ, матушка ба-
рыня!.. Видитъ Богъ, не смотрѣлъ.

Юлія Петровна.

И умно сдѣлалъ.... Продолжай.

Иванъ.

Вотъ, сударыня, взявши вашу милость на руки, я со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, что въ концѣ роши, и положилъ васъ тамъ на кананельку... Вы были все безъ памяти... пуколки у васъ разтрепались, щечки поблѣднѣли... дыханіе сперлось... *(съ живостію.)* Пальцемъ не касался, матушка барыня! Видитъ Богъ не касался!

Юлія Петровна.

Еще бъ ты осмѣлился! *(въ сторону)* Глупецъ *(въ слухъ.)* Продолжай!..

Иванъ.

Но... грѣшный человекъ, матушка барыня... я таки съ минутку полюбовался, глядя на вашу милость... вы, то есть... кажись пригоже васъ нѣтъ на свѣтъ!.. Простите, не погнѣвайтесь за правду.

Юлія Петровна.

Продолжай.

Иванъ.

Я все рассказалъ, сударыня... признаться, я хотѣлъ было васъ волицей сыркнуть, да услышалъ, что вы въ безчувствіи-то извольте курныкать по тихоньку.

«Прочь отъ меня!...»

«Прочь!...»

И поскорѣй даль тягу изъ бесѣдки.

Юлія Петровна.

И ты никому не говорилъ объ этомъ?

Иванъ.

Боже меня упаси, матушка барыня!

Юлія Петровна.

Хорошо! *(вынимая кошелекъ.)* Вотъ тебѣ въ подарокъ за мое спасеніе.

Иванъ.

Покорнѣйше благодарю; я не изъ денегъ, сударыня!

Юлія Петровна.

Возьми, я тебѣ приказываю.

Иванъ *(кланяясь)*

Не смѣю послушаться.. *(беретъ кошелекъ)* Ахъ! коли бы, матушка, да упро-

сила барина, простить меня за убитаго зайчишку.

Юлія Петровна.

Не бойся... Я беру тебя подъ свое покровительство.

Иванъ *(кланяясь въ по-
лкъ.)*

Ангель небесный! Пошли вамъ Богъ несчетныя лѣта!

Юлія Петровна *(въ сторону,
посматривая на
Ивана.)*

Онъ очень, очень недурень... Славные глаза!

Иванъ.

Теперь эти деньги пойдутъ намъ на свадьбу съ Анютою.

Юлія Петровна.

Да! ты женишься на Анютѣ... Однакожъ я слышала, что ты, между прочимъ, и за другими ухаживаешь?

Иванъ *(повертывая
шляпой.)*

Никакъ нѣтъ-съ... Звать не знаю, вѣ-
дать не вѣдаю!

Юлія Петровна.

Лжешь... говорятъ, всѣ здѣшнія кре-
стьянки на тебя заглядываются.

Иванъ *(смѣясь по-де-
ревенски.)*

Ги! ги! ги!

Юлія Петровна *(въ сторону.)*

Лицо глупое, но пріятное. *(Въ слухъ.)*
Говорятъ, во всей деревнѣ ты слышишь
первымъ красавцемъ?

Иванъ *(съ самодоволь-
ствіемъ.)*

Мало ли что говорятъ, матушка бары-
ня! языкъ безъ костей — хлѣба не про-
ситъ!

Юлія Петровна *(въ сторону.)*

Каковъ! хоть и мужикъ, а тоже фатъ,
и не меньше инаго дворянина!... Любо-
пытно узнать, какимъ образомъ они из-
ясняются въ любви между собою?..

Иванъ (въ сторону.)

Какъ она на меня уставилась!... о! о! о!

Юлія Петровна.

Иванъ! послушай!

Иванъ (почтительно.)

Что прикажете?

Юлія Петровна.

Я бы желала имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что ты говоришь, когда любезничаешь съ своими сарафаницами?

Иванъ (смѣясь.)

Ги! ги! Да что-съ?.. Ничего-съ!

Юлія Петровна.

Ну, быть же не можетъ!... Напримѣръ, расскажи мнѣ подробно, гдѣ и какъ ты въ первый разъ познакомился съ твоею невѣстой, Анютою?

Иванъ (запинаясь.)

Познакомился въ хороводѣ, а посватался одинъ на одинъ, въ другомъ мѣстѣ...

Юлія Петровна.

Гдѣ же это?

Иванъ.

Да на что жъ вамъ?

Юлія Петровна.

Я хочу....

Иванъ (смѣясь.)

И! какія вы, матушка барыня!

Юлія Петровна.

Я приказываю.

Иванъ.

Коли вашей милости безотмѣнно угодно... извольте, всю подноготную вамъ доложу... (въ сторону.) А и сама-то она баба знатная, точно лебедь бѣлая!

Юлія Петровна.

Ну, чтожъ ты сталъ?.. Рассказывай!

Иванъ.

Вотъ видите ли, сударыня!.. Ономнясь шель я густымъ лѣсомъ, не далече отсель... шель я съ ружьемъ и съ собакою... Знаете, тетеревей стрѣлялъ. Идучи путемъ дорогой, отъ скуки началъ я пѣсеньки потягивать... Вдругъ моя барбоска шастъ въ сторону, и благимъ матомъ за-

лаяла... И слышу, кто-то какъ завизжить: ай! ай! ай! батюшки! я туда; что-моль такое?... Глядь, Анюта съ кузовкомъ грибки собираетъ!... Я барбоскѣ: «тибо, каторжная!...» И прыгъ къ Анютѣ... «Здорово, Анюта!...» Здорово, добрый молодецъ!.. Ишь, твоя собаченка такъ меня всполошила, что я всѣ грибки просыпала... «Ничего, Анюта», говорю я, «не сердись, мы теперь съ тобою вдвоемъ-то вдоволь ихъ наберемъ» — «Какъ-бы не такъ!» говоритъ она, «пошла я въ лѣсъ съ молодымъ парнемъ! Держи карманъ!»

Юлія Петровна (смѣясь.)

Да это, ей Богу презабавно! Ха! ха! Какой нѣжный разговоръ.

Иванъ.

«Да отчего жъ-моль, Анюта, ты не пойдешь со мною?... Вѣдь я, моя краличка, еще смириѣе барбоски, и не укушу тебя!» А что послѣ скажутъ про насъ добрые люди?... говоритъ она — а сама изъ-подтишка на меня поглядываетъ... вотъ точнехонько какъ вы теперь, матушка барыня.

Юлія Петровна (въ сторону.)

Онъ меня въ краску вогналъ!

Иванъ.

«Что намъ до людскихъ пересудовъ, Анюта!» — говорю я — «на всякое чиханье не наздравствуешься. Экая ты красавица, Анюта! Глазки у тебя будто звѣздочки, бровь соболиная, коса шелковая, а уста сахарные!» — да ни съ другаго слова чмокъ ее! (забывшись хочетъ поцѣловать Юлію Петровну, и въ страхъ отступаетъ.) Не гнѣвайтесь, матушка-барыня! Это такъ только, къ при-мѣру будъ сказано.

Юлія Петровна.

Что жъ она тебѣ, за твою дерзость?.. Пощечину, конечно?

Иванъ.

И! нѣтъ, сударыня... наши дѣвки изъ малости не дерутся; а если осерчаютъ,

Кн. VII. — 3

быть по ролю не младой, а просто дулакомъ. Вдѣтъ я! (вспомнивъ.)

Юлія Петровна. Ха! ха! продолжай!

Иванъ. Вотъ, сударыня! ты молъ, какъ я ее чмокнулъ, она вся какъ щуръ такъ и покраснѣла! «Перестань!» — говорить — «Ванюха, дурачьтсья!.. Я» — говорить — «матушкѣ скажу. Лучше спой-ка мнѣ — говорить — пѣсенку!»

Юлія Петровна (вспомнивъ, — въ вѣднѣ). Ахъ, да!.... Лучше спой-ка мнѣ пѣсенку!

Иванъ. Ни дать, ни взять вотъ такимъ манеромъ и вы теперь говорите!

Юлія Петровна (улыбаясь). Право?.. Ты мнѣ лъстишь.

Иванъ. Клянусь Богомъ, хоть умереть!

Юлія Петровна. Ну! и ты для Анюты спѣлъ пѣсенку?

Иванъ. Да еще какую пѣсню-то!

Юлія Петровна. Спой же и для меня.

Иванъ. Въ вашихъ хоромахъ-то я боюсь, сударыня: неравно баринъ услышитъ и разгѣвается.

Юлія Петровна. Не бойся, когда я тебѣ приказываю: баринъ тамъ у себя, на своей половинѣ.

Иванъ. А когда такъ... извольте, сударыня.

Русская пѣсня.

Н. 12.
Что ты рано, травушка,
Пожелтѣла?
Что вы рано, цыпки,
Облетѣли?
Что ты красна дѣвица
Похудѣла?
Впалъ лѣсны оченки,
Потускнѣли!

Юлія Петровна (въ сторону.)

Какой прелестный голосъ! И сколько чувства! (въ слухъ.) Не даромъ Анюта хвалила мнѣ твой талантъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты мастерски поешь! и пѣсня такъ хороша, что я желала бы ее выучить.

Иванъ. Анюту я выучилъ.

Юлія Петровна. Выучи и меня.

Иванъ. Съ превеликимъ удовольствіемъ-съ!

Юлія Петровна. Пропой же ты первые стихи, а я послѣ повторю за тобою.

Иванъ. Извольте-съ.

Что ты рано, травушка,
Пожелтѣла?

Юлія Петровна (прерывая его). Постой-же, теперь я (поетъ):

Что ты рано, травушка,
Пожелтѣла?

Иванъ. Чудо какъ хорошо! Съ разу поняли!..

только на послѣдяхъ-то немножко повыше поднимайте, матушка барыня... (напѣвая.)

«Пожелтѣла!»

Видите? Юлія Петровна.

Да... (повторяетъ.) «Пожелтѣла!»

Такъ? Иванъ (съ восторгомъ.)

Такъ, точехонько такъ!.. Ахъ, матушка барыня! Да вы въ тысячу разъ складнѣе Анюты поете!

Юлія Петровна (улыбаясь, и смотря на него съ выраженіемъ.)

Въ самомъ дѣлѣ?

Иванъ. Да и глазки-то у васъ въ миллионъ разъ

лучше!

Юлія Петровна, я просю покорно! А я думала, что у меня Анютины глазки...

Иванъ.

Кажись, будь у насъ въ хороводъ такая красавица.

Юлія Петровна (взявъ свой дамскій зонтикъ со стола.)

Ну!

Иванъ.

Я все бы съ ней съ одной отплясывалъ.

Юлія Петровна.

Право?

Иванъ.

А понадись она мнѣ въ рошѣ съ грибами...

Юлія Петровна.

Чтожь бы ты?

Иванъ.

№ 13.

(Музыка изъ Французской пѣсы: *Vils roturiers.*)

(Постороніе № 5.)

Зацѣловалъ бы въ пухъ.

Юлія Петровна (смѣясь.)
Вотъ на!

Иванъ.

Ей! Ей!

Юлія Петровна.

А если бы она

За это вздумала сердиться?

Иванъ.

Я обнялъ бы ее...

Юлія Петровна.

Но какъ?

Иванъ.

А вотъ...

Юлія Петровна (мгновенно принявъ гордый видъ, и ударивъ его зонтикомъ по лицу.)

Мужикъ!

Иванъ (испугавшись и схвативъ себя за носъ.)

Ахъ я дуракъ!

Юлія Петровна.

Прочь, гублякъ!

И какъ ты смѣлъ, болванъ!

Предъ госпожей своей забылся!

(Иванъ въ величайшемъ страхѣ убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Юлія Петровна (одна.)

Онъ убѣжалъ... испугался... п. слава Богу!... а то ужъ мнѣ и самой страшно становилось... Какова дерзость, однакожь! Только позволь этому народу, — они пожалуй и Богъ знаетъ что надѣлаютъ!.. Впрочемъ, предо мною открылся теперь какой-то новый міръ... Старый мнѣ такъ наскучилъ!... Да, хорошо, что взглянувши на свое платье, я во время опомнилась... У него чудесный голосъ и славные глаза!..

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Юлія Петровна, Анюта и потомъ

Иванъ.

Анюта (входя съ правой стороны.)

Чтобъ ни вышло, а я все расскажу барынь!

Юлія Петровна.

А! это ты Анюта? (въ сторону.) Женихъ ея человекъ преопасный.

Иванъ (въ среднихъ дверяхъ.)

Анюта!... Э! да съ ней барыня!

Юлія Петровна.

Что тебѣ надобно? За чѣмъ ты пришла, Анюта?

Анюта.

Безъ васъ мы пропали, сударыня!

Юлія Петровна.

Какъ такъ? Объяснись!

Анюта.

Я все за Пвана хлопочу...

Иванъ (выглядывая изъ-за дверей.)

Рѣчь обо мнѣ.

Анюта.

Я ходила къ барину просить о немъ

Юлія Петровна.

Къ моему мужу?... Чтожь? Ты хорошо сдѣлала; надобно, чтобъ онъ согласился.

Анюта.

Я встрѣтила его тамъ на другомъ крыльцѣ, и принялась слезно умаливать ихъ милость... Баринъ подъ конецъ умилосердился.

Юлія Петровна.

Ну!

Анюта.

И обѣщался простить Ванюшу, и даже опредѣлить къ себѣ въ лѣсничіе.

Юлія Петровна.

Право?

Иванъ *(изъ за дверей.)*

Наша взяла!

Анюта.

Истинно такъ.... только съ уговоромъ, сударыня.

Иванъ.

Э!..

Юлія Петровна.

Съ уговоромъ!.. Съ какимъ?

Анюта.

Чтобъ я за прощеньемъ-то пришла къ нему уже ввечеру вотъ сюда, въ эту горницу.

Иванъ.

Ишь-ты!

Юлія Петровна.

Ужо, ввечеромъ?

Анюта.

Да, эдакъ въ сумерки.... и молвилъ это такимъ голоскомъ.

Юлія Петровна.

Неужели?

Анюта.

А что еще больше-то меня пужаетъ, матушка-барыня....

Иванъ.

Ну!

Юлія Петровна.

Говори!

Анюта.

Онъ притоманно мнѣ приказалъ улучшить

тотъ часъ, какъ вы въ садъ гулять пойдете!—

Иванъ.

Вотъ-что!

Юлія Петровна.

Какъ! Именно въ то время?

Анюта.

Н. 14.

Чуть въ саду онъ васъ замѣтитъ,

Такъ сюда и прибѣжитъ.

Юлія Петровна.

Неужли?

Иванъ *(въ дверяхъ.)*

Вишь какъ онъ зѣплетъ

Нашихъ бабъ, проклятый жидъ!

Юлія Петровна.

Отъ тебя чегожь онъ хочетъ?

Анюта.

Вы супружница его:

Вамъ вѣрнѣе знать — чего!

Иванъ *(съ гнѣвомъ.)*

Грибъ съѣсть баринъ! Пусть хлопочетъ!

Анюта *(оборачиваясь.)*

А?

Юлія Петровна.

Что тамъ?

(Иванъ исчезъ, и уже больше не показывается.)

Анюта.

Ничего-съ... мнѣ видно послышалось....

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Юлія Петровна и Анюта.

Юлія Петровна *(рассаживая по сценѣ, и разсуждая сама съ собою.)*

А! Дементій Патрикѣичъ!... Такъ-то вы изволите дорожить своимъ дворянствомъ!... Я на пять шаговъ къ себѣ мужиковъ не подпускаю, а вы безъ церемоній назначаете свиданія съ крестьянками... хорошо!

Анюта!

Явите божескую милость, матушка сударыня: ужо ввечеру-то останьтесь дома, не ходите никуда!

Юлія Петровна (*размышляя*).
Напротивъ, мнѣ бы хотѣлось уйти... и
остаться.

Анюта (*удивясь*).

Да какъ же это, сударыня?

Юлія Петровна.

А вотъ мы увидимъ... онъ хочетъ на
единъ съ тобой говорить?

Анюта.

Съ глазу на глазъ, матушка... ужъ та-
кой балаяникъ!

Юлія Петровна (*начиная о-
плать ходить*).

И кажется только съ крестьянками...
А! Дементій Патрикѣичъ!.. Вы любите
деревенскую простоту... Прекрасно! Вотъ
я увижу, что за разговоръ такой затѣва-
ли вы съ Анютой!

№. 15.

Я васъ выведу на сцену
Славно съ вами поступлю.

(*Указывая на Анюту*).

Сарафанъ ся надѣну,

Ей нарядъ свой уступлю!

} bis.

О мужины! О мужины!

Растерзала бы я васъ!

Насъ браните безъ причины,

Сами жъ хуже по сто разъ!

Если шапнямъ предается

Отъ жены супругъ съдой:

Что же дѣлать остается

Отъ съдаго — молодой?..

(*Анютѣ*) Ступай за мною въ мои комнаты.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Юлія Петровна и Мотыльковъ.

Мотыльковъ (*за кулисами*).

Клянусь честию, я чувствую себя какъ
нельзя лучше.

Юлія Петровна.

Мотыльковъ!

Мотыльковъ (*входя съ пра-
вой стороны*).

Чашка бульону произвела на меня самое
благоприятное дѣйствіе... (*Удерживая
Юлію Петровну*) Eh! ma belle cousine!..
Куда вы?

Юлія Петровна.

Извините... мнѣ нужно поговорить вотъ

съ этой крестьянкой... Иди, Анюта!..
(*Анюта уходитъ на льво*.)

Мотыльковъ.

А мнѣ съ вами очень нужно погово-
рить!

Юлія Петровна.

Не могу!

Мотыльковъ.

Permettez... я получилъ отъ васъ это
драгоценное, это очаровательное письмо.
(*вынимаетъ его изъ кармана, и цѣлуетъ*.)

Юлія Петровна.

Письмо? (*въ сторону*.) О! оно опять у
меня будетъ.

Мотыльковъ.

И ужъ конечно я не употреблю его во
зло... что впрочемъ совершенно отъ васъ
зависитъ.

Юлія Петровна (*въ сторону*).

Чудовище! (*въ слухъ*.) Какое письмо?
я что-то не помню!

Мотыльковъ.

Помилуйте! Неужели до такой степени
вы отъ меня безъ памяти?.. Письмо, ко-
торое вы сегодня ко мнѣ писали.. и вотъ
оно... (*Юлія Петровна хочетъ его взять,
Мотыльковъ не даетъ*.) Ah! pardon.. это
моя собственность!

Юлія Петровна (*въ сторону*).

О Боже!

Мотыльковъ (*читалъ*).

«Cher Narcisse! я душой лечу къ тебѣ
«на встрѣчу!.. Спѣши обрадовать ту,
«которая ни на одну минуту не переста-
«вала думать о тебѣ, любить тебя, и....»

Юлія Петровна (*стараясь
взять письмо*).

Позвольте!..

Мотыльковъ (*не давалъ*).

О! воспоминанія объ этихъ счастливей-
шихъ дняхъ въ моей жизни и со мной ни
на минуту не разставались! Давеча, какъ
въ первый разъ я васъ здѣсь встрѣтилъ,
я не знаю, что со мною сдѣлалось.... вол-
неніе въ груди — и дрожь по всему тѣ-
лу!..

Юлія Петровна (*улыбаясь*).
Лихорадка, можетъ быть?

Мотыльковъ.

Нѣтъ, хуже — горячка! горячка отъ любви къ вамъ, прелестная!

Юлія Петровна (*строго*).

Нарцисъ Григорычъ! вы въ горячкѣ бредите!

Мотыльковъ.

Клянусь вамъ!.. И ужъ выпивъ бульону чашку, я почувствовалъ себя въ своей тарелкѣ... ха! ха! ха! этотъ не дурень.

Юлія Петровна.

Нельзя ли уволить меня отъ вашихъ каламбуровъ?

Мотыльковъ.

Брошу и каламбуръ и всё свои Парижскія привычки! Поселюсь въ деревнѣ, подлѣ васъ... стану питаться зеленью, молокомъ... Это меня поправитъ и возвратитъ къ мирнымъ наслажденіямъ пастушеской жизни!

Юлія Петровна (*слѣдуя глазами за письмомъ*).

Дѣло доброе!

Мотыльковъ.

№ 16.

Мы вѣчно будемъ дружка съ дружкой.

Юлія Петровна.

Подобно вѣжнымъ пастушкамъ.

Мотыльковъ.

Вы будете моей пастушкой.

Юлія Петровна.

Не достаетъ барановъ вамъ?

Мотыльковъ.

О! заведутся и барашки!...

Юлія Петровна (*оглядывая его съ ногъ до головы*).

Да ужъ не въ родѣ ль пастушка?

Мотыльковъ.

Такіе крошечки, мишашки!...

Юлія Петровна (*съ стороною*).

Какъ жаль смотрѣть на дурака!

Мотыльковъ.

Именно, мы возобновимъ, какъ вы говорите мнѣ въ письмѣ...

Юлія Петровна (*приближаясь*).

А, да!

Мотыльковъ (*продолжая*).

Наши прежнія прогулки въ паркѣ, или въ рошу... Куда, бывало, мы такъ часто отправлялись вдвоемъ... Вы небрежно опирались тогда на мою круглую, пухлую ручку, и по временамъ слегка трепали мои розовыя щечки-пышечки, какъ вы ихъ тогда называли.... А помните ли, какъ вы кормили конфектами меня и вашу Зефирку, которая меня все за нкры кусала?

Юлія Петровна (*смотря на него, съ стороною*).

Ну, теперь ужъ кажется, и кусать нечего!

Мотыльковъ (*пробѣгая письмо*).

Да, еще одно сладостное воспоминаніе о тѣхъ вѣжныхъ ласкахъ...

Юлія Петровна (*выхвативъ у него письмо*).

Подайте же, вамъ говорить!

Мотыльковъ (*продолжая*).

Ласкахъ, которыхъ я толстый проstackъ не умѣлъ понять въ то время!...

Юлія Петровна (*съ самоуверенностію*).

А что жъ такое вы теперь изъ нихъ понимаете?

Мотыльковъ.

О, Дементій Патрикѣичъ, дорого могъ заплатить за свою доврчивость!

Юлія Петровна.

Вы, сударь, фать!

Мотыльковъ.

О! о! меня и въ Парижѣ всѣ дамы такъ величали.

Юлія Петровна.

Вы, сударь, имѣете дерзкій языкъ!

Мотыльковъ.

И это слыхалъ я тамъ, когда за були- сами волочился.

Юлія Петровна.

Вспомните, что здѣсь не кулисы.... выдѣ- те вонъ!

Мотыльковъ.

О! какой тонъ!... Но ужъ оно мнѣ не въ диковинку, и моя къ вамъ пламенная любовь.....

(Юлія Петровна слегка дотрогивается до него зонтикомъ, и Мотыльковъ на- даетъ въ кресла).

Юлія Петровна.

Сядьте, Monsieur Мотыльковъ.... Вамъ отдохнуть не мѣшаетъ.

Мотыльковъ (вставая въ бѣшенствѣ).

Берегитесь, сударыня!.. Ваше оскор- бительное обращеніе можетъ взбѣсить меня, и я васъ заставлю....

Юлія Петровна (удержи- вая его жестомъ).

Потише, Monsieur Мотыльковъ!.. Ме- ня трудно заставить!.. Вы забыли, что вы на подножномъ корму.... Желаю вамъ выходиться.... только ищите для себя поемные луга не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ (Уходитъ съ гордымъ видомъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Мотыльковъ и потомъ Иванъ.

Мотыльковъ (одинъ, въ бѣ- шенствѣ).

Какъ! Чортъ возьми!.. Меня на поем- ные луга!.. да что, я развѣ лошадь ка- кая!.. (закашливается.) Лицемѣрка! Она рѣшительно меня морочитъ только.... но мы еще увидимъ!.. А! любезная кузина... ты мнѣ войну объявляешь!.. тѣмъ хуже для тебя.. или нѣтъ, тѣмъ лучше, плу- товка!... Надо прямо штурмовать иныхъ красавицъ.

Иванъ (сходя, въ сред- нюю дверь).

Хоть зарѣжь, не пойду отсюда!

Мотыльковъ (самъ съ со- бою).

Чортъ возьми! Буду дерзокъ, если на- до.... мнѣ же оно къ лицу.

Иванъ (тоже).

Ужъ я подстерегу ихъ!

Мотыльковъ (увидя его).

Мужикъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?

Иванъ (въ сторону).

Вотъ тебѣ на!... я и не замѣтилъ эту сосульку.

Мотыльковъ.

Говори: чего тебѣ здѣсь надо?

Иванъ (смѣшавшись).

Да какъ бы вамъ сказать, баринъ?...

Вотъ изволите видѣть... объ эту пору барыня наша всегда по саду прогули- вается....

Мотыльковъ (въ сторону).

Ахъ, да! Она давеча говорила.... Ахъ! еслибъ мнѣ удалось.... (въ службѣ.) Такъ она въ садъ выйдетъ.

Иванъ.

А баринъ-то межъ тѣмъ!..

Мотыльковъ.

Ахъ, чортъ возьми.... я и забылъ, что онъ мнѣ какъ бѣльмо на глазу!

Иванъ.

А мнѣ какъ ножъ въ горль.... Не грѣш- но ли у крестьянина невѣсту отбивать?

Мотыльковъ (не слушая его).

Если бъ я могъ черезъ какую нибудь хитрую штуку задержать или удалить его.... ужъ тогда я бы славно за себя отмстилъ.... Въ саду есть темныя аллеи.... ночь, испугъ, нечаянность.... все благо- пріятствуетъ моему отважному намѣре- нію.

Иванъ (въ сторону).

Что этотъ поджарый тамъ про себя бормочетъ?

Мотыльковъ (все самъ съ собою).

Но мужъ?... И къ чему вездѣ эти мужья дорогу переѣзжаютъ!... А! да что на нихъ жаловаться! Они необходимы для комисма.... (Въ слухъ.) Мужикъ!

Иванъ.

Я за него!

Мотыльковъ.

Гдѣ Дементій Патрикѣвичъ?

Иванъ.

Сирѣчь, баринъ-то?

Мотыльковъ.

Ну, да, разумеется!... (въ сторону.) Этотъ малый, просто, дубина!

Иванъ.

Баринъ теперича у себя, тамъ, въ другомъ флигель... въ библиотекъ... ружья чистить.

Мотыльковъ.

Чистить ружья въ библиотекъ?... Это вѣдь флигель, что на право-то, а?

Иванъ.

Да-съ... Еще подъ окнами березы растутъ... Я видѣлъ, какъ онъ стоялъ у оконницы и поджидалъ, когда пройдетъ барыня, чтобъ опосля сюда сойти внизъ.

Мотыльковъ (вскрикнувъ).

О!

Иванъ.

Ай!

Мотыльковъ.

А!

Иванъ.

Э!

Мотыльковъ.

Какая мысль!... Вотъ чудная выдумка, въ газетахъ стоитъ напечатать!...

Иванъ.

Что онъ, бѣлены объѣлся, что ли?...

Мотыльковъ.

Мужикъ! Подойди!

Иванъ (подойдя).

Чего изволите?

Мотыльковъ.

Молчи и слушай! (Начинаетъ смер-

каться.) Прокрадѣсь по-осторожнѣ между деревьями къ дверямъ библиотеки... да смотри по-осторожнѣ, чтобъ Дементій Патрикѣвичъ тебя не выдалъ!...

Иванъ.

Ужъ будьте покойны!... Мышкой проползу.

Мотыльковъ.

Молчи и слушай!... Какъ подкрадешся, по-тихоньку запри дверь на замокъ...

Иванъ.

А барыня-то тамъ засадить?...

Мотыльковъ.

Ну, да!... Идіотъ!

Иванъ.

Идіотъ!... Что это за имя? Меня зовутъ Иваномъ.

Мотыльковъ.

Молчи и слушай!... Какъ запрешь, ключъ къ себѣ возьми!...

Иванъ.

А баринъ-то какъ же?

Мотыльковъ.

Онъ тебя не услышитъ... а послѣ, если вздумаетъ кричать, то ужъ ты его не услышишь.

Иванъ.

Вотъ потѣха!... Эдакъ, стало, онъ тамъ останется, а я на его мѣсто?... Да, оно вѣстимо ладно... ну, да какъ онъ опосля разсерчаетъ?

Мотыльковъ.

Я все на себя возьму.

Иванъ.

А коли онъ мнѣ зубы вышибетъ?...

Мотыльковъ.

Я отвѣчаю!

Иванъ.

И то ладно!... Онъ хотѣлъ меня... (показывая какъ стькутъ.) а я его... (Показываетъ какъ запираютъ.) Невѣсткѣ на отмѣсту!

Мотыльковъ.

Ну, пошелъ же скорѣ!... Вотъ тебѣ красенькая за труды и скромность. (Вынимаетъ бумажникъ).

Иванъ.

Помилуйте, сударь, будто бы я изъ-за денегъ... Пожалуйте. *(береть ассигнацію.)*

Мотыльковъ *(подходя къ среднимъ дверямъ).*

Ахъ! я вижу тамъ вдали мелькнуло бѣлое платье... Ея ростъ, ея талія... это она! *(Ивану.)* Мужикъ, мигомъ въ библютеку!

Иванъ.

Бѣгу! *(Уходитъ въ среднія двери на право.)*

Мотыльковъ.

А я вслѣдъ за нею. *(Уходитъ въ среднія двери на лѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

(На сценѣ совершенная темнота.)

Юлія Петровна *(одна, одѣтая крестьянкою, выходитъ изъ своей комнаты, съ лѣва).*

А! Monsieur Чухлымовъ, мой муженекъ, унижается до простой мужички... хорошо, мы посмотримъ!... Со мною онъ холодецъ и почтителенъ... Но ужъ вѣрно будетъ не таковъ съ Анютою... я очень рада это узнать на опытъ... Пожалуйте сюда, Дементій Патрикѣичъ, милости просимъ! Между тѣмъ, какъ ваша деревенская красавица въ моемъ платьѣ расхаживаетъ теперь по саду, ваша жена въ этомъ сарафанѣ здѣсь васъ ожидаетъ.

Речитативъ.

No 17.

Да, я очень буду рада
На свиданья васъ поимать...
Тутъ неровность не досада:
Къ вамъ не стоитъ ревновать!

БОЛЕРО.

Вотъ мой плащъ, онъ не безъ цѣли,
Васъ хочу я здѣсь на дѣль
Улучить, чтобъ вы не смѣли
Упрекнуть жену ни въ чемъ;
Отъ стыда чтобъ вы краснѣли

При другихъ и съ ней вдвоємъ,
Въ темнотѣ, въ одну минуту
Замѣню я вамъ Анюту,
Я костюмъ ее взяла.

И уснѣхъ мнѣ льстить заранѣ,
Все равно, и въ сарафанѣ
Знаю я, что я мила!

Вотъ мой плащъ, онъ не безъ цѣли,
Васъ хочу я здѣсь на дѣль
Улучить, чтобъ вы не смѣли
Упрекнуть жену ни въ чемъ;
Отъ стыда, чтобъ вы краснѣли
При другихъ, и съ ней вдвоємъ!

Я слышу шаги!... Онъ, конечно, замѣтилъ въ саду мой двойникъ, и идетъ сюда!...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Юлія Петровна и Иванъ.

Иванъ *(выходя на цыпочкахъ въ среднюю дверь).*

Засадилъ голубчика! Воркуй тамъ себѣ въ заперти-то!... *(Въ темнотѣ насовывается на кресло).* Уфъ! Нелегкая побери! Смерть коленку зашибъ... Вотъ тебѣ для начала, бабушка, и Юрьевъ день!

Юлія Петровна *(въ сторону).*

Не оставилъ себя дожидаться, извергъ!... Видно крестьянки-то также имѣютъ свою пріятность.

Иванъ.

Анюта!... А, Анюта!... Здѣсь ли ты?...

Юлія Петровна *(въ сторону).*

Боже мой! Этотъ голосъ...

Иванъ.

Коли нѣтъ, такъ скажи.

Юлія Петровна *(въ сторону).*

Возможно ли! Иванъ!...

Иванъ.

Ты тутъ!... Я слышу, какъ ты червчками постукивашь... Что жъ ты ни словечка не вымолвишь... Экая дура какая! Подъ ко мнѣ!...

Кн. VII. — 4.

Юлія Петровна (забывшишь).

А?...

Иванъ.

Да ты не сердчай... и не бойся... баринъ-то ужь сюда не прикатитъ... Онъ подъ замкомъ сидитъ... въ библиотекѣ... (Смѣется). И-ги! ги!...

Юлія Петровна (задышающимъ голосомъ).

Уйду къ себѣ поскорѣе. (Идетъ въ свои комнаты, и сталкивается съ Иваномъ).

Иванъ (схватываетъ ее за руку).

А! вотъ ты гдѣ... попалась!... Да полно трастись-то, въѣвъ говорятъ тебѣ: баринъ въ заперти... на, вотъ и ключъ возьми... ты опосля ему отонрешь... а я не хочу того, (чтобъ онъ меня видѣлъ...

Юлія Петровна (взявъ ключъ и измѣнивъ голосъ).

Ты его заперъ?

Иванъ.

Два раза ключемъ повернулъ!... Ишь съдой (шатунь... Еще затѣялъ у меня Анюту поддѣпить... а у самого жена словно пава ненаглядная... какъ взглянетъ, такъ вотъ ретивое и хочетъ выскочить!

Юлія Петровна (въ сторону).

Бднвжжа!

Иванъ.

Только теперича ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто... Здѣсь въ горницѣ, мы сами хозяева... Холопы всѣ за ужинъ усѣлись... Слышь-ты?... Холопы ужинаютъ... Барыня въ саду, а баринъ въ клеточкѣ... (Смѣется). И! ги! ги!... ги!... ги! Да разсмѣйся, мое красное солнышко! Да ну же!... потышь!...

Юлія Петровна.

Я смѣюсь... (Смѣется съ принужденіемъ и пр-деревенски). И! ги! ги! ги! ги!

Иванъ.

И ги-ги! Теперича мы съ тобой вдоволь набалагуримся.

Но 18.

Пусть, положимъ, мы не бары, не въ виду и не въ чести, а съ красоткой, тары-бары

Разумеемъ какъ нести!

Юлія Петровна (въ сторону).

Эти рѣчи хладнокровно

Я сносить принуждена;

Здѣсь не Юлія Петровна,

Здѣсь Анюта съ нимъ одна!

Вмѣстѣ.

Иванъ.

Намъ чиниться не у мѣста,

Мы помолвлены съ тобой:

Ты, душа, моя невѣста,

Я женихъ законный твой!

Юлія Петровна (въ сторону).

Оскорбляться не у мѣста,

Онъ, бдвжжа, въ мысли той,

Что здѣсь съ нимъ его невѣста,

И что съ ней онъ, не со мной!

Иванъ (беретъ ее за руку).

Экая кожица-то! Словно атласъ, аль бархатъ.

Юлія Петровна (отнимая руку).

Ай! (Въ сторону). Онъ по рукѣ догадается!

Иванъ.

Что жь ты вырываешься и кричишь?

Юлія Петровна (въ продолженіе всей сцены,

подражая голосу и

манерамъ Анюты).

Ты больно пальцы жмешь!

Иванъ.

Эва! А ты думала, у меня рука-то господская, чутошная? Нѣтъ, братъ, просто крестьянская, молодецкая!... Схвачу, такъ кости затрещать... то-то и любо!

Юлія Петровна.

Да я не привыкла!...

Иванъ.

О-го! не привыкла... Экъ что сморози-

ла!... Ужь не у нашей ли госпожи ты барской спѣси-то набралась?

Юлія Петровна.

А развѣ она спѣсива?

Иванъ.

Ужась какъ къверху носъ задираетъ... на нашу братью и плюнуть не хочеть... Да ей же хуже!...

Юлія Петровна.

Почему?

Иванъ.

Да такъ... отъ чего бы подь часть не взглянуть на наши хороводы, нашихъ пѣсенокъ не послушать? Вѣдь мы тоже, хоть мужики, а люди... ну, а то что она все аль дома сидитъ, аль по саду ходитъ одна одиныхонька, и ни съ кѣмъ слова не промолвить?... Я чай ей, голубушкѣ, здѣсь въ деревнѣ скука смертная!

Юлія Петровна *(вздохнувъ)*.

Правда.

Иванъ.

А, гляди, у ней сердце-то не каменное...

Юлія Петровна.

Ты почему знаешь?

Иванъ.

Да ужъ я смекнулъ... Давича, какъ я сюда къ ней приходилъ, она такъ было расхотилась и разсылась со мною, что любо съ два!... Я совѣмъ было пзъ ума вонь, что говорю съ барыней, и чуть-чуть ее въ губы не чмокнулъ!

Юлія Петровна.

Ужли?

Иванъ.

Да на мое горе, она опять вдругъ къверху носъ подняла, и зонтикомъ хватила меня по рожѣ...

Юлія Петровна.

А то бы, ты?...

Иванъ.

А то бы я ее поцѣловалъ... Да что жъ за бѣда? Вѣдь отъ этого ея не убудеть.

Юлія Петровна.

Смотри пожалуй!... *(Въ сторону)*. Онъ почти страшитъ меня!

Иванъ.

А самъ-то баринъ отъ своей жены что дѣлаетъ? Только съ тобою-то его милость нынче на баобахъ остался... И! ги-ги! ги-ги!

Юлія Петровна *(смѣясь тоже)*.

Смѣшно, право!... А послушай, Иванъ... не хорошо, что ты за всѣми ухаживаешь и даже мнѣ измѣняешь... я такъ люблю тебя!

Иванъ.

Полно Анюта! Экъ — ты! Я ни на кого тебя не промѣняю... *(хочеть обнять ее)*.

Юлія Петровна *(вырывается и ударивъ его по рукамъ)*.

Перестань!... Не дурачься!...

Иванъ.

Но 19.

Полно! Что это за штуки?

Ты мнѣ эдакъ объ руки

Съ разу отобьешь!

Но ужъ какъ ты не пытайся,

Хоть дерися, хоть брыкайся —

Все ты не уйдешь.

Я тебя, мою милую,

Обниму и разилую

Въ сахарный ротокъ!

(Всячески старается обнять ее и поцѣловать. Юлія Петровна смѣется, вырывается и роляетъ шейный платокъ).

В мѣстѣ.

Юлія Петровна *(защищаясь, въ сторону)*

Иванъ.

Полно, кралячка Анюта, Какъ забавиться отъ Не обманешь Ваньку плута? Ахъ, какой урокъ! Не флиги—дружокъ!

(Иванъ наконецъ цѣлуетъ ее въ плечо).

Юлія Петровна *(смѣясь по-деревенски)*

И! ги, ги! Вотъ тебѣ за это! *(щиплетъ его за руку)*.

Иванъ (отскакивъ).

Ой!... до крови ушибнула! Право слово, до крови!

Юлія Петровна (отходя къ своимъ дверямъ).

По дѣломъ!

Иванъ.

Постой же, я тебѣ отплачу!

Юлія Петровна (прислушиваясь).

Идутъ... я пропала!...

Иванъ.

Я за тобой!...

Юлія Петровна.

Не смѣй!... (Убѣгаетъ въ свои комнаты и захлопываетъ дверь).

Иванъ (бѣжитъ за нею).

Какъ не такъ!... Зашелкнула дверь разбойница!... (Хочетъ выйти въ среднія двери и видитъ Чухлымова). Ай, баринъ!... (Прыгаетъ въ окно).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Чухлымовъ и слуга со свѣчами; потомъ Иванъ и нѣсколько слугъ, которые его держатъ).

Чухлымовъ (въ бѣшенствѣ).

Отыскать, схватить его, и сейчасъ же къ становому приставу, при запискѣ!

Слуга.

Кого, сударь?

Чухлымовъ.

А чортъ его знаетъ!... Только непременно отыскать и схватить этого негодяя, мошенника, который осмѣлился меня запереть въ моей библиотекѣ... Вотъ бестія-то!... Я часъ битый простучался понапрасну, съ досады почти всё свои книги перервалъ!... (въ сторону), и пропустилъ преннтересное свиданіе!... (Вслухъ и задыхаясь отъ злости). Какъ нарочно и дверь-то попалась прездоровенная, ничѣмъ не выломить!... Принужденъ

былъ ужъ наконецъ съ большимъ трудомъ по деревьямъ спуститься!

Слуга.

Я видѣлъ, сударь, какъ вы спускались... Вы славно, сударь, не хуже бѣлки, изволите по деревьямъ лазить!

Чухлымовъ.

Пошелъ вонъ, дурачина! (Слуга уходитъ). И я напередъ увѣренъ, что Аюта... (Увидя платокъ на полу). Это что?... Платокъ крестьянскій.... Ея платокъ!... Давеча я на ней его видѣлъ.... Конечно! я опоздалъ!...

Но 20.

Я опоздалъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!...

О человекъ!

О вѣкъ порока, развращенья,

Ужасный вѣкъ!

Платочекъ этотъ все заранѣ

Мнѣ рассказалъ....

Добро бы мы, а то крестьяне....

(Помолчивъ).

Я опоздалъ!

О, мужики, мужики, варвары! звѣри! не даромъ жена моя ихъ терпѣть не можетъ. Но ужъ я жъ за себя отомщу!

Иванъ (въ дверяхъ, вырываясь отъ слугъ).

Ну, что вы ко мнѣ пристали? Пустите! въ чемъ я провинился?

Чухлымовъ (увидя его).

И тутъ опять все этотъ Ванюшка!

Иванъ (поблѣднѣвъ отъ страха).

Ай, баринъ!...

Одинъ изъ слугъ.

Я, сударь, поймалъ его въ то время, какъ онъ отсюда изъ окна выскочилъ; я слышалъ со двора, что съ нимъ здѣсь еще кто-то смѣялся....

Иванъ (въ сторону).

Эка зубоскалка, эта Аюта!

Чухлымовъ (смотря ему прямо въ глаза).

Такъ это ты, распротоканалья, заперъ меня наверху во флигель?

Иванъ.

Никакъ нѣтъ-съ, батюшка баринъ! Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Чухлымовъ.

Ты, душегубецъ!... Признавайся!

Иванъ.

Власть ваша, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!...

Чухлымовъ (взявъ его за воротъ, и подходя къ авансцену, въ полголоса).

— Ты сейчасъ былъ здѣсь, вдвоемъ съ Анютою?

Иванъ.

Кто жъ сказалъ вашей милости?

Чухлымовъ.

А вотъ, ея платокъ?

Иванъ (въ сторону).

Какъ обухомъ по лбу!

Чухлымовъ.

А! вы у меня въ домѣ свиданія заводите!

Иванъ.

Она вашу милость поджидала, а я шелъ мимо и совсѣмъ не думалъ, не гадалъ...

Чухлымовъ.

Знаю, знаю я тебя, разбойника! У тебя все дѣлается не нарочно... ты не нарочно и меня-то (показывая что заперъ)... Говори, мошенникъ!...

№ 21.

Что здѣсь ты дѣлалъ съ нею вмѣстѣ?

Иванъ.

Когда-съ?

Чухлымовъ.

Какъ были вы вдвоемъ.

Иванъ.

Я дѣлалъ то на вашемъ мѣстѣ,

Что вы собирались на моемъ.

Чухлымовъ.

А честь негодный волокита?

Иванъ.

Честь съ дичью я ровнять привыкъ:

Подстрѣлить баринъ, или мужикъ,

Ужъ все равно, она убита.

Чухлымовъ (въ бѣшенствѣ).

Нѣтъ! это слишкомъ! (слугамъ.) Сейчасъ же отправить его въ земскую полицію, и дать двѣсти лозановъ.

Вмѣстѣ.

Иванъ (вырываясь отъ слугъ).

За что же баринъ? пощадите!

Чѣмъ я посмѣлъ васъ оскорбить?

Напрасно Бога не гнѣвите,

Заставьте за себя молить!

Чухлымовъ (слугамъ).

Нѣтъ! нѣтъ! Скорѣй его ведите!

Связать мошенника, скрутить!

И Становаго попросите

Ему двѣ сотни залепить!

Слуги.

Ну, что жъ, ребята, вы стоите?

Ужли нельзя его стащить?

Дружите подъ руки берите,

Не станемъ барина сердить!

ЯВЛЕНИЕ XX.

Прежнiе, Юлія Петровна (входитъ въ своею прежнею платьемъ, и въ ту минутку когда слуги хотѣли увести Ивана).

Юлія Петровна.

Стойте!... Что сдѣлалъ вамъ этотъ малый?

Иванъ (въ сторону).

Барыня!... Ну! теперича меня вѣдостью доканаютъ.

Чухлымовъ (жестъ).

Не мѣшайся не въ свое дѣло, душенька... Это негодяй, котораго должно примѣрно наказать.

Юлія Петровна.

За что? За какое преступленіе?

Чухлымовъ.

А вотъ за какое....

Иванъ.

Лопни глаза, коли...

Юлія Петровна (Ивану).

Молчать!

Чухлымовъ.

Бездѣльникъ смѣлъ меня запереть!...

Юлія Петровна.

Васъ?

Чухлымовъ.

Меня персонально.

Юлія Петровна.

Гдѣ же?

Чухлымовъ.

Въ моей библиотекѣ.

Юлія Петровна *(равнодушно.)*

Вы ошибаетесь, Дементій Патрикѣичъ...

Это совсѣмъ не онъ.

Чухлымовъ.

Кто же?

Юлія Петровна *(отводя его
въ сторону, въ
пололоса)*

Вотъ ключъ.

Чухлымовъ.

Какъ! это ты?...

Иванъ *(въ сторону).*

Шушукуются... ахти! бѣда!

Юлія Петровна.

Я взяла свою предосторожность... и
если вамъ угодно требовать за нее отче-
та....

Чухлымовъ.

О, нѣтъ, нѣтъ. Къ чему же! *(въ сторо-
ну).* Что за дьявольщина! отъ кого она
узнала!... А! ужъ я же съ тобою справ-
люсь, проклятая Анютка!Юлія Петровна *(слугамъ.)*Отпустите его... и ступайте вонъ от-
сюда!*(Слуги уходятъ)*Иванъ *(въ сторону).*Что за притча! Какъ она присмирѣла!..
Чухлымовъ *(женѣ).*

Но позволь, душа моя...

Юлія Петровна *(подходя къ
нему, и поигры-
вая ключемъ).*Вы, сегодня, никому не назначали сви-
данія, Дементій Патрикѣичъ?

Чухлымовъ.

Рѣчь не обо мнѣ, а объ этомъ мошен-
никѣ, который хотѣлъ обезчестить нашъ
домъ, и былъ здѣсь съ одной молодой и
невинной дѣвушкой.

Юлія Петровна.

Онъ? съ дѣвушкой!... Опять вы оши-
баетесь, Дементій Патрикѣичъ.

Чухлымовъ.

Да онъ самъ мнѣ признался!

Иванъ.

Я сказалъ...

Юлія Петровна.

Онъ лжетъ.

Чухлымовъ.

Я долженъ защищать доброе имя дѣви-
цы!...

Иванъ.

Анюты-то!... Ужъ это мое дѣло, батюш-
ка баринъ... она моя невѣста!Чухлымовъ *(женѣ).*

Слышишь? Самъ говорить!

Юлія Петровна *(съ жаромъ).*Еще вамъ повторяю, что это гнусная
ложь, и я не потерплю, чтобы при мнѣ о-
скорбляли бѣдную малютку, у которой все
богатство — хорошее поведеніе... *(ука-
зывая на Ивана)* это ему во снѣ при-
снилось.

Иванъ.

Ой-ли? *(Слышенъ смѣхъ Анюты).*

Чухлымовъ.

А вотъ мы сейчасъ все распросимъ по-
дробно... Кажется, сюда идетъ сама Аню-
та.

Иванъ.

Такъ и есть.

Юлія Петровна *(въ сторо-
ну).*Я спокойна... Ей не въ чемъ призна-
ваться!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Прежніе, Анюта *(въ своемъ
сарафанѣ).*

Чухлымовъ.

Подойди, Анюта... и говори всю правду.

Анюта.

Слушаю, батюшка... *(въ сторону).* Что
за сумятица?

Чухлымовъ.

Недавно, сейчасъ, не былъ ли кто ни-
будь съ тобою?

Анюта.

Со мною, баринъ?

Чухлымовъ.

Я знаю, что былъ.

Анюта.

Ну, ужь коли вы знаете, батюшка, какъ что грѣха таить!

Чухлымовъ (женѣ).

Видишь?

Юлія Петровна.

Какъ?... (въ сторону.) Другая пытка!

Чухлымовъ (Анютѣ).

Вѣдь Иванъ былъ съ тобою?

Анюта (съ удивленіемъ)

Иванъ?... Ужли Иванъ?... Ахъ, Ванюша, сердечный!

Иванъ (въ сторону).

О, плуть дѣвка, будто и знать не знаетъ.

Анюта.

Я ни сколько не виновата... За чѣмъ онъ такъ испужалъ меня?... Ноги подко- сились, — я наслу убѣжала.

Иванъ.

Вретъ! Она ужь опосля убѣжала- то!...

Чухлымовъ.

А ты погнался за нею?

Иванъ.

Я, батюшка баринъ?

Юлія Петровна.

Молчать! (въ сторону.) Объясненіе все испортить.

Чухлымовъ.

Однакожь, надобно...

Юлія Петровна.

Надобно положить конецъ этому собла- ну: онъ выводитъ меня изъ всякаго тер- пѣнія!... И такъ какъ вы говорите, что они здѣсь вдвоемъ имѣли свиданіе... (въ сторону) Если я тутъ хоть слово пони- маю! — (въ слухъ) Женить ихъ поскорѣ!

Чухлымовъ, Иванъ и Анюта (съ разными чувства- ми).

Женить!

Юлія Петровна.

Непремѣнно, Дементій Патрикѣвичъ!... Иначе я могу подумать, что вы, изъ рев-

ности, недостойной вашего званія (и- раетъ ключемъ).

Чухлымовъ (въ сторону).

Проклятый ключъ! (въ слухъ.) Конечно, пожалуй, пусть ихъ женятся, если оба будутъ согласны... только врядъ ли.

Анюта.

Э! вамъ кажись, можетъ быть, Ванюша на меня злится за то, что я тукманку ему влѣпила? Э! это у насъ ни по чѣмъ, батюшка баринъ.

Иванъ.

Какую тукманку? Когда?

Анюта.

А какъ ты давеча испужалъ меня, под- крадся сзади, и хотѣлъ поцѣловать... Я хватъ тебя кулакомъ по рожѣ, ища ты растянулся!

Иванъ.

Что ты городишь?...

Анюта.

Не помнишь?... Ну, стало я тебѣ па- мять отшибла?

Юлія Петровна (съ безпокой- ствомъ).

Опять запутывается....

Чухлымовъ (смѣясь).

Ха! ха! ха!... Хорошо ударъ...

Иванъ (не обращая вни- манія на Юлію Петровну, кото- рая кашляетъ и дѣлаетъ ему знаки).

Не правда. Этого совсѣмъ не было! Я все таки ее поцѣловалъ... и не разъ! А она хохотушка не брыкалась, а только ухит.... (Юлія Петровна видя, что не можетъ его остановить, щиплетъ его за руку, и онъ вскрикиваетъ) Ой!... (въ сторону) Двѣ капли воды тотъ же щипокъ... (Смотря на Юлію Петровну, и угадывая все дѣло) О!.. О!.. О!..

Чухлымовъ.

Ну, продолжай!... Ты говоришь, что она тебя....

Иванъ (бормоча сквозь зубы).

Точно такъ-съ, батюшка-баринъ... Она меня эдакъ... славно то есть... (въ сторону.) Ну, оказалъ!

Чухлымовъ.

Такъ она тебя по лицу ударила?

Иванъ.

Изо всей мочи!

Анюта.

Я знала, что моя тукманка даромъ не пропадетъ.

Юлія Петровна (въ сторону).

Что за чудо! Кого же это она приблила... (При послѣднихъ словахъ Анюты входитъ Мотыльковъ, держа платокъ у лѣваго глаза, и приближается къ Юліи Петровнѣ).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Прежніе и Мотыльковъ.

Мотыльковъ (тихо, Юліи Петровнѣ).

Ахъ! какъ больно вы деретесь, кузина! (отнимаетъ платокъ, и лѣвый глазъ у него весь почернѣлъ).

Юлія Петровна.

Что такое, Нарцисъ Григорычъ?... (Вглянувъ на него) Ха! ха! ха!

Чухлымовъ.

Нарцисъ Григорьевичъ! Гдѣ это васъ Богъ сподобилъ?... Ха! ха! ха!

Мотыльковъ.

О! ничего!... Въ темнотѣ я наткнулся на дерево, и упалъ...

Чухлымовъ.

Ничкомъ?... Ха! ха! ха!

Иванъ (въ сторону, вспрыгнувъ отъ удивленія).

А! смекаю!... смекаю! ха! ха! ха!

Анюта (смотря на Мотылькова, въ сторону).

Какой уморительный!... Точно сова!... ха! ха! ха!

Мотыльковъ (видя, что все хохочутъ, нѣсколько и самъ хохочетъ)...

Да... больно смѣшно... Ха! ха! ха!

Чухлымовъ.

№ 22.

Я, право, не могу понять

Какъ эдакъ ловко вы умали!

Юлія Петровна.

И можно ль было ожидать,

Чтобъ вы себя такъ заплтали!

Лишась прекрасныхъ вашихъ формъ,

И глаза чуть вы не лишились; (два раза.)

Попались на подножный кормъ,

И на подножномъ съ ногъ свалились!

Ха! ха! ха!

Чухлымовъ.

Ха! ха! ха!

Мотыльковъ (смѣясь).

Ха! ха! ха! вдругъ два прекрасныхъ каламбура... Непремѣнно помѣшу въ водевильчикъ.

Иванъ (въ сторону).

Эхъ, какъ ловко Анюта его създгла!

Мотыльковъ (тихо Юліи Петровнѣ).

Не грѣшно ли? Вы не дали мнѣ объяснить!

Юлія Петровна (посматривая на Анюту).

Въ самомъ дѣлѣ!... Извините... (въ слухъ)

Вы кстати посѣтѣли насъ, Нарцисъ Григорьевичъ, чтобъ быть свидѣтелемъ добраго дѣла со стороны Дементія Патрикѣича... Онъ выдаетъ замужъ эту крестьяночку вотъ за этого краснощекаго мужика, и беретъ его къ себѣ въ лѣсничіе... (Чухлымовъ дѣлаетъ движеніе... Юлія Петровна играетъ ключемъ). А вмѣсто приданаго назначаетъ ему жалованья по триста рублей въ годъ.

Чухлымовъ.

Но, послушай, душа моя!...

Юлія Петровна *(играетъ
ключемъ)*.

Вы, можете быть, объ одномъ только
сожалѣете...

Чухлымовъ *(смотря на
ключъ)*.

О, вѣтъ... Я совсѣмъ не то хотѣлъ
сказать... я согласенъ!...

Иванъ и Аюта *(кланяясь)*.

Батюшка-баринъ! Машутка - барыня!
Пошли вамъ Богъ всякаго благополучія.
Дай вамъ Богъ многія лѣта здравство-
вать!

Мотыльковъ *(морицаясь и
ошунывая глазъ)*

Уфъ, такъ и деретъ!

Чухлымовъ.

Прежде ты, Юлія Петровна, терпѣть!

не могла мужиковъ, а теперь, кажется,
какъ будто къ нимъ приглядѣлась.

Юлія Петровна.

Я хочу сдѣлать праздникъ на ихъ свадь-
бѣ, и сама удостою его своимъ посѣще-
ніемъ. Для меня гораздо пріятнѣе видѣть
полное, свѣжее и румяное лицо крестья-
нина, чѣмъ зеленое и испитое какого ни-
будь модника-Ловеласа.

(Къ публикѣ).

№ 23.

Желала бъ сегодня я съ легкой руки
Поднести вамъ букетъ свой - за браво и ласки,
Но въ этомъ букетѣ простые цвѣтки:
Лишь Барская Спѣсь и Аютины Глазки!
Чтожь дѣлать, саловникъ мнѣ не даль другихъ,
И, бѣдный, страшится суда и огласки...
Не презрите Русскихъ цвѣточковъ простыхъ,
И Барскую Спѣсь и Аютины Глазки!

Всѣ.

Не презрите Русскихъ цвѣточковъ-простыхъ,
И Барскую Спѣсь и Аютины Глазки!

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБРАЩИКЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ТЕАТРА.

(Изъ путевыхъ записокъ Русскаго).

«Хлѣба и зрѣлищ!» кричала нѣкогда Римская чернь. Многое, весьма многое изъ обычаевъ этихъ древнихъ Римлянъ перешло и въ покоренную ими Галлію, перешло и сроднилось съ правами покореннаго народа, какъ напримѣръ страсть нынѣшнихъ Французовъ къ сценическимъ представленіямъ. Едва ли найдется во Франціи мало-мальски порядочный городокъ, гдѣ бы не было своего, если не постоянного, то хоть временнаго театра. Но о театрахъ провинціальныхъ трудно себѣ составить идею по большимъ театрамъ Парижскимъ. Это двѣ совершенно разныя стихіи. Кто хочетъ изучить духъ театроманіи Французской во всемъ его разгулѣ, тотъ долженъ слѣдить его не въ Парижѣ, а въ провинціи, гдѣ такъ часто, за деньги свои, любопытный посѣтитель можетъ наблюдать по два представленія вдругъ: одно на сценѣ, другое въ партерѣ. Бывши двухмѣсячнымъ абонентомъ Театра Гаврскаго, я имѣлъ случай насмотрѣться на этотъ провинціальный партеръ во всемъ разгулѣ его молодечества, на этотъ духъ народной поли-

ціи, которая такъ часто замѣняетъ здѣсь молчаливую полицію городскую, полицію, къ которой Французъ-простолудинъ питаетъ какое-то непреодолимое отвращеніе. Между тѣмъ, провинція есть арена, на которой образовалась большая часть Парижскихъ сценическихъ дарованій. Но арена эта есть также и тяжкая школа для возникающаго гения; это жгучій горнякъ, въ которомъ вытапливается чистое золото истиннаго таланта, но такой горнякъ, въ которомъ и самое золото можетъ испепелиться. Сколько смѣлости духа должна имѣть дебютантка, дерзающая вступить на это поприще своихъ будущихъ успѣховъ, если она не одарена чистымъ голосомъ, пріятною наружностью и способностью правиться публикѣ, часто неприсвященной, безжалостной къ несовершенствамъ и скромности, но нерѣдко и инстинктивно разборчивой! Въ Парижѣ, направляютъ сужденія публики журналисты; въ провинціи, они—власть второстепенная въ театральныхъ успѣхахъ актера или актрисы. Въ провинціальной публикѣ есть болѣе собственнаго толка (gros

bon sens), чѣмъ въ Парижѣ, и публика эта дорожитъ правомъ произносить приговоры свои безъ суфлера. Для поясненія этой частности, здѣсь кстати замѣтить, что провинціальныя фельетонисты вовсе не пользуются такою популярностію, какъ фельетонисты Парижскіе: ни въ одномъ высшемъ обществѣ провинціальной аристократіи (я разумю аристократію денежную), вы не встрѣтите туземнаго Жюль - Жанена. Онъ смиренно сидитъ на задней скамейкѣ партера, и я не разъ видалъ молодыхъ Гаврскихъ львовъ, которые презрительно указывали на него пальцами.

Въ Парижѣ, вовсе другое дѣло: тамъ фельетонистъ журнала — оракулъ своей партіи и воевода ея мнѣнія о театрѣ; ему задаютъ объѣды и ужины не одни актеры, дорожащіе своею сценическою славою, но и денежные аристократы, которымъ некогда составлять сужденія объ успѣхѣ пьесы или мастерскихъ выходкахъ моднаго актера, пѣвца, примадонны или первой танцовщицы; за 3 су покупаетъ онъ у разнощика газетъ свое мнѣніе, совершенно готовымъ, и возвратясь домой, передаетъ его семейству, или прѣхавъ на раутъ, высказываетъ его съ важностію знатока-диплетанта изумленнымъ зѣвакамъ. Такъ дешево умъ сценическаго судьи въ Парижѣ!

Но возвратимся пока въ провинцію: о Парижѣ поговоримъ въ свое время.

До 1817 года младенчествовавшій Гавръ де Грасъ занималъ довольно жалкое мѣсто въ театральной іерархіи; но когда онъ выросъ съ молодца, когда размахнувшаяся на всѣ четыре стороны торговля Гаврская показала свѣту все богатство могучихъ его средствъ, и онъ, по пророчеству Наполеона, сдѣлался Парижскою гаванью, то и Гавру дала свой театръ, можетъ быть, не столь пышный, какъ въ Бордо, въ Лионѣ и иныхъ торговыхъ-промышленныхъ и большихъ городахъ Франціи, но театръ примѣчательный по

выбору сценическихъ талантовъ, талантовъ второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣе достойныхъ вниманія. Некоторымъ изъ нихъ предлагали вступить на сцены свои многія дирекціи Парижскихъ Театровъ. Иные польстились на предложенія, и сдѣлались жертвою закулисныхъ интригъ; другіе, болѣе благоразумные, предпочли остаться первыми въ Гаврѣ, чѣмъ быть вторыми въ Парижѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о залѣ театра Гаврскаго. Въ 1817 году, еще при Бурбонахъ, которымъ Гавръ обязанъ множествомъ матеріальныхъ своихъ украшеній, Герцогъ Ангулемскій заложилъ первый почетный камень (la pierre d'honneur) Гаврской театральной залы на прекрасной Королевской Площади (Place Royale). Въ 1823 году, зала сія была отстроена и открыта для публики. Нижній ярусъ ея передняго фасада состоитъ изъ пяти сверху округленныхъ углубленій, промежутки коихъ украшены пиластрами, а второй ярусъ изъ такихъ же полукруглыхъ Венеціанскихъ оконъ, съ полуколоннами меньшаго размѣра. Надъ ними возвышается аттикъ съ пятью квадратными окнами или люкарнами. Все зданіе увѣнчано острою крышею, и довольно — не благообразно, въ архитектурномъ отношеніи; за то, видъ изъ театрального Фойе, а особливо, при вечернемъ освѣщеніи, прелестенъ. Передъ взорами вашими разстилается обширный Коммерческій Бассейнъ (Bassin du Commerce) съ тройнымъ рядомъ судовъ и рощею мачтъ, съ множествомъ новыхъ прекрасныхъ зданій Королевской Площади, Ангулемской и Орлеанской Набережныхъ, украшенныхъ фантастическою зеленью двойнаго сквера. При свѣтѣ дня, вдали видна часть бассейна Барскаго (Bassin de la Barre) и Королевскіе Ворота (Porte Royal), а на последнемъ планѣ картины лѣсистыя выси Гравильскія и туманныя скалы (мергелевые утесы) мѣстечка Орше. Картина эта живописно очерчена въ слѣдующихъ

стихахъ уроженца Гаврскаго, Казимира де ла Вниа, стихахъ, читанныхъ при открытіи здѣшняго театра; вотъ смыслъ ихъ въ буквальной переводѣ:

«Здѣсь можетъ арматоръ (*) за щедрость, на раздольѣ

Спокойно веселясь — расцѣсть свое приволье,
И на изрытыхъ пнѣ глубокихъ озерахъ

Слѣдить, какъ зылется надеждановыхъ благъ.

Здѣсь, въ мнръ фантазій свои вперяя взоры,

Увидитъ онъ лѣса, и города, и горы —

Подъ кистью Чичери (**), здѣсь, въ трепетѣ мн-
стовъ,

Пролетѣя для него ручей въ глади луговъ,

Раскинется шатеръ воинственной Авлиды,

Откроются сады волшебницы Армиды;

Темница Варвика, съ базарами Каиръ —

Здѣсь смнѣять и приютъ Жюконда, и чертоги.

И храмъ язычества, гдѣ царствовали боги —

И, въ сокращеніи -- предстанетъ цѣлый мнръ!»

И подлинно, декораціи здѣшняго театра хороши... пока новы. Жаль одного, что средства нынѣшней дирекціи не позволяютъ ей часто возобновлять ихъ. Жалованье актерамъ, а особливо опернымъ, обязаннымъ одѣваться на свой счетъ, да же и въ характерное платье, поглощаетъ всѣ средства дирекціи, которыхъ не можетъ умножить низшая публика, требующая зрѣлищъ, и для умноженія коихъ едва ли дастъ что нибудь здѣшняя биржевая аристократія, довольно равнодушная ко всему, что не доставляетъ ей чистаго и несомннннаго барыша. Двѣ дирекціи, предшествовавшія нынѣшней, составленной изъ самихъ актеровъ, выбравшихъ себѣ главнаго администратора, совершенно обанкрутились, да и нынѣшняя (1841) держится на волоскѣ.

Мѣста въ театрѣ отъ 3-хъ съ половиною франк. до 10 су (полуфранка), а абониментъ до того дешевъ, что первое мѣсто обойдется абоненту не болѣе франка за представленіе. Но за то право абонента здѣсь чисто личное, и билетъ его не можетъ быть переданъ другому лицу. Только

одни, нанявшіе на годъ цѣлую ложу (отъ 6 до 8 мѣствъ), съ прибавкою небольшою платы, пользуются правомъ вводить туда другихъ членовъ семейства своего и родныхъ. «L'abonnement est personnel» — отвѣчала мнѣ дирекція, когда я хотѣлъ было пустить на место свое знакомыхъ.

Вообще говоря, въ представленіяхъ Гаврскаго Театра есть ensemble, кромѣ оперъ à grand spectacle, которыя не под силу здѣшней дирекціи, и которыхъ бы она лучше не давала! За то оперы, гдѣ не требуется большихъ издержекъ и множества статистовъ, водевилл, драмы и комедіи, не смотря на рѣдкость первостепенныхъ дарованій, идутъ здѣсь такъ хорошо, что ихъ можно съ удовольствіемъ видѣть даже и бывалому въ Парижѣ, откуда каждое лѣто пріѣзжаютъ играть сюда первые сюжеты. Они, обыкновенно, получаютъ за игру свою (въ видѣ бенефиса) сборъ съ одного изъ представлений, въ которыхъ являются здѣшней публикѣ. Отличнѣйшіе изъ артистовъ театра Гаврскаго суть: теноръ Самбе (Sambet), — здѣшній Дюпре, довольно искусный пѣвецъ и актеръ, который, къ сожалѣнію, придерживается въ пѣніи своемъ методы извѣстнаго Тамбурина, и иногда утомляетъ слушателя своими безпрестанными триммерами; впрочемъ, голосъ его довольно свѣжъ, вѣрепъ и чистъ. Этотъ первый теноръ получаетъ отъ дирекціи своей до 15,000 франковъ въ годъ, и поетъ раза три въ недѣлю. Лучшія роли его въ операхъ Le Philtre (Elixir d'amore), (*) Zampa и Lucie de Lamermoor, въ послѣднемъ актѣ которой онъ былъ такъ хорошъ, что напоминалъ славнаго Дюпре. Другой отличннй актеръ, Маршанъ, весьма хорошъ въ роляхъ гримовъ: играетъ и въ оперѣ, и въ драмѣ, и въ водевиллѣ;

(*) Судохозяинъ, вооружитель судна.

(**) Искуснаго декоратора.

(*) По случаю прибытія въ Гавръ знамениаго Деривиса, перваго баса-баритона Парижской Большой Оперы, піесу сію давали нѣсколь-ко разъ, и она шла здѣсь превосходно.

но пѣвецъ плохой. Мимика физиономіи его удивительна: въ немъ много чувства и истиннаго благороднаго комисма. Артистъ сей привлекалъ не разъ вниманіе публики въ извѣстномъ дуэтѣ двухъ са-воаровъ «*mon frère*» — отдѣльной сценѣ, которую превосходно исполнялъ онъ съ Жозефомъ Кельмомъ, *триалемъ* Парижскаго Театра *Gymnase Dramatique*.

Фортъе, первый драматическій актеръ (*Premier rôle*), артистъ исполненный чувства и ума, превосходно играющій нѣкоторыя роли, какъ напримѣръ *Кеан*, *Мандрип*, и т. п., и не портящій ни одной роли. Актеръ сей одаренъ прекрасною наружною и атлетическими формами; онъ будетъ ростомъ съ нашего *Кина-Карагыгина*, хотя и не дошелъ до него талантомъ; тѣмъ не менѣе, въ игрѣ сего прекраснаго артиста весьма много благородства и силы, которой однажды показалъ онъ порядочный образчикъ, передъ закрытіемъ театра (во время предѣлки его нынѣшнимъ лѣтомъ). Въ предпоследнемъ актѣ *Мандрена*, нелѣпой, но весьма эффектной мелодрамы, когда этотъ атаманъ *Лангедокскихъ контрабандистовъ* борется съ солдатами таможенной стражи, и когда силачъ *Фортъе*, поваливъ нѣкоторыхъ статистовъ, готовъ былъ увернуться отъ ихъ преслѣдованія, какой-то неучъ статистъ, позабывъ, что онъ на сценѣ, съ такимъ жаромъ вошелъ въ свою роль сыщика, (вѣроятно знакомую ему на дѣлѣ), что едва не положилъ на мѣстѣ мнимаго атамана: прицѣливаясь въ него — *à bout portant*, онъ вѣшилъ ему дуло ружья своего прямо въ лобъ, возлѣ самаго виска; кровь брызнула ручьями, и облила несчастнаго театральнаго героя. «*Maladroit soldat! tu m'assassines!*» вскричалъ *Фортъе*, зажимая рукой свою рану. Все перепугалось, и завѣса опустилась. Прибѣжали за сидѣвшимъ возлѣ насъ театральнымъ лекаремъ, *Лалеманомъ*, для поданія помощи раненому: двѣ, три линіи ближе къ виску, и *Гавръ* лишился бы лучшаго актера. По

счастью, рана была менѣе опасна, чѣмъ болѣзненна: черезъ четверть часа, вышелъ директоръ съ извѣщеніемъ о причинѣ, остановившей представленіе, и общаніемъ *Фортъе*, тотчасъ по перевязкѣ раны его, выйти опять на сцену. Повсемѣстное «браво!» было отвѣтомъ на это объявленіе. Явился раненый съ повязкою на головѣ, и не смотря на жестокую боль, превосходно и естественно кончилъ свою роль при громкихъ плескахъ всей публики. Это было настоящее повтореніе сцены изъ «*Кина*», которую тотъ же актеръ, такъ мастерски игралъ передъ тою же аудиторіею; сцены, въ которой знаменитый Англійскій артистъ, уже полусумасшедшій, не смотря на сердечную боль свою, выходитъ потѣшать зрителей, собравшихся смотрѣть на него, какъ на потѣшнаго плясуна-медвѣдя. Минута ужасная! Бѣдный артистъ является настоящимъ рабомъ публики, заплатившей за игру его деньги. Любимецъ ея болѣтъ! А ей что за дѣло? Она требуетъ его живаго или мертваго для своей потѣхи! — Если этотъ анекдотъ не выдумка *Александра Дюма*, то онъ не дѣлаетъ чести Англійской публикѣ! *Гаврская* была гораздо снисходительнѣе къ *Фортъе*: она готова была безъ ропота оставить театръ, узнавъ о несчастіи, случившемся съ ея любимцемъ.

Лефевръ младшій и *Мероне* (*Meuronet*), два прекрасные компка: оба они чрезвычайно забавны въ фарсѣ-водевилѣ «*Roland furieux*», гдѣ первый изъ двухъ играетъ *Роланда*, а второй аптекаря, настоящаго *Моліеровскаго Souffre-douleur*. Одинъ видъ *Лефевра* мл. возбуждаетъ уже всеобщую веселость, такъ онъ забавенъ! Другой триумфъ его, небольшая пьеска «*Le Maître d'École*», престественный фарсъ маленькихъ Парижскихъ Театровъ, который играютъ здѣсь съ величайшимъ совершенствомъ.

Дантерни, подобно *Италіянскому пѣвцу Марію*, есть, какъ говорится, *un enfant*

de bonne maison. Отецъ его былъ *обдѣлявшій* Маркизь, что въ настоящую пору аристократіи денежной, *меньше чѣмъ ничего*, и по этому-то, сынокъ сего Маркиза рѣшился вступить вовсе не на аристократическое поприще—сдѣлаться актеромъ. Онъ блистательно дебютировалъ здѣсь въ пѣснѣ: «*Je serai comédien*», въ которой разыгрывалъ собственную свою роль, и, само по себѣ, былъ естественъ и хорошъ, какъ лучше желать нельзя. Потомъ игралъ онъ съ величайшимъ чувствомъ и благородствомъ роль Chevalier de St Georges, въ новой драмѣ того же имени, и, по единодушному желанію публики, принять на амплу первыхъ любовниковъ. Съ нимъ случилось въ Іюнь 1841 одно не весьма забавное, а мѣсяць спустя, самое романтическое происшествіе, какъ будто бы судьба хотѣла вознаградить его однимъ за другое. Дирижеръ здѣшняго оркестра *Лемеръ*, басистъ *Поппе* (актеръ посредственный и пѣвецъ довольно плохой), одинъ Американецъ изъ Нью-Орлеана и трое здѣшнихъ молодыхъ людей, отправились посмотреть параднаго праздника въ ближнюю общину Гравиль, гдѣ сельское общество, составленное, по большей части, изъ крестьянъ, матросовъ и весельчаковъ низшаго класса, веселилось по-своему, распивая вмѣсто шампанскаго, доморощенный кислый *сидръ* (родъ яблочнаго кваса). Городскіе гости, *aristocrates manqués*, не приставаая къ этой пирующей братіи поселянъ, довольно гордо потребовали вина «*et du meilleur* (лучшаго)». Гравильскимъ Нормандцамъ показалось уже и это насмѣшкою; но дѣло обошлось тихо: поселяне спросили трубокъ, а горожане потребовали сигаръ *de quatre sols*, и такъ далѣе. Гравильцы, хозяева пира, изкоса посматривая на дерзкихъ гостей, продолжали свои занятія и принялись пѣть пѣсни. Тутъ какъ на бѣду, одному изъ пріѣзжихъ, и именно капельмейстеру *Лемеру*, вздумалось подшутить надъ разладницею пѣвцовъ, и вотъ онъ, приставъ

къ ихъ *уходерной* мелодіи, затягиваетъ ту же пѣсню, но такимъ фальшивымъ диапазономъ, какимъ не пѣвалъ бравурныхъ арій своихъ и басистъ *Поппе* въ «*Робертъ Діаволь*». Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ *Лемера* помирали со смѣху, а *Дантерни* и одинъ какой-то его товарищъ, для *внѣшлаго утѣшенія братіи*, вынужь свистки, принялись освистывать пѣвца, со всѣмъ неистовствомъ театральныхъ *кабалеровъ*. Тутъ уже, *Гравильскіе дилеттанты*, потерявъ терпѣніе и принявъ всѣ эти шуточные выходки за насмѣшку, а гостей *Гаврскихъ* за *Англичанъ*, которыхъ здѣсь также много какъ рыбы въ морѣ, напали на свистуновъ и пѣвца, и принялись колотить ихъ чѣмъ попало. *Лемера*, какъ зачинщика, хватилъ кто-то палкой по голове, такъ небережно, что ему пришлось пустить кровь, а свистуна *ex-маркиза Дантерни*, треснули по правому глазу такъ мѣтко, что онъ едва не лохнулъ. Началась всеобщая свалка между толпой *разъяренныхъ Гравильцовъ* и *осмерыми Гаврскими пріѣзжими*, мнимыми дѣтьми *Альбіона*. Только догадливость двухъ молодыхъ людей и необычайная сила *Американца* спасли шалуновъ отъ неминуемой смерти. *Нью-Орлеанскій Алкидъ* схватилъ за воротъ одного крестьянина, и вздернувъ наверхъ какъ древняго *Антея*, швырнулъ его съ такою ловкостію и силой, что тотъ полетѣлъ въ три переверта на головы осаждающихъ; другаго едва не вбилъ онъ въ стѣну... Минутный ужасъ пробѣжалъ по толпѣ, но вскорѣ, услышавъ *Английское goddam-силача*, неосторожно произнесенное имъ между *Французскими* словами, *Гравильцы*, одушеваясь *патріотическомъ*, вскричали: «*Assomons donc ces chiens d'Anglais, qui viennent chez nous pour se moquer de la France, et pour emporter les prix de nos joutes!* *) И они бы вѣрно это сдѣлали, если бы не остановила

*) На *регатахъ* *Гаврскихъ* первые призы за быстроту судовъ выиграла *Англичане*.

ихъ стѣна стульевъ, взгроможденныхъ во время драки двумя догадливыми молодыми людьми, и не приведенная выскочившимъ въ окно третьимъ гостемъ, полиція. Бѣдный Дантерни, принужденъ былъ играть въ этотъ день съ подбитымъ глазомъ.—Нѣсколько недѣль спустя, удалецъ Дантерни, довольно красивый мужчина, до того вскружилъ голову здѣшной первой пѣвицѣ *Элизъ Кондель*, что та бѣжала изъ дома родительскаго, и каково было удивленіе гостей, собравныхъ у Дантерни, когда на мужскую пирушку его явилась очарованная хозяиномъ примадонна, вѣроятно не ожидавшая найти у него такую веселую компанію! Послѣ подобнаго *compromis*, что оставалось дѣлать изумленному красавцу! Какъ не прикрыть брачнымъ вѣнцомъ свою неосторожную подругу? Выславъ друзей своихъ, онъ отправился къ отцу неожиданной гостьи, и потребовалъ у него руки Элизы. Ни тутъ-то было! Скупой старикъ, въ родѣрара *Rachel*, хотя и Англичанинъ, отказалъ на отрѣзъ бѣдному дебианту, который такъ неожиданно разстроивалъ его спекуляціи на дочернее жалованье: что же до возстановленія ея доброй славы,—говорятъ, что о ней и въ поминѣ не было! Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ наконецъ рѣшился благословить дочь на условіи, чтобы она, оставляя себѣ двѣ трети жалованья, давала ему по пяти тысячъ въ годъ. Видя такую нпзость отца, Дантерни не настаивалъ болѣе, и два дня спустя женился на Элизѣ, по кодексу Наполеонову, не смотря на сопротивленіе отца, противъ котораго былъ законъ, ибо дочь его оказалась *совершеннолѣтнею*. Хроника не говоритъ чѣмъ кончилась эта семейственная распря: помирился ли скупецъ съ своимъ *зятельмъ*, Маркизомъ Дантерни, и получилъ ли отъ него *калымъ* за ея воспитаніе? Маленькія газеты Гаврскія, такъ рачительно собирающія всѣ городскія сплетни, ничего о томъ не напечатали.

Пропускаемъ безъ вниманія прочныхъ актеровъ, изъ коихъ многіе весьма посредственны, кромѣ толстяка Бертрана, *grande utilité*, *Мордана* и *Кериу*, втораго тенора здѣшной оперной труппы. Къ сожалѣнію, этотъ Кериу болѣе думаетъ о красотѣ своей, чѣмъ о пѣніи и искусствѣ. Лучшая роль его «*Jean de Paris*» въ оперѣ того же имени, покойнаго Боазльде.

Въ числѣ пѣвицъ, первое мѣсто занимаютъ двѣ сестры *Кондель* (*Kundell*), *Елена* и *Элиза* (*Me Danterny*), о которой мы говорили. Обѣ онѣ Англичанки, воспитанныя во Франціи; обѣ обладаютъ прекрасными голосами и хорошо поютъ, но какъ актрисы не всегда удовлетворительны, особливо Элиза, которой свистящій выговоръ обличаетъ Англійскую природу: вотъ почему онѣ гораздо успѣшнѣе играютъ въ такъ называемыхъ большихъ операхъ съ речитативомъ. Елена Кондель весьма хороша въ *Нормѣ*, а Элиза въ *Jean de Paris* и *Гугенотахъ*, особенно въ сценѣ прощанія съ мужемъ. Обѣ эти примадонны получаютъ каждая по 15,000 франковъ жалованья, ибо хорошій голосъ здѣсь платится дороже лучшаго драматическаго таланта.

Не дурны также старуха *Вертель* и веселая субретка *Мадамъ Жанень*, которой *лѣта* и *опытность* (ей лѣтъ за 35) позволяютъ играть и роли комическихъ старухъ (для молодыхъ дѣвочекъ она начинаетъ быть уже слишкомъ дородною). Актриса эта есть одна изъ полезнѣйшихъ въ труппѣ, и почти не сходитъ со сцены въ комедіяхъ, драмахъ и водевиляхъ.

Но лучшимъ украшеніемъ здѣшной сцены есть *Мадамъ Стефенсъ* (изъ *Монпелье*), актриса съ успѣхомъ, дебютировавшая на *Парижскомъ Палерояльскомъ Театрѣ*, гдѣ играетъ неподражаемая *Дежазе*; но объ этой поговоримъ въ свое время. Есть роли, гдѣ *Мадамъ Стефенсъ* такъ хороша, что нельзя вообразить себѣ ничего изящнѣе, напримѣръ въ «*Cécily, ou le Lion amoureux*», и т. п. Все въ ней

грація и натура, благородство и приличіе. Она рябовата лицомъ, но черные глаза ея прелестны; она вовсе не красавица, но нѣчто лучше — мила, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Кромѣ *Деривиса*, о которомъ я говорилъ, и нѣсколькихъ другихъ Парижскихъ актеровъ и пѣвицъ, здѣсь долго восхищалъ публику упомянутый выше *Жозефъ Кельмъ*. Онъ превосходно играетъ Нормандскихъ мужиковъ, савояровъ и т. п. оригиналовъ; съ необычайною вѣрностію подражаетъ ухваткамъ и говору Нормандцевъ, ибо самъ родился въ Нормандіи и былъ здѣшнимъ простолюдиномъ. Талантъ его развернулся на Руанской сценѣ, откуда переманили его на Парижскій Театръ *Gymnase Dramatique*. Для сего отличнаго комика написано нѣсколько піесъ съ Нормандскими ролями, въ которыхъ не имѣеть онъ соперниковъ даже и въ Парижѣ. Нельзя представить себѣ съ какою вѣрностію схватываетъ онъ каждую позу, каждое движеніе здѣшняго простолюдина: какимъ *Нормандцемъ смотритъ онъ, выпуча глаза*, въ минуты удивленія, и какъ — посреди самой быстрой скороговорки, *оттягиваетъ* онъ по здѣшнему нѣкоторыя слова: истинная умора! Непринужденная игра его доказываетъ, что онъ съ пользою изучалъ естественную игру знаменитаго товарища своего, *Буффе*, едвали не перваго актера во всемъ Парижѣ; а твердость Кельма въ знанія ролей есть лучший знакъ уваженія, съ которымъ является онъ передъ публикою; самая *charge* его, и умышленныя вставки въ нѣкоторыхъ роляхъ показываютъ смѣлливость и умъ, а они даются не всякому артисту. Онъ еще ничего не говоритъ, а вамъ уже смѣяться хочется. Скороговорка его необыкновенно забавна. Здѣсь кстатіи будетъ разсказать анекдотъ, случившійся при насъ съ этимъ артистомъ. Во время пѣнія любимой публикою его аріи въ водевилѣ *La famille Normande*, какой-то кабалеръ, желавшій

сбить Кельма съ толку, началъ было лаять собакою. Артистъ пріостановился и, какъ бы вслушиваясь въ этотъ лай, вскричалъ съ радостію: «*Tiens! c'est le chien de ma mère, que j'ai eu mort! Holà! Fidèle! viens ici, et que je te revoie encore!*» Аплодисменты покрыли этотъ умѣстный экспромтъ, мнимая собака замолчала, и смѣльчакъ Кельмъ продолжалъ допѣвать арію свою, какъ ни въ чемъ не бывало!

Кромѣ сценическаго à plomb, Жозефъ Кельмъ обладаетъ сильнымъ, вѣрнымъ голосомъ, и хорошею музыкантъ. Нельзя безъ наслажденія слушать этого прекраснаго артиста въ его бравурной Нормандской пѣсенкѣ «*Ma mère m'a donné quat' sols, pour m'amuser à la fouère (foire)*». Каждый разъ, когда онъ пѣвалъ ее, публика съ неистовыми воплями кричала *bis!* и во всякое представленіе, въ которомъ участвовалъ Жозефъ Кельмъ, заставляла его пѣть эту любимую пѣсню, хотя бы и не назначена она была на аѣншѣ. Онъ до того въ ней неподражаемъ, что его здѣсь прозвали *Joseph Quat'sols* (Жозефъ четыре копѣйки), именемъ вовсе не логическимъ, ибо онъ собралъ въ Гаврѣ не четыре су, а тысячи четыре франковъ, и доставилъ дирекціи вдвое столько же; говоря сценическимъ языкомъ, въ каждое представленіе Жозефа Кельма, театръ былъ полонъ, какъ *куриное лицо* (*plein comme un oeuf!*)! Артистъ сей сказывалъ мнѣ, что намѣренъ нынѣшнимъ лѣтомъ посѣтить нашъ гостепріимный Петербургъ, чего я конечно ему не отсовѣтовалъ, въ полной увѣренности, что Жозефъ Кельмъ найдетъ у насъ публику, которая всегда умѣла оцѣнивать усердіе и талантъ артиста, проникнутаго своимъ искусствомъ.

Кромѣ Парижскихъ актеровъ, пріѣзжающихъ сюда играть разныя гостинныя роли, въ піесахъ, поставленныхъ на сцену дирекціею, прѣдъ насъ пріѣзжала сюда цѣлая труппа странствующихъ Италіанскихъ пѣвцовъ, довольно хорошо знавшихъ музыку, это правда, но вѣроятно, «растерявшихъ

голоса свои по большимъ дорогамъ,» ибо кромѣ одного баса и спавшей съ голоса примадонны, лучшею пѣвицею въ слышанной мною «Нормѣ» была Елена Кондель, занявшая, на этотъ разъ, роль сестры своей, и прекрасно исполнившая партію Адалгизы. Итальянцы давали здѣсь и другую оперу «Lucia di Lamermoor», но я въ другой разъ не пошелъ ее слушать. Даже Гаврскіе Французы показались мнѣ въ ней гораздо лучше походныхъ Итальянцевъ. Послѣ Парижско-Итальянской труппы, восхитившей меня въ Лондонѣ, не имѣлъ я духа слушать здѣсь эту оперу по-Итальянски.

Отдавъ мѣстный отчетъ о дѣйствительныхъ Гаврскаго Театра, перейду къ правамъ и обычаямъ почти всѣхъ провинціальныхъ театровъ во Франціи. Двѣ, три сцены лучше ознакомить съ ними читателя, чѣмъ длинное разсужденіе, отъ которыхъ часто звать хочется.

Въ одно изъ представленій, въ которомъ участвовали Жозефъ Кельмъ и Фортъ, въ антрактахъ мелодрамы нужно было перемѣнять много декораций, и перемѣна эта происходила не такъ-то поспѣшно; нетерпѣливая публика начинала роптать, и ропотъ ея, мало по малу, сталъ превращаться въ цѣлую бурю стукотни и свистковъ; кое-гдѣ раздавались глухіе вопли, «la pièce ou mon argent» (пѣсью или деньги назадъ)! Но пока вопли не выходили изъ границъ, ни оркестръ, ни дирекція не обращали на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что съ этимъ гамомъ и шумомъ сливались крики разнощиковъ газетъ, хлопаніе дверьми и топотъ зрителей, возвращавшихся съ прогулки по театральному фойе, со скверовъ подъ вязами, или изъ сосѣднихъ кофеенъ; но вдругъ происшествіе, невиданное въ другихъ театрахъ Европы, и самаго Парижа, обратило на себя всеобщее вниманіе публики. Для поясненія его слѣдуетъ здѣсь замѣтить одинъ Французско-Англійскій партерный обычай. Qui va à la chasse, perd

sa place: то есть, что ни одинъ зритель, сидящій на мѣстахъ не нумерованныхъ, не имѣетъ права взыскивать съ сосѣда за занятіе оставленнаго имъ мѣста, если не припилилъ къ нему, при вставаніи, клочка бумаги, не обязалъ скамейки платкомъ, или не поручилъ мѣста сего бдительности сосѣда. На одномъ такомъ мѣстѣ припилиена была дневная газета, и вотъ, какая-то фигурка въ синей блузѣ и красномъ колпакѣ, нѣчто въ родѣ поденщика или корабельнаго юнга, вѣроятно незнакомая съ этимъ обычаемъ, наскучивъ сидѣть на задней скамейкѣ, и, пользуясь отсутствіемъ хозяина мѣста, пролезаетъ на него по ногамъ сидѣвшихъ зрителей, и преспокойно садится на припиленную газету. Является хозяинъ и требуетъ отъ незваннаго гостя, чтобы онъ очистилъ занятое мѣсто; синяя блуза, основываясь на приведенной мною пословницѣ, никакъ не соглашается уступить. Завязывается прежаркій споръ, въ него вмѣшиваются посредники, и тяжба безъ апелляцій рѣшена противъ синей блузы; но когда дѣло дошло до исполненія, то осужденная сторона никакъ не захотѣла покориться строгости приговора. Къ несчастію, силы упряма не соответствовали стойкости его характера: сосѣдняя публика встала in согрее съ своихъ мѣсть, и законодатели, превращенные въ исполнителей приговора, сами приводятъ его въ дѣйствіе: синяя блуза столкнута съ своего мѣста, и, подобно кегельному шару, пущена по ногамъ мирныхъ гражданъ, не принимавшихъ участія въ этой распрѣ; само по себѣ разумѣется, что дѣло тутъ было не до осторожности; прядая съ ноги на ногу, несчастный изгнанникъ давилъ мозоли иныхъ, и деревянными башмаками своими (sabots) набивалъ синяки на ножки, обутыя въ щегольскіе ботинки: крикъ, пискъ и вой раздавались повсюду; наконецъ, хозяева придавленныхъ ногъ и ножекъ выведены изъ терпѣнія, и между ими и синею блузою за-

вязывается настоящая драка, толчки, пики и кулачные удары сыплются какъ изъ рога изобилія на страдальца, и отдаются назадъ не безъ процентовъ; потомъ нѣсколько силачей, въ такихъ же синихъ блузахъ, подхвативъ незваного гостя, взбрасываютъ его на головы своимъ сосѣдямъ, и тутъ уже всѣ руки задняго партера поднимаются вверхъ, и начинаютъ перекидывать синюю блузу съ головы на голову. Не прошло и полуминуты времени, какъ невольный акробатъ, переваливаясь и кувyrкаясь на воздухѣ, при свистахъ и ругательствахъ цѣлаго партера, выброшенъ изъ рядовъ и вытолканъ взапой изъ залы.... а полиція?... Полиція на все это преспокойно любитъся, и ни одинъ жандармъ, ни одинъ агентъ ея не сдѣлалъ ни шага, не вымолвилъ ни слова въ пользу избитаго мальчишки. Возвратясь въ свою гостиницу, я спрашивалъ самъ себя: не во снѣ ли все это видѣлъ? Миѣ сказали, однако жъ, что Французская полиція не всегда такъ равнодушна при дракахъ, и тамъ гдѣ жизни человѣка угрожаетъ дѣйствительная опасность, жандармы, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, бросаются всегда на помощь погибающему; но въ дракахъ обыкновенныхъ, гдѣ за тычкомъ не гонятся, полиціи какъ бы не бывало!

Но вотъ другой анекдотъ въ иномъ родѣ, столь же рѣзко характеризующій Французскую провинціальную публику: онъ случился нѣсколькими днями позже разсказаннаго, въ послѣдній дебютъ одной пріѣзжей актрисы, *Мадамъ Мартень*. Первые два дебюта, если противъ деютантки или деютапта нѣтъ особеннаго предубѣжденія, обыкновенно проходятъ довольно тихо; но третій, по которому рѣшается пріемъ ихъ или отверженіе, рѣдко обходится безъ бури.

Актриса эта была женщина дѣтъ 23-хъ, довольно пріятной наружности, играла изрядно, но голосъ ея былъ нѣсколько слабъ, а здѣшніе *habitués* любятъ, чтобы акте-

ры высказывали роли свои и громко и явственно.

Въ этотъ вечеръ играли драму *Le Chevalier de St. Georges*, довольно удачно слепленную изъ извѣстнаго романа того же имени. Судя по словамъ нѣкоторыхъ сосѣдей моихъ, абонентовъ балкона, и по свисткамъ, изрѣдко раздававшимся въ первые дебюты госпожи Мартень, я предвидѣлъ, что третій дебютъ ея не обойдется безъ крика и свистковъ. Такъ и случилось. Когда актриса вышла на сцену, и начала свой первый монологъ, шесть свистковъ раздались въ *паркетъ* (креслахъ) и въ верхнихъ ярусахъ. Сотня рукоплесканій покрывала заливавшихся свистуновъ, но зловѣщіе соловьи не умолкали. Ужасный оглушительный шумъ, продолжавшійся съ четверть часа, остановилъ представленіе. Явился режиссеръ, и молча просилъ знаками о словѣ. «Что угодно вамъ, милостивые государи?» спросилъ онъ — «Не хотимъ видѣть на сценѣ эту актрису!» отвѣчали два свистуна, стоявшіе у самаго оркестра «*Resue, resue!* (Принята, принята!)» закричала другая часть публики, и аплодисменты потрясли всю залу. Режиссеръ остановился, поблѣднѣвшая актриса, опираясь на кресла, упала на нихъ почти въ обморокъ. «Что же прикажете намъ дѣлать?» продолжалъ режиссеръ, указывая на другихъ: кому повиноваться, вамъ или имъ?» Громкій свистъ абонента, извѣстнаго таможеннаго чиновника, и пять другихъ свистковъ въ разныхъ концахъ залы служили ему отвѣтомъ. «*A bas les sifflets! à la porte les cabaleurs: la majorité est contr' eux!* (Прочь свистки, вонъ кабалеровъ: большинство противъ нихъ!)» кричало сто голосовъ изъ партера; но свистки не умолкали. Режиссеръ ушелъ, и ужасная эта буря продолжалась еще новыя четверть часа. Мы хотѣли выйти изъ залы, какъ вдругъ изъ среды партера поднимается человѣкъ въ синей блузѣ, настоящей Геркулесъ, портовой дрягель, который взбра-

сывалъ пятнадцати пудовой тюкъ хлопчатой бумаги — какъ гусиное перо. Протянувъ мощный кулакъ свой къ свистуну: «Taisez vous, сказалъ онъ ему, ou je vous assomme! (замолчите, или я васъ приколочу!)» Свистунъ на минуту приостановился, но подумавъ нѣсколько, продолжалъ опять. Тутъ портовой Алкидъ, выдавшись впередъ, просилъ пропустить его въ паркетъ, и закричалъ свистуну, едвали не своему начальнику: «Sortez à l'instant, morbleu, et ne vous empêchez pas de vouër (voir) la pièce, ou bien, je passe de vot' côté, et malheur à vous si je vous rencontre dans la salle! (Сию минуту вонъ, чортъ возьми, и не мѣшайте намъ смотрѣть пиесу, или я перейду на вашу сторону, и бѣда вамъ, если найду васъ въ залѣ!)» Видя, что съ нимъ не шутятъ, кабалёръ улизнулъ изъ залы, но невидимые свистки продолжали раздаваться. Актриса сошла со сцены. Режиссеръ воротился еще разъ, и объявилъ, что Г-жа Мартень согласна *оставить театръ*, но просить позволенія кончить пиесу.

Большинство публики потребовало градскую полицію, крича во все горло, что актриса «принята» и велѣла продолжать пиесу. У оркестра явился полицейскій офицеръ, поднялъ руку и громко сказалъ стоявшему за кулисами директору: «Continuez, (продолжайте!)» Свистки умолкли, и полумертвая Г-жа Мартень принуждена была доигрывать свою роль, при громкихъ рукоплесканіяхъ, покрывавшихъ свистки, кое-гдѣ попискивашіе въ тихомолку.

Я самъ видѣлъ одного изъ этихъ господъ свистуновъ, прикрывавшаго свистокъ свой носовымъ платкомъ. Когда первая пиеса кончилась, я спросилъ, улыбаясь, сего знакомаго мнѣ свистуна — молодого Господина Ж***, какая причина побуждала его и товарищей поступать такъ жестоко съ несчастною Г-жею Мартень? «Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы оту-

чить дирекцію давать мѣдъ за золото своимъ абонентамъ, и не отвергать хорошихъ талантовъ изъ-за лишннихъ двухъ сотенъ франковъ жалованья, какъ она то сдѣлала.» Признаюсь, надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы выйти на сцену передъ подобною публикою!

Не смотря на одобреніе большинства, Г-жа Мартень не показывалась болѣе на сценѣ, и уѣхала изъ Гавра въ Феканъ.

Но это еще цѣтки въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалось недавно въ Руанѣ, котораго обанкрутившаяся театральная дирекція принуждена была прекратить спектакли на главномъ театрѣ.

Сора публики при одномъ такомъ же дебютѣ дошла до того, что префектъ Департамента Низовой Сены (Seine inférieure) принужденъ былъ ввести на сцену взводъ національной гвардіи. Прицѣливъ ружья на публику, начальство потребовало, чтобы меньшая часть ея, мѣшавшая представлению, вышла немедленно изъ залы: дѣло довольно трудное, если бы большинство зрителей не указало полиціи на тѣхъ нарушителей порядка, которые вопреки желанію большинства мѣшали ему наслаждаться спектаклемъ.

До подобныхъ безпорядковъ рѣдко доходитъ въ Парижѣ, даже и на мелкихъ народныхъ театрахъ; что же касается до большихъ, то буйства сего рода, по чувству ли свѣтскаго приличія, или по другимъ причинамъ, тамъ почти никогда не усиливаются до такой степени неистовства, какъ на провинціальныхъ театрахъ. Во все время пребыванія моего въ Парижѣ, ни въ Большой Оперѣ, ни во Французскомъ Театрѣ, ни на театрахъ Variétés, Gymnase, Opéra Comique, Palais-Royal, De la Porte St. Martin, Vaudeville и Gaité, не случалось мнѣ слышать ни одного свистка или буйнаго возгласа.

Часть труппы Гаврской въ свободное время разъѣзжаетъ по ближнимъ городамъ, каковы: Феканъ, Гарфлеръ и Больбекъ. Кромѣ того, въ наше время, да-

вала она въ Ангувилѣ одно представленіе въ пользу *Гг. хоровъ* т. е. хористовъ и хористокъ (*Messieurs et Mesdames les choeurs.*)

Сценическія представленія Гавра не ограничиваются однимъ театромъ: въ *заль гостиницы Фраскати*, у морскихъ ваннъ, даются каждое воскресенье концерты, балы и фейерверки; сверхъ того есть еще танцевальное собраніе и въ самомъ городѣ, на Ангулемской Набережной, гдѣ собирается лучшее общество, и *ташенишлерскій* театръ за Ангувильскими Воротами, гдѣ какая-то профессорша обаянія, настоящій Пинетти въ юпкѣ, удивляетъ

низшаго рода публику мастерствомъ своимъ въ *увеселительной физикѣ* (*Physique amusante*). Огромная афиша ея, въ сажень величины, качается надъ большою Парижскою дорогою, на предлинномъ канатѣ, котораго концы привязаны къ двумъ рядамъ буквъ и илимовъ, освѣняющихъ дорогу. По вечерамъ, афиша сія, въ видѣ транспаранта, освѣщается цвѣтнымъ фонаремъ. Зайдя однажды въ этотъ досчатый театръ, я перенесъ мыслію въ наши масляничные балаганы....

П. КОРСАКОВЪ.

ДВѢ ПРИМАДОННЫ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Есть ли на свѣтѣ *счастье* и *несчастье*? Что значать эти слова? Какой они имѣютъ нравственный, или психологическій смыслъ? Что это за геніи *добра* и *зла*, которые вѣчно между собою враждуютъ? Что это за волшебные призраки, которые мучатъ весь человѣческій родъ? Когда великіе мыслители *міра сего* дадутъ намъ точное опредѣленіе этихъ удивительныхъ двухъ словъ? Хорошо было древнимъ Политеистамъ! Если они не постигали какого нибудь дѣйствія природы или нравственнаго міра, то тотчасъ же создавали себѣ на этотъ предметъ новое божество — и дѣло съ концемъ. Но мы во всемъ мірскомъ должны доискиваться зем-

ныхъ, физическихъ причинъ, и поминутно становимся въ тупикъ. Мы очень худо знаемъ и причину нашей *воли*, *воображенія*, *движеній* и всего жизненнаго процесса, но на этотъ счетъ добрые и умные люди помогаютъ еще кое-какъ нашему невѣдѣнію наборомъ важныхъ словъ, латинскихъ въ длинно-Нѣмецкомъ періодѣ на тонкую и запутанную ниточку сбивчивыхъ идей и человѣческаго самолюбія. Всякому совѣстно признаться, что онъ ровно ничего тутъ не понимаетъ, и потому всякій, прочтя подобное опредѣленіе философовъ, физиологовъ и психологовъ, очень важно и серьезно скажетъ: да! это точно правда! Но слова *счастье*

и *несчастіе* до сихъ поръ не были еще въ передѣлѣ у этихъ господъ. Они чувствуютъ, что тутъ вся фразеологія и идеологія не помогутъ. Тутъ всякій *индивидуумъ* умничаютъ по своему, и сейчасъ закричатъ: «нѣтъ, братъ! не надуешь! это вздоръ!» А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, любовитно бы было узнать настоящее значеніе этихъ словъ! *Счастіе! Несчастіе!*... Смирные мудрецы, которые не испытали переворотовъ ни того, ни другаго, очень спокойно увѣряютъ, что эти слова не имѣютъ вовсе ни какаго значенія; что ихъ изобрѣлъ чело­вѣкъ въ собственномъ своемъ воображеніи; что это изобрѣтеніе принадлежитъ уже вѣкамъ цивилизаціи; что первобытный чело­вѣкъ не зналъ и не испытывалъ ни въ чемъ счастья и несчастія, и что даже теперь всякій *индивидуумъ* даетъ совершенно различное значеніе этимъ словамъ. Конечно, кому не о чемъ заботиться, тотъ совершенно правъ, разсуждая подобнымъ образомъ; но увы! ежедневный опытъ удостоверяетъ насъ, что это неправда, что это софизмъ, парадоксъ. — *Счастіе* и *несчастіе* существуютъ, непременно существуютъ. Но гдѣ? какъ? отъ чего? какимъ образомъ? почему?... О! это такіе вопросы, которые вѣроятно не разрѣшатъ намъ и тысячелѣтія. Всякій, конечно, иначе понимаетъ эти слова, всякій имѣетъ свою идею, свои потребности... но повѣрте, что эти ужасныя, волшебныя, таинственныя слова не въ одномъ нашемъ воображеніи существуютъ. Нѣтъ, мы видимъ противное на каждомъ шагу. Если *счастіе* за кого нибудь примется, то бросьте всѣ расчеты вѣроятностей чело­вѣческихъ—ихъ уже нѣтъ! — а является что-то удивительное, изумительное, ослѣпительное, сверхъестественное, волшебное. Изъ грязи, изъ болота вытащить *оно* своего избраннаго, вымоетъ его, выхолить, поставитъ на ноги, нарядитъ, осыплетъ всеми достоинствами, посадитъ въ карету, отдастъ въ его распоряженіе

сотни и тысячи существъ, поставитъ на высокія ходули, окружитъ блескомъ, сіяніемъ, оптическими обманами, и не только все современное поколѣніе будетъ удивляться его *счастію*, но и потомство будетъ обмануто этою фантастагорією, и будущія поколѣнія будутъ доискиваться необыкновенныхъ качествъ этого чело­вѣка. А это просто было *счастіе!* За то ужъ если и *несчастіе* примется за кого нибудь, то на каждомъ шагу, при каждомъ поступкѣ, при каждомъ предпріятіи, при каждомъ словѣ, бьетъ его, колотитъ, мучитъ, терзаетъ, втоптываетъ въ грязь, разрываетъ по частямъ, по жилкамъ, и когда все мірское кончается смертью чело­вѣка, *несчастіе* не оставляетъ своей жертвы и за гробомъ. И въ позднія поколѣнія хотеть оно непременно перенести память ударовъ, которые нанесло *несчастливцу*. И тутъ ужъ не помогаетъ ни какаѣ философія! Терпи, страдай и погибай, а за что? отъ кого? къ какой цѣли? по какой причинѣ? Просто *несчастіе*, да и только!

Разумѣется, я, или какъ писатели всегда говорятъ, мы не беремся разрѣшить эту неразрѣшимую задачу. Мы только сами по себѣ знаемъ кое-что о *счастіи* и *несчастіи*, и нерѣдко задумываемся надъ пустыми и однако же весьма важными вопросами: почему все это случилось именно съ нами? Почему счастье съ такою материнскою вѣжностью холитъ *такого-то*? Почему *несчастіе* такъ постоянно давитъ подъ своимъ свинцовымъ гнетомъ *такого-то*? Почему?... Ну, да этимъ вопросамъ не было бы и конца, а мнѣ читателямъ вѣрно лучше знать, что это за *двѣ примадонны*, которыя выставлены въ главніи. Виновать! заболтался! Но увѣряю, что это длинное разсужденіе о *счастіи* и *несчастіи* принадлежитъ къ моей повѣсти.

Это даже не мои слова, не мои идеи... Что мнѣ за дѣло до этихъ призраковъ людской жизни? Я въ нихъ рѣшительно

не вѣрю. Я человекъ положительный, реальный. Я полагаю, что все дѣлается на свѣтѣ по заслугамъ каждаго. Вѣдь иначе и быть не можетъ! Если кому очень везетъ, ну, значить онъ этого стоитъ. Если *несчастіе* схватывало меня когда нибудь въ свои желѣзныя лапы, то я, конечно, морщился, вздыхалъ, плакалъ, но (право!) всегда внутренно говорилъ: это мнѣ по дѣломъ! Я того и стою. И если когда нибудь опять погладишь и меня *счастіе* по головкѣ, то я съ врожденною каждому человекѣску скромностію скажу: видно я поумнѣлъ, и заслуживаю эти ласки!

Но не такъ думали дѣйствующія лица моей повѣсти. Въ маленькомъ городкѣ южной Австріи, на границахъ Италіи... (Зачѣмъ вамъ, почтенные мои читатели, знать въ какомъ именно городкѣ? Вы не узнаете и настоящихъ именъ моихъ героевъ. Всякое происшествіе можно разсказать, но личность каждаго—вещь священная) въ предмѣстьѣ, которое называлось Италіанскимъ, потому что большая дорога вела въ Миланъ, въ домигѣ довольно чистенькомъ, но ветхомъ, сидѣли подъ окномъ двѣ женщины. Одна изъ нихъ была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но еще съ довольно свѣжимъ лицомъ, доброю фізіономіею и ласковою улыбкою. Одежда ея обнаруживала бѣдность опрятности. Она сидѣла и вязала чулки. Другая была молодая дѣвушка самой привлекательной наружности. Лице было продолговатое, правильное, выразительное; глаза исполненные огня, волосы каштановаго цвѣта, ростъ стройный, формы стана роскошныя, но одежда тоже самая скромная. Она сидѣла за пальцами и что-то вышивала, изрѣдка взглядывая на проходящихъ и проезжающихъ, и безпрестанно разговаривая со старухою. Въ углу той же комнаты сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ девятнадцати, котораго бы можно было назвать типомъ мужской красоты, если бъ задумчивость и печаль не слишкомъ рѣзко изображались на блѣдномъ

лицѣ его. Онъ сидѣлъ за ветхимъ столомъ, и пристально что-то писалъ, вмѣшиваясь иногда въ разговоръ съ двумя женскими существами, сидѣвшими у окна.

Вотъ эти-то три лица и завели между собою разговоръ, который я въ общемъ итогѣ имѣлъ честь представить моимъ читателямъ въ началѣ.—Мать, дочь и сынъ вздумали между собою разсуждать: что значать *счастіе* и *несчастіе*? Добрые люди! Они говорили просто съ досады на судьбу свою. Они не знали, что и пятьдесятъ лѣтъ послѣ нихъ... (слѣдственно читатели догадаются, что происшествіе случилось въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія)... люди умнѣе ихъ и опытнѣе побьются, побьются, побьются надъ этимъ вопросомъ, да и рукой махнутъ.

Уже два часа продолжался этотъ разговоръ. Молодой человекъ началъ ужъ очень горячиться и бранить сестру свою за ея филантропическія идеи, а черезъ это много пропало у него времени для переписки. Мать замѣтила это, и чтобъ прекратить такой полезный разговоръ, дала ему другое направленіе, спросивъ сына:

«А что, Карлъ? Ты еще не скоро кончишь свою работу?..»

«Нѣтъ еще, мама. Часа на полтора осталось...»

«А солнце скоро сядетъ...»

«Такъ я вечеромъ допишу...»

«Вечеромъ?... Но ты знаешь какъ твои глаза слабы...»

«Что же дѣлать?... авось въ одинъ вечеръ не испортятся...»

«Притомъ же у насъ нѣтъ свѣчей... всѣ вышли... При нашей же ночной лампѣ тебѣ писать нельзя...»

Карлъ, по какому-то инстинктивному движению, быстро опустилъ руку въ карманъ, какъ будто желая достать денегъ на свѣчи, но подержавъ ее тамъ съ минуту, медленно вынулъ опять, и, глубоко вздохнувъ, принялся вновь писать скоро и внимательно. Разговоръ о *счастіи* прекра-

тился, потому что для счастья этихъ трехъ людей не доставало свѣчей.

«Ну, а твоя работа, кажется, быстро подвигается, Матильда,» — продолжала мать, глядя на шитье дочери...

«Завтра по утру встану по-раньше, и кончу, милая мама, отвѣчала дочь. Тотчасъ же снесу и авось получу деньги...»

При словѣ *деньги* и мать и братъ невольно вздохнули оба... О! это такое волшебное слово. Какъ бы человекъ ни былъ занятъ, въ какую бы задумчивость ни былъ погруженъ, скажи только ему на ухо: *деньги*, онъ непременно тотчасъ же опомнится и спроситъ: гдѣ? какія?... И кажется, если бъ не вечеръ и не свѣчи прекратили разговоръ этихъ лицъ, то они бы навѣрное дошли до разгадки важнаго и таинственнаго вопроса о *счастьи*, согласясь единогласно, что настоящее *счастье* на земли составляютъ *деньги*, а *несчастье* то, что вечеромъ нѣтъ *свѣчей*. Однако же, разговоръ прекратился; только прекрасная сестрица, такъ горячо спорившая до той минуты съ своимъ братомъ, часто на него поглядывала, какъ будто досадуя, что ей надобно молчать, не одержавши побѣды надъ братомъ. Мать же съ своей стороны частехонько поглядывала на проходящихъ и проѣзжающихъ. Вдругъ стукъ коляски заставилъ ее невольно вздрогнуть. Коляска еще была далеко, а старуха знала уже кто ѣдетъ.

И Матильда, не поднимая глазъ и покраснѣвши не много, сказала матери: «А! это опять *онъ!*»

«Да! въ шестой разъ!» отвѣчала старуха съ видимою досадою.

«Бѣдныя лошади!» прибавила Матильда съ веселою улыбкою. «Онъ должны страдать изъ-за меня.»

«Какъ будто не все такъ на свѣтѣ?» сказалъ Карлъ, не переставая писать. «Если богачъ и *счастливецъ* встрѣтитъ какую нибудь неудачу, она вѣрно падетъ не на него лично, а ка какое нибудь невинное созданіе близъ него. Ты

еще ни разу не взглянула на этого *мерзавца*, и за это покуда лошади его и кучеръ должны страдать, проѣзжая шестой разъ мимо твоихъ оконъ. Ты на него и опять не взглянешь, и за это вѣрно пострадаетъ кто нибудь изъ тѣхъ, которые прійдутъ къ нему съ просьбами...»

Въ эту самую минуту поравнялась съ окномъ коляска, и сидѣвшій въ ней старикъ жадными взорами впился въ преледную головку Матильды... И чтожь?... Она отчего-то вздрогнула и взглянула на него. Тогда восхищенный старикъ раскланялся ей съ улыбкою, полною блаженства, и все продолжалъ смотрѣть на нее, хотя она въ то же мгновеніе опустила опять голову, и уже не поднимала ее.

«Эхъ, Матильда! Зачѣмъ ты это сдѣлала?» сказала мать съ видомъ кроткаго упрека.

«А что? Развѣ она посмотрѣла на него?» вскричалъ братъ, и положилъ перо. «Разумѣется, взглянула,» весело отвѣчала Матильда — «и въ этомъ ты же виновата.»

«Я?»

«Да! Зачѣмъ ты говорилъ о несчастныхъ, которые могутъ пострадать отъ сквернаго старика, если я не посмотрю на него.»

«Прекрасно, сударыня!... Такъ вы для спасенія человечества броситесь пожалуй въ его объятія...»

«А ты развѣ не пожертвовалъ бы собою для спасенія человечества?»

«Ни поль-погтя не дамъ за весь родъ людской. Онъ не стоитъ ни какой жертвы...»

«Это говорить въ тебѣ не сердце, а *несчастье*... а улыбнись только тебѣ фортуна...»

«Тогда бы я злость мою перемѣнилъ на презрѣніе, и только.»

«Полно-те, дѣти! Вы опять заболтаетесь. Перестань, Матильда. Ты только мѣшаешь Карлу...»

«Нѣтъ, мама! Я и разговаривая не оши-

бусь въ перепискѣ этихъ проклятыхъ нотъ.... Я такъ къ нимъ привыкъ, что могу читать ихъ какъ книгу....

«А знаешь ли-что, Карль? сказала Матильда. Не хочешь ли, я помогу тебѣ. У меня работы осталось не больше, какъ на часъ, и я ее кончу завтра по утру, а теперь покуда солнце не сядетъ, я тебѣ помогу кончить твою работу.»

Пожалуй! мнѣ бы очень хотѣлось отнестись ея *сегодня*. . . . Вечеру музыканты щедрѣе, нежели по утрамъ....»

«Давай же!...»

И Матильда тотчасъ же съ жаромъ принялась за переписку нотъ. Оба пересѣли къ окну, чтобъ воспользоваться до невозможности лучами заходящаго солнца, свѣтомъ вечерней зари. Мать съѣла у другаго окна, и всеобщее молчаніе прерывалось только унылымъ скрипомъ перьевъ брата и сестры.

Новый стукъ коляски заставилъ ихъ невольно поднять глаза. Въ дорожной запыленной коляскѣ сидѣла какая-то женщина съ горничною; на козлахъ съ кучеромъ сидѣлъ лакей безъ ливреи; множество чемодановъ привязано было на запяткахъ. День былъ довольно жаркій, и утомленные лошади ѣхали самую скромную рысью; передъ самымъ же домомъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ лошади вдругъ вздумали остановиться....

Если читатель въ состояніи будетъ дочитать повѣсть до конца, то пусть онъ вспомнить это пустое, ничтожное обстоятельство.... *Лошади остановились!*.. Отчего? почему?... Въдъ могли же они и дальше ѣхать, могли остановиться и прежде!... А какія неисчислимые послѣдствія произошли отъ этой минуты!... Лошади остановились. . . . Кто же послѣ этого усомнится, что *счастье* и *несчастье* действительно существуютъ, а не созданы нашимъ воображеніемъ!

Лошади остановились.... Дама, сидѣвшая въ коляскѣ, нечаянно взглянула на чету, писавшую у окна; Матильда и

Карль тоже подняли въ эту минуту свою голову, и взоры всѣхъ троицъ встрѣтились. Прекрасное и выразительное лице Карла болѣе всего поразило путешественницу. Она долго и внимательно смотрѣла на него.... Въ это время кучеръ слезъ съ козель, чтобъ поправить что-то въ упряжи; лакей принялся чиститься, видя, что они уже въѣзжаютъ въ городъ; и горничная воспользовалась этимъ временемъ, чтобъ поправить свой туалетъ.

«Минхенъ! мнѣ что-то пить хочется,» сказала вдругъ путешествующая дама своей спутницѣ. «Попроси въ этомъ домѣ стаканъ воды...» (при этомъ она указала на комнату, гдѣ сидѣли Карль и Матильда.)

Лакей отперъ дверцы, Минхенъ выскочила изъ кареты и побѣжала въ домъ, но Карль уже предупредилъ ее. Онъ видѣлъ, слышалъ, понялъ, вскопчилъ и схвативъ стаканъ воды съ тарелкою, побѣжалъ на улицу.

«Что это вы сами обезпокоились!» сказала путешественница Карлу съ самою прелестною улыбкою, когда онъ поднесъ ей стаканъ.

«Я очень счастливъ, если могу хоть чѣмъ нибудь служить такой особѣ....» На этомъ словѣ Карль заикнулся. Онъ не зналъ кто была эта дама, а двусмысленная, почти насмѣшливая ея улыбка при словѣ *особы*, и пронзительный взглядъ, брошенный ею въ то же самое мгновеніе, совершенно разстроили его.

«Могу ли узнать, кто сдѣлалъ мнѣ честь такую милою услужливостью?» — спросила опять путешественница, и Карль, нѣсколько запинаясь и краснѣя, отвѣчалъ что его зовутъ Карль Каттель...

«Вы вѣрно авторъ, поэтъ, писатель.... Вы такъ прилежно занимались, какъ я подѣхала.... Да и теперь ваша подруга продолжаетъ заниматься....»

«Это моя сестра, Матильда,» съ поспѣшностію отвѣчалъ Карль. «Мы переписываемъ ноты....»

«А! Вотъ прекрасно! Такъ вы музыкантъ!.. Очень рада! Въ такомъ случаѣ я надѣюсь, что мы съ вами познакомимся.... Скажите, пожалуйста, гдѣ въ вашемъ городѣ живетъ банкиръ Фальбергъ?»

Карль вспыхнулъ. Путешественница назвала имя того старика, который недавно шесть разъ проѣзжалъ мимо ихъ оконъ. Вспомня однако же, что пріѣзжая дама не можетъ знать сношеній его съ этимъ волокитою, онъ спѣшилъ подробно описать ей улицу, домъ и примѣты, гдѣ отыскать Фальберга.

«Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезный Г. Каттель. Я чрезвычайно рада, что познакомилась съ вами. Надѣюсь, что вы навѣстите меня.... Я остановлюсь въ домѣ Г. Фальберга.... я васъ жду завтра, поутру... До свиданія!..»

При этомъ словѣ она сдѣлала знакъ, и коляска быстро помчалась по мостовой, а Карль, не успѣвшій отвѣчать незнакомкѣ, остался на улицѣ, съ пустымъ стаканомъ,—и долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею. Наконецъ онъ опомнился, вздохнулъ, и тихо побрѣлъ въ свою комнату. Тамъ все было по прежнему; одинъ Карль принесъ домой новыя, непонятныя впечатлѣнія. «Да ну, Карль! Что ты тамъ заговорился съ какою-то Графинею! сказала ему Матильда. Садись поскорѣе, да пиши. Смотри, ужъ солнце скоро сядетъ.»

Молча сѣлъ Карль, вздохнулъ еще разъ, и принялся писать.

«А вѣдь она не дурна», сказала Матильда черезъ нѣсколько минутъ.

Карль продолжалъ молчать.

«Любопытно бы было узнать, кто эта дама.... Ты не спросилъ у ней?...»

—«Ты съ ума сошла, Матильда, съ живостию отвѣчалъ Карль. Да развѣ это можно спрашивать?»

«Чудакъ! не прямо, а околичностями....»

«—Я не люблю околичностей ни въ мысляхъ, ни въ словахъ.... Впрочемъ, если женское любопытство мучить тебя, то я знаю гдѣ она остановилась....»

«Гдѣ?»

«—У твоего прелестнаго обожателя, у Фальберга.»

«Вотъ мило, вскричала Матильда. — Да этакъ онъ, злодѣй, измѣнитъ мнѣ... Эта дама гораздо лучше меня.... Ну, такъ и быть! Если я любопытна, такъ не завистлива. Я уступаю ей моего обожателя. Пусть она владѣетъ его сердцемъ....»

«—Да полно тебѣ вздоръ болтать... Смотри, ты забыла написать *Сода*.»

«Совсѣмъ не забыла... Я это пишу по окончаніи каждой страницы.... А ты развѣ сряду пишешь.... Постой-ко.... Это что такое у тебя?... Ты на басовой строчкѣ скрипичный ключъ поставилъ...»

«—Ахъ! въ самомъ дѣлѣ!... Что за глупое разсѣяніе!...»

«Вотъ что значитъ поговорить съ провѣзжею графинею....»

«—Перестань, пожалуйста.... я, право, не въ такомъ расположеніи, чтобъ шутить. Пиши скорѣе: Уже не много осталось...»

Матильда замолчала;—и оба опять принялись писать.—Солнце уже закатилось; послѣдніе лучи догорающей зари освѣщали комнату, а они все еще напрягали свое зрѣніе, чтобъ поскорѣе окончить.

Вдругъ на улицѣ послышались быстрые шаги, и какой-то мужчина, подойдя къ окну, сурово спросилъ, не снимая шляпы: «Что, другъ Каттель! готовы ли ноты?»

«Я общалъ принести ихъ завтрапоутру, Г. Либрехтъ, отвѣчалъ Карль....»—«Такъ, братецъ! Да мнѣ они вдругъ понадобились сегодня... Къ намъ пріѣхала знаменитая пѣвица, и мы всѣ сбираемся явиться къ ней сегодня вечеромъ. Мы ей сыграемъ эту симфонію, и пусть она порасскажетъ о насъ по всей Германіи.... Пожалуйста, дружище... Нельзя ли изготовить? Очень нужно!... я тебѣ за эту услугу полгульдена прибавлю....»

«Я и безъ вашей просьбы хотѣлъ сегодня кончить... и непременно бы кончилъ. Работы на четверть часа, не большъ.

ше.... Да вотъ недавно помѣшали мнѣ, и время пропало....»

«Какъ, пропало!... Да если на четверть часа работы, такъ ты, просто, золотой человѣкъ.... Пстой, я тебѣ самъ помогу.... У насъ живо закипитъ.»

При этомъ словѣ онъ вбѣжалъ въ комнату, и не снимая шляпы, не поклонясь двумъ женщинамъ, бросился къ столу.

«Да кой чортъ, ты съ ума сошелъ, другъ Каттель. Развѣ можно писать въ потемкахъ? У тебя съ сестрою вѣрно кошачьи глаза.... Да вели дать свѣчку....» Эй, маменька. Подайте-ка намъ огня. — Развѣ вамъ не жаль глазъ дѣтей вашихъ?»

«Охъ ужъ какъ жаль, Г. Либрехтъ! со вздохомъ отвѣчала старуха, не трогаясь съ мѣста... но видите ли... одно обстоятельство, которое....»

«Да мы о вашихъ обстоятельствахъ не слушаемъ послѣ, прервалъ ее Либрехтъ. Огня-то подайте поскорѣ....»

«Да вѣдъ съ огнемъ-то вы вѣрно захотите и свѣчку....»

«Ха, ха, ха! какая забавница! Ну, разумѣется... Да троньтесь же съ мѣста...»

«Г. Либрехтъ! оставьте мою матушку, печально сказалъ Карлъ. Ей совѣстно сказать, что у насъ дома нѣтъ свѣчей... Мы вечеромъ сидимъ при ночной лампѣ...»

«Такъ пошлите поскорѣ къ сосѣду...»

«На это надо деньги, а у меня нѣтъ ни крейцера....»

«Да!... въ такомъ случаѣ... я виноватъ, любезный Каттель, — отвѣчалъ Либрехтъ, нѣсколько тронутый чистосердечною бѣдностью своего переносчика. Мнѣ, однако же, ноты непременно нужны... и я вамъ сейчасъ принесу, все что надо.»

Онъ быстро вышелъ, и черезъ двѣ минуты воротился, неся съ собою двѣ восковыя свѣчи.

«Вотъ, мамахъ! зажгите поскорѣ и подайте намъ, сказалъ онъ, отдавая свѣчи старухѣ.» — Та спѣшила исполнить приказаніе, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ

трое, сядя за письменнымъ столомъ, быстро оканчивали работу.

«Я не зналъ, другъ Каттель, сказала Либрехтъ, перевертывая листъ, и поглядывая на Матильду, — что сестра твоя такъ хорошо знаетъ музыку. Она славно пишетъ.»

«Развѣ могу я не дѣлиться съ сестрою всѣми познаніями, которыя самъ могъ прибрѣсть? отвѣчалъ Карлъ. Матильда не хуже моего знаетъ все, что касается до музыки....»

«Вотъ! это славно.... Такъ она и поетъ?»

«Гимны Богу! Другаго пѣнія ей не нужно въ нашемъ состояніи...»

«Конечно, конечно!... А все бы лучше было.... Правда и то, что ваша бѣдность....»

«Г. Либрехтъ! съ гордою вспылчивостію сказалъ Карлъ. Мы въ нашей бѣдности ни у кого еще и ничего не просили.... Мы работаемъ и получаемъ за труды....»

«Ну, ну! Вотъ и слышно сейчасъ молодого человѣка!... Кровь заиграла фугу. Эхъ, другъ Каттель! И въ музыкѣ, и въ жизни *piano* и *dolce* больше выигрываютъ, нежели всѣ оглушительные *fortissimo*. Кой чортъ тебя упрекаетъ въ твоей бѣдности.... Напротивъ того жаль, что человѣкъ съ дарованіемъ, съ умомъ.... Ну, да кто виноватъ? Я первый сколько разъ тебѣ говорилъ: поѣзжай, Каттель, въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Мюнхенъ.... ну, куда нибудь, только не сиди въ этомъ дрянномъ городишкѣ. Тутъ ты ничего не наживешь....»

«Г. Либрехтъ! Здѣсь жилъ и умеръ мой отецъ.... Здѣсь его могила....»

«Ну, такъ что жъ! Когда тебѣ вздумается умирать, пожалуй, приѣзжай сюда, и тебя похоронятъ вмѣстѣ съ отцемъ.... а до тѣхъ поръ ты можешь сдѣлать свое счастье.... Кто ничего не ищетъ, тотъ ничего и не находитъ....»

Въ эту минуту работа была кончена и разговоръ прекратился. Еще съ четверть

часа просматривалъ Либрехтъ листы и свѣрялъ ихъ бѣгнымъ взглядомъ, но ошибокъ не нашель.

«Славно! спасибо! Нѣтъ ни одной ошибки! О! ты далеко пойдешь.... Да и твоя сестрица... Какъ мастерски пишетъ.... я думалъ, что она кромѣ иголки ничего не умѣетъ въ рукахъ держать.... А она еще и музыкантша!... Жаль, что я давно этого не зналъ.... я бы почаще васъ навѣщаль.... Ну, да это не уйдетъ.... Прощайте.... Вотъ твои деньги, Каттель!... Два гульдена, а вотъ и полгульдена, который я обѣщаль....»

«Это лишнее, Г. Либрехтъ.... я не могу взять его....»

«Вотъ прекрасно! Я, кажется, господинъ въ своихъ деньгахъ, и право не люблю ихъ бросать даромъ.... Но если бы ты съ меня запросилъ и гульденъ противъ договора для того, чтобъ окончить ноты въ часъ, то я бы съ радостію заплатилъ.... Возьми же, другъ, не церемонься. Это заслуженныя деньги.... А знаешь ли еще что?... Одѣнься-ка и пойдемъ со мною.... У тебя хорошій теноръ; ты намъ будешь очень полезенъ въ хорѣ.... Хочешь ли получить еще цѣлый гульденъ?...»

Карлъ видимо колебался, самъ не зная причины.... но взглянувъ на мать, онъ тотчасъ же опомнился и отвѣчалъ: «Благодарю васъ, и сейчасъ же буду готовъ.»

Черезъ минуту они ушли, и на этотъ разъ Либрехтъ, который все это время не снималъ своей шляпы, приподнял ее, прощаясь со старухою, и дружески подалъ руку Матильдѣ. И мать и сестра проводили Карла за ворота.

«Не загуляйся же, Карлъ, сказала ему Матильда. Мы будемъ ждать тебя ужинать....»

«Какой тутъ ужинъ! отвѣчалъ за него Либрехтъ. Мы у Фальберга всѣ плотно наѣдимся и поѣдемъ. Нашъ вечеръ не

рано кончится. Не ждите его, а помолитесь Богу, и ложитесь спать.»

Карлъ вдругъ остановился, имя Фальберга поразило его. Невольно спросилъ онъ Либрехта: «Что вы сказали? У Фальберга?»

«Ну, да! Знаменитая пѣвица у него остановилась, и онъ послалъ звать къ себѣ на вечеръ весь городъ.»

«Недавно, въ коляскѣ, проѣхала мимо насъ дама. Она спрашивала домъ Фальберга.»

«Ну, такъ это она и есть... Ты ее видѣлъ?...»

«Такъ это пѣвица?... А я думалъ...»

«Что, не бойсь, принялъ ее за знатную барыню. Да, дружще! Онѣ всѣ таковы... Однако же, что жъ ты сталъ!... Пора! пойдемъ!»

Почти насильно Либрехтъ потащилъ Карла.

«Ну, слава Богу! сказала старуха, воротясь въ комнату. Опять есть деньги. Два съ половиною гульдена! Это станеть намъ почти на недѣлю.»

«А завтра и я вѣрно получу за свое шитье, и мы тогда почти на мѣсяцъ будемъ обезпечены.... Добрый малый этотъ Либрехтъ. Грубъ немножко, а сердце доброе.»

«Замѣть это, милая Матильда, отвѣчала мать со вздохомъ. Кто грубъ и откровененъ, тотъ всегда добръ въ душѣ своей. Кто же льститъ, ласкаетъ и сладко говорить.... о! того бойсь!... Тотъ навѣрное обманеть.»

«Ну, мама! Насъ, кажется, не въ чемъ обмануть.»

Мать вздохнула. Невинность ея дочери не могла понять, что кромѣ денегъ, есть вещи на свѣтѣ, въ которыхъ обманъ бываетъ очень жестокъ. Она не хотѣла ей объяснять этихъ вещей, а только еще разъ вздохнула, и съ любовію посмотрѣла на прекрасную головку своей дочери, которая сѣла за письменный столъ, и сложа

руки, съ безпечною радостію смотрѣла въ потолокъ. «Что жъ ты это дѣлаешь, Матильда? сказала наконецъ мать. Ты никакъ съ ума сошла. Ничего не работаешь, а прекрасныя восковыя свѣчи горятъ.... потуши ихъ и зажги нашъ ночникъ.»

«Ахъ, мама! Сдѣлайте милость! Еще нѣсколько минутъ!.. Вы не постигаете какое наслажденіе въ этомъ свѣтѣ? Двѣ свѣчи, *двѣ восковыя свѣчи!*... Какъ тихо, плавно и прекрасно онѣ горятъ.... Посмотрите, какъ наша комната сдѣлалась красивѣе, великолѣпнѣе.... Какіе яркіе круги отъ нихъ на потолокъ.... Ахъ! какъ должны быть счастливы тѣ, у которыхъ горятъ восковыя свѣчи.»

«Жаль, что твоего брата нѣтъ дома. У васъ бы опять начался споръ. Теперь ты полагаешь *счастіе* въ восковыхъ свѣчахъ, а давеча....»

«Да, мама! и теперь и давеча все одно и то же.... Высокопарный мой Карлъ говоритъ, что *счастіе* въ собственной нашей душѣ. Мнѣ кажется, что это одна громкая фраза. Вѣдь душа есть у всякаго, а счастливы очень немногіе.»

«Но увѣрена ли ты, что всѣ богачи счастливы, другъ мой?»

«Не знаю мама.... Но если они не счастливы, то вѣрно сами виноваты. Я такъ была бы самою счастливою дѣвушкою въ свѣтѣ, еслибъ.... вотъ, напримѣръ, если бъ у меня всякій день были въ карманѣ эти два съ половиною гульдена, а ввечеру на столѣ моемъ эти двѣ восковыя свѣчи.... Не ужто я многого желаю?»

«Мечтательница! Кто знаетъ! можетъ быть у тебя когда нибудь будетъ и больше.... Дай Богъ, чтобъ ты тогда была въ самомъ дѣлѣ счастлива.... И если это случится, то вспомни, Матильда, этотъ вечеръ и свои слова....»

«О! непременно вспомню! и вѣрно буду счастлива....»

«А до тѣхъ поръ не приняться ли намъ

за чулокъ, да за нашъ любезный ночникъ?».

«И то правда!» сказала Матильда вздохнувши. Послѣднія слова матери какъ будто пробудили ее отъ сладкаго сна. Она встала, зажгла скромный свой ночникъ, и почти со слезами на глазахъ погасила обѣ восковыя свѣчи. Все вдругъ сдѣлалось темно и печально. И мать и дочь замолчали. Только однообразный шорохъ отъ вязальныхъ иголокъ и развивающагося клубка нарушалъ безмолвіе.... А въ это самое время!..

II.

Домъ Фальберга освѣщенъ былъ самымъ великолѣпнымъ образомъ. Все высшее общество города собралось въ его залахъ, и увивалось около пріѣзжей знаменитости. Надутые комплименты такъ и сыпались на нее со всѣхъ сторонъ, и *примадонна* принимала ихъ съ безпечною, которая доказывала, что она привыкла къ подобнымъ фразамъ. Вдругъ въ одной изъ комнатъ, которая была до тѣхъ поръ заперта, раздались звуки полнаго оркестра; дверь отворилась, и симфонія, приготовленная Либрехтомъ, началась ко всеобщему изумленію. Всѣ вдругъ замолчали, всѣ хотѣли слушать, а болѣе всего, всѣ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ хотѣли видѣть: какое впечатлѣніе произведетъ эта симфонія на пѣвицу. Но, когда сыграна была интродукція и началось *allegro*, примадонна очень ласково поблагодарила хозяина за его вниманіе и сюрпризъ, равнодушно спросила о сочинителѣ симфоніи, и потомъ очень разсѣянно начала разговаривать съ гостями о столчныхъ новостяхъ. Всѣ удивились подобному невниманію къ музыкѣ. Думали, что *adagio* тронетъ ее—ни тутъ-то было! Она очень серіозно рассказывала жепѣ оберъ-полицій-коммиссара о формѣ новыхъ Вѣнскихъ шляпокъ. Это изумило всѣхъ. Началась *fuga*, и съ такою энергіею со

стороны музыкантовъ, что въ залѣ надо было бы кричать во все горло, чтобъ сказать сосѣду какойнибудь секретъ. При фугѣ, примадонна замолчала. Наконецъ загремѣли послѣдніе акорды и всеобщее браво! брависсимо! наградило музыкантовъ. Хозяинъ съ торжествомъ подвелъ къ примадоннѣ Либрехта, и представилъ ей, какъ автора симфоніи. Та сказала ему нѣсколько комплиментовъ, тотъ расшаркался, и они разошлись.

«Кажется, вамъ болѣе всего понравилась фуга», сказала примадоннѣ прежняя ея собесѣдница, Оберъ-Коммиссарша, начавъ съ нею опять разговоръ.

«О нѣтъ! отвѣчала пѣвица. Мнѣ всѣ симфоніи очень понравились.»

«А мнѣ показалось, что вы въ концѣ больше слушали. Во время первыхъ двухъ частей вы были такъ ласковы, что разговаривали со мною, а когда заиграли фугу, то вы замолчали...»

«Ахъ, да! Только это право произошло не отъ излишняго вниманія, а просто потому, что въ это время мы выбились бы изъ силъ, если бъ вздумали продолжать нашъ разговоръ.»

«Ахъ, Боже мой! А я и не догадалась!... Но скажите однако *Madame M.* (я уже предупредилъ читателей, что не скажу настоящей фамилии моихъ дѣйствующихъ лицъ. Одна изъ примадоннъ, славилась въ Европѣ, а другая даже была въ Петербургѣ. Если кто очень догадливъ, то тѣмъ лучше для него. Я же приученъ къ скромности). Развѣ вы не любите музыки?...»

«Какъ не любить! Это моя главная и единственная страсть!...»

«А! понимаю! Такъ эта симфонія вамъ не понравилась...»

«Напротивъ, я нашла въ ней прекрасныя мѣста, которыя доставили мнѣ большое удовольствіе.»

«Но вы едва слушали...»

«Вы ошибаетесь.... Я могу вамъ пересказать всѣ переходы, всѣ мотивы, даже

всѣ ошибки каждаго инструмента при исполненіи...» Тутъ она весело вскочила, подбѣжала къ Либрехту, схватила его за руку, и подвела къ своей собесѣдницѣ. «У насъ, Г. Либрехтъ, вышелъ небольшой споръ съ Г-жею Оберъ-Коммиссаршею на счетъ вашей симфоніи. Я, можетъ быть, худо вслушалась... такъ вы, какъ авторъ, рѣшите это дѣло...» Тутъ она принялась ему пересказывать всю его симфонію отъ доски до доски, и по временамъ упоминала о небольшихъ промахахъ оркестра, которые замѣтны одному капельмейстеру. Либрехтъ былъ вѣ себя отъ восхищенія. Еще никто такъ хорошо не понялъ, не разобралъ его сочиненія. Онъ схватилъ руку пѣвицы, и со всюю страстью артиста осыпалъ ее поцѣлуями. Примадонна очень великодушно позволила ему это невинное занятіе. Казалось даже, что она совершенно не занималась этимъ, по привычкѣ къ подобнымъ восторгамъ.

Либрехтъ спѣшилъ разгласить всѣмъ и каждому о разговорѣ своемъ съ великою, несравненною, гениальною примадонною, и находилъ, что всѣ эпитеты были слишкомъ слабы, чтобъ выразить ея достоинства. Онъ побѣжалъ къ своимъ музыкантамъ, и имъ повторилъ свой рассказъ. Всѣ они съ жадностію окружали его, слушали и восхищались. Между этими слушателями былъ и Карлъ.

Онъ уже давно подходилъ къ растворенной двери и слѣдилъ издали за всѣми движеніями своей знакомой незнакомки. Теперь она показалась ему еще прелестнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣе. Окруженная всѣми властями города, которыя ей поклонялись какъ принцессѣ, она казалась самовластною владычицею этого собранія, изъ котораго самый послѣдній гость не удостоилъ бы Карла и однимъ взглядомъ. А потому онъ каждый разъ ограничивался тѣмъ, что постоитъ, посмотритъ, вздохнетъ и прочь пойдетъ.

Скоро дошла и до него очередь. Начался хоръ, и говоръ собранія опять

умолкъ. На этотъ разъ примадонна, чтобъ угодить самолюбію присутствующихъ, не сказала ни слова и притворилась внимательною. Всеобщіе аплодисменты прѣвѣтствовали пѣвцовъ по окончаніи, и Либрехтъ снова былъ представленъ примадоннѣ, какъ авторъ хора. Она снова осыпала его похвалами, и дружески разговаривая съ нимъ, пошла въ ту комнату, гдѣ былъ оркестръ и пѣвцы. Либрехтъ рекомендовалъ ей главныхъ виртуозовъ, но представленіе еще не кончилось, а примадонна уже увидѣла и узнала Карла, съ живостію подошла къ нему, и дружески протянувъ руку, сказала: «Г. Каттель! съ вами я уже имѣла удовольствіе познакомиться, и очень рада, что вижу васъ прежде завтрашняго визита, который вы мнѣ обѣщали сдѣлать. Смотрите, не забудьте....»

Хозяинъ, разумѣется, слѣдилъ за каждымъ шагомъ своей знаменитой гостьи, и давно уже былъ подлѣ нея. Каково же было его удивленіе, когда онъ, въ числѣ пѣвцовъ своего хора, увидѣлъ брата той дѣвушки, которая была предметомъ неуспѣшнаго его волокитства! Но еще больше удивился онъ и всѣ присутствующіе, увидя что примадонна знакома съ Карломъ Каттелемъ, который никогда не выезжалъ изъ этого города, и котораго въ этомъ городѣ почти никто не зналъ. Либрехтъ съ своей стороны воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ придать себѣ и Карлу нѣсколько важности.

«Да! если бъ не другъ Каттель, сказала бы онъ, то мы бы не могли сегодня угостить васъ этою симфоніею.... Я ему обязанъ....»

«Тѣмъ пріятнѣе для меня этотъ сюрпризъ», отвѣчала пѣвица, и опять подала ему руку, которую тотъ молча поцѣловалъ....

«Прекрасный молодой человѣкъ! прибавилъ Фальбергъ.... У него очень доброе, милое семейство.... А особенно сестрица.... прелестнѣйшая дѣвушка....»

«Я ее видѣла.... Она тоже кажется занимается музыкою?...»

«Да! домашнее воспитаніе, отвѣчалъ Либрехтъ, видя, что Карлъ все молчитъ. Мы здѣсь всѣ почти страстные любители музыки....»

«Это для меня большая неожиданность, сказала примадонна. Въ проѣздѣ моемъ изъ Вѣны въ Миланъ, могла ли я думать, что въ небольшомъ пограничномъ городѣ найду такое пріятное и музыкальное общество. У меня былъ вексель на имя Г. Фальберга, и я воображала, что умру со скуки, проживя здѣсь два дня.... Теперь мнѣ досадно, что я не могу цѣлую недѣлю пробыть здѣсь.... О, я никогда не забуду удовольствія, которое вы мнѣ доставили, господа....»

Всѣ расшаркались, зажужжали что-то въ родѣ благодарности, и пѣвица, бросивъ еще одинъ выразительный взглядъ на Карла, пошла опять въ залу.

Музыканты были отъ нея въ восторгѣ, а Карлъ?.. Онъ съ Магометомъ летѣлъ въ третье небо. Всѣ возможные эпитеты были истощены въ честь прелестной примадонны, но отъ этого восторгъ не охлаждался, а все еще болѣе усиливался.

«Какая досада! вскричалъ вдругъ Либрехтъ. У насъ нѣтъ ничего такого.... хоть бы чужое, краденое.... Чтобы намъ сыграть, или спѣть въ честь этой богини....»

Всѣ замолчали и вопросительно поглядывали другъ на друга. Никто не рѣшался подать своего мнѣнія... Вдругъ, какая-то молнія блеснула въ умъ Карла. Онъ быстро подошелъ къ Либрехту и сказалъ ему:

«Какъ вамъ не стыдно, Г. Либрехтъ, придумывать что нибудь чужое! Вы такой музыкантъ.... Что вамъ значитъ написать нѣсколько тактовъ музыки!.. Импровизація все извиняетъ.... Пишите скорѣе, а я придумаю слова, и мы ихъ споемъ....»

«Браво! брависсимо! мой золотой Кат-

тель, мой сердечный Карлъ! Пиши, пиши, давай писать.... Да постой! Что жъ мы напишемъ?»

«Пишите хоръ на три голоса въ четверти.... Это всего проще.... А у меня стихи въ пять минутъ поспѣють....»

Оба, вооруженные карандашами, бросились къ столу, и съ жаромъ восторга принялись за работу. Конечно, каждый изъ нихъ остановился на самомъ началѣ, но когда этотъ Рубиконъ былъ перейденъ, они уже быстро полетѣли къ концу. Каттель первый подалъ Либрехту начальный куплетъ, и онъ тотчасъ же пошелъ по рукамъ. Пѣвцы списали его и выучили. Да это было и не мудрено. Нѣмецкая импровизация чрезвычайно однообразна. Рiemы *Freuden-Leiden*, *Herz* и *Schmerz* — какъ фатумъ древнихъ Грековъ, являются тутъ съ неизбежною пошлостію; прибавивъ же къ тому кое-какіе варианты въ родѣ: *Gotttheit-Bosheit*, *Liebe-Triebe*, *Zeit* и *Ewigkeit*, очень удобно написать въ десять минутъ нѣсколько куплетовъ, которыхъ никто не осмѣлится критиковать, потому что это писано экспромтомъ и на случай. Либрехтъ съ своей стороны тоже не истощилъ своего генія на хоръ. Взявъ *C-Dur* въ четыре четверти, онъ изъ аккордовъ этого тона составилъ поющіе голоса, а басъ дѣлалъ акомпаниментъ; мастерски потомъ перешелъ, при второмъ куплетѣ, въ *G-Dur*, и фанфаръ всѣхъ инструментовъ, съ крикомъ: *Vivat!* оканчивалъ третій куплетъ. Вся эта работа продолжалась не болѣе четверти часа. Инструментовка заняла столько же времени, и когда хозяинъ попросилъ оркестръ начать балльную музыку, все уже было готово. Либрехтъ не сообщил, однако же, хозяину своей продѣлки, а сказала, что она готова. Все собраніе стало по рядамъ, и ожидало первыхъ аккордовъ контроданса, чтобъ пуститься въ плясъ со всею провинціальною чопорностію.... Вдругъ, вмѣсто контратанца загремѣли трубы, смыч-

ковые инструменты сдѣлали три аккорда, и хоръ голосовъ раздался тихо и важно. Всѣ остолебенѣли отъ изумленія. Наконецъ хозяинъ одинъ тихо прокрался къ музыкантамъ, и спросилъ Либрехта, торжественно размахивающаго смычкомъ: что это значитъ?

«Экспромптъ въ честь примадонны! Сейчасъ сочинили, и стихи и музыку. Ступайте и слушайте.... Въ концѣ будетъ *Vivat!* Пожалуй, подхватите его въ залѣ. Это сдѣлаетъ еще больше эффекта.»

Хозяинъ воротился и шепнулъ нѣсколькимъ приближеннымъ въ чемъ дѣло. Потомъ подошелъ къ пѣвицѣ, и тихо сказалъ ей:

«Первые нумера были для васъ — сюрпризъ. Теперь это сюрпризъ для меня. Ваши прелести и оборотительное обхождение произвели надъ этими людьми инспирацію.... Кто бы подумалъ, что они это въ пять минутъ сочинили, написали, выучили и выполняютъ.»

Всякій другой человекъ поставленъ бы былъ этою новою лестію въ затруднительное положеніе, но наша примадонна приняла это самымъ спокойнымъ и веселымъ образомъ, и продолжала тихо разговаривать съ хозяиномъ о необыкновенной любезности его согражданъ.

Наконецъ загремѣли опять трубы, раздалось громкое *Vivat*, и всѣ мужчины въ залѣ подхватили это восклицаніе въ разныхъ тонахъ. Всѣ, разумѣется, ожидали пышныхъ фразъ и многословной благодарности пѣвицы за такой великолѣпный сюрпризъ... Каково же было всеобщее изумленіе, когда она, не сказавъ никому ни слова, подошла къ фортепіанамъ, сѣла, и на ту же самую тему, которую только что сыграли, зашла благодарственный свой куплетъ. Эта импровизация стояла первой. *Dankbarkeit* и *Ewigkeit* стояли, разумѣется, и тутъ какъ необходимые указатели дорогъ; но куплетъ также оканчивался эффектнымъ *Vivat*, въ честь города и жителей, и всѣ пришли въ неописанный

восторгъ, который всегда такъ кажется несвойственъ добродушно-холодной Нѣмецкой натурѣ. Всѣ столпились около примадонны; женщины обнимали ее, а мужчины ловили ея руку, чтобъ покрыть самыми пламенными поцѣлуями. А примадонна?... Кто бы отгадалъ о чемъ она въ это время думала! Она наскоро прибирала въ умѣ своемъ Нѣмецкія рѣмы на новый куплетъ, и еще не успѣли опомниться, какъ она снова сѣла за фортепіаны, и опять заплѣла своимъ звучнымъ, приятнымъ голосомъ новый куплетъ въ честь музыкантовъ, которые доставили ей столько *Freuden*, что она забыла всѣ свои *Leiden*. Раздалось новое *Vivat*, и на этотъ разъ нашло изступленный отголосокъ въ комнатѣ музыкантовъ. Забывъ все Нѣмецкое приличіе, они буйною толпою вторглись въ залу, и, растолкавъ толпу важныхъ *советниковъ* и ихъ супруговъ, бросились къ пѣвицѣ, и тутъ уже кому не досталось поймать руку ея, цѣловали ее въ рукавъ, въ плечо, въ шею, и т. д. Она этимъ ни чуть не обидѣлась, а хотела отъ всей души. Одинъ Карлъ не участвовалъ въ этомъ оргическомъ порывѣ. Онъ стоялъ вдали, и только пламенными взорами пожиралъ красоты примадонны. Она это замѣтила, и сама подошла къ нему, и протянула ему руку.

«Это поэтъ стиховъ,» сказалъ ей Либрехтъ.

—Кто бы не написалъ тысячи стиховъ, видя васъ! отвѣчалъ наконецъ Карлъ (и это было первое его слово.) Но вотъ авторъ музыки, а это гораздо важнѣе.

«Я обонмъ равно благодарна, отвѣчала она, и еще разъ подала руку Либрехту.... Повѣрьте, что я умѣю чувствовать все ваше одолженіе....»

Кое-какъ хозяинъ привелъ весь этотъ хаосъ въ прежній систематическій порядокъ. Музыканты, вылившіеся какъ волны изъ своей комнаты, возвратились въ берега, отдѣляющія ихъ отъ знати. Гости стали опять по-парно, и на этотъ разъ

заиграли контродансъ. Все запрыгало, забѣгало, закружилось, и балъ начался.

Передъ ужиномъ произошелъ антрактъ, и примадонна, въ знакъ благодарности ко всему обществу, сѣла за фортепіаны, и начала пѣть знаменитую арію Моцарта изъ *Clemenza di Tito*. Все замолкло. Музыканты опять тихонько выползли изъ своей комнаты, а Карлъ, прислонясь къ двери, забылъ весь міръ при звукахъ этой гармоніи. Онъ никогда еще не слышалъ ничего подобнаго.

Когда примадонна кончила, никто не смѣлъ даже хвалить ее, столь пошлою показалась въ ту минуту всякая похвала. И посредственная пѣвица оскорбилась бы этимъ молчаніемъ, но наша примадонна знала свое достоинство, и радовалась безмолвному изумленію невинныхъ провинціаловъ.

Когда гости пошли ужинать, музыканты овладѣли залою, и важно расхаживали въ ней отдѣльными группами. Въ это время Либрехтъ и другіе пристали къ Карлу съ распросами: гдѣ и какъ онъ познакомился съ примадонною? Опытѣйшій человекъ воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобъ сочинить что нибудь, но Карлъ былъ слишкомъ невиненъ. Онъ разсказалъ имъ очень просто свое первое съ нею свиданіе, и всѣ были разочарованы. Онъ одинъ блаженствовалъ въ своихъ мечтахъ.

Не смотря на это, когда официанты принесли и музыкантамъ ужинать, Карлъ не отказался и отъ земной пищи. Домашній его обѣдъ былъ очень скромный, и возрадованный желудокъ вступилъ въ свои права. За то, когда въ концѣ ужина, кассиръ Фальберга принесъ Либрехту деньги для раздачи музыкантамъ, то Карлъ едва не отказался отъ своего условнаго гюльдена. Онъ былъ въ душѣ своей такъ счастливъ, и эти деньги унижали его въ собственныхъ его глазахъ. И что жъ? Это чувство благородной гордости было совсемъ иначе растолковано Либрехтомъ. Тотъ вообразилъ, что Карлу кажется

эта плата теперь слишкомъ малою, потому что онъ написалъ стихи.

«Будь спокоенъ, другъ Каттель, сказалъ ему Либрехтъ. За свои куплеты ты получишь послѣ... это по условію...»

Съ нѣкоторымъ негодованіемъ схватилъ Карлъ свой гюльденъ, и отвѣчалъ Либрехту: «Какъ вамъ не стыдно, любезный Г. Либрехтъ! Развѣ я объ этомъ говорю и думаю? Мнѣ совѣстно принять и эту плату. Всѣ мы наслаждались такимъ удовольствіемъ, что скорѣе съ насъ бы надо взять.»

«Полно, мой милый! Всякій изъ насъ трудится изъ хлѣба, и мы бы очень глупы были, если бъ подарилъ что нибудь здѣшнему хозяину. Его мы не удивимъ, а себѣ ни какой пользы не принесемъ.»

Въ это время послышался шумъ возвращающихся изъ столовой; музыканты смиренно ретировались въ свое русло, и зная, что музыкальныя ихъ обязанности уже кончились, каждый изъ нихъ сѣвшиль вынуть изъ шандала восковую свѣчку, и спрятать ее себѣ въ карманъ. Карлъ въ первый разъ еще былъ въ музыкальномъ обществѣ, и не зналъ этого прекраснаго обычая, а потому ему ничего и не досталось. Онъ только вспомнилъ, что часа два тому назадъ онъ очень нуждался въ подобномъ огаркѣ.

Вскорѣ балъ кончился. Пѣвица съ дороги устала, и ее съ триумфомъ проводили въ ея комнату. Послѣ этого и всѣ стали разъѣзжаться. Либрехтъ съ музыкантами остались одни, и къ нимъ явился Фальбергъ съ словесною и наличною благодарностію. Карлъ долженъ былъ принять за стихи золотую монету въ пять талеровъ, и приглашеніе хозяина *навѣщать* его иногда. Послѣднее имѣло вовсе другую цѣль, которую Карлъ очень хорошо понималъ, но не смѣлъ обнаружить своего негодованія. Всѣ осыпали хозяина благодарностію, и онъ долженъ былъ подражать прочимъ.

Уже было за полночь, когда Карлъ пу-

стился домой. На лѣстницѣ Фальберга остановилъ его Либрехтъ, взявъ подъ руку, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

«Знаешь ли, другъ Каттель, что я придумалъ? сказалъ онъ ему... Эта чудесная примадонна очень ласково съ тобою обошлась... Ты молодъ, не дурень собою... Кто знаетъ, что случится!... Куй желѣзо пока горячо.... Вотъ, что я тебѣ совѣтую. Она тебя звала завтра поутру... явись непременно, и вмѣсто утренняго букета принеси ей наши куплеты, которые ты завтра поутру успѣешь переписать хорошенько.... Ну, какъ тебѣ нравится мой совѣтъ? Исполнишь ли ты его?..»

«Право, не знаю, добрый мой Г. Либрехтъ, отвѣчалъ Карлъ колебаясь... я бы очень радъ былъ... но боюсь.»

«Чего?..»

«Боюсь, чтобы она не вздумала *заплатить* мнѣ за это...»

Либрехтъ захохоталъ. — «Ахъ ты молодость, молодость! Боятся денегъ! Перестань, другъ... Ты право, смѣшонъ! Что ты за богачъ, чтобы отвергать деньги!... Да изъ чегожъ мы всѣ на свѣтѣ хлопочемъ? Ты развѣ думаешь, что Моцартъ, Гайднъ, не брали денегъ за свои безсмертныя произведенія? Развѣ ты воображаешь, что всѣ наши величайшіе поэты хлопочутъ изъ за славы? Нѣтъ, другъ! Слава очень хорошая вещь, но безъ денегъ чортъ ли въ ней? Перестань же ребячиться. Вотъ тебѣ моя музыка. Займись ею завтра по утру, и поднеси ее нашей чудесной примадоннѣ. Прощай!..»

Онъ ушелъ, а Карлъ въ глубокой задумчивости побрелъ домой. Изъ его мечтаній въ эти полчаса ходьбы можно бы было составить цѣлую книгу, но мы изъбавляемъ отъ нихъ читателя. Молодое воображеніе очень пылко и своевольно, и Богъ вѣсть куда занесетъ насъ.

Когда онъ пришелъ домой, то мать... (о! эти матери никогда не спятъ, когда дожидаются возвращенія сыновей своихъ) спросила у него нехотеть ли онъ поужинать.

«Нѣтъ, мама! Я ужиналъ», отвѣчалъ онъ тихо.

«Не зажечь ли тебѣ ночникъ?»

«Нѣтъ! не надо! я и такъ раздѣнусь....» Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее, и пошелъ ошупью за свои ширмы, положила напередъ полученныя имъ деньги на столъ, для того, чтобъ мать видѣла ихъ при пробужденіи.

Разумѣется, Карлъ заснулъ не скоро. Взволнованная кровь и разыгравшаяся фантазія самые худые проводники сна. Шутливый журналистъ сказалъ бы тутъ, что самымъ лучшимъ проводникомъ была бы моя повѣсть, но Богъ съ нимъ! Вѣдь не всѣ красавицы производятъ безсонницу....

III.

«Что это, Карлъ, какъ ты заспался!» сказала Матильда брату своему, въ ту самую минуту, какъ своевольный сонъ рисовалъ ему самыя восхитительныя картины *счастія*.

«Ахъ! дай еще заснуть! проворчалъ онъ ей сквозь сонъ. Вчера поздно домой пришелъ.... Спать хочется....»

«Фи! Какой лѣнинецъ! А я ужъ успѣла и кончить работу свою, и отвести, и деньги получить, а у тебя все еще лежатъ какіе-то ноты, которые вѣрно тебѣ надо будетъ переписывать....»

«Ноты?» Это слово совершенно разбудило его. Онъ протеръ глаза и потянулся. «Да! ты права, Матильда! Мнѣ надо работать....»

Онъ всталъ, одѣлся и принялся писать, а Матильда подѣла къ нему и начала его спрашивать о вчерашнемъ вечерѣ. Увы! Она за этимъ только и будила его. Женское любопытство всего сильнѣе. На столѣ лежала золотая монета, ноты, стихи; Карлъ былъ въ большомъ собраніи, на балѣ.... Сколько предметовъ для распросовъ! И что жъ? Отвѣты Карла были ужасно холодны и односложны. Онъ да-

же не зналъ въ какомъ платьѣ была примадонна, не помнилъ прически Оберъ-Коммиссарши, не замѣтилъ шали Таможенной Оберъ-Вахтерши. Предосадно! Какіе это скучные и пустые люди, всѣ братья и мужчины! Смотрятъ только на лица, шейки, ручки, ножки, а о нарядахъ и не спрашивай у нихъ: ничего не видятъ.

Только тогда, какъ мать воротилась съ рынка съ припасами къ обѣду, и въ свою очередь начала спрашивать, Карлъ по неволѣ сдѣлался разговорчивѣе. Всякое слово матери требовало полного объясненія. . . . (тогда молодые люди имѣли еще къ матерямъ своимъ самую нѣжную почтительность, и сказывали имъ безусловное повиновеніе!), и такимъ образомъ Матильда узнала кое-что побольше, но о нарядахъ все таки не могла ничего добиться. Карлъ рассказалъ матери все, что съ нимъ случилось. Онъ умолчалъ только о тайныхъ своихъ чувствахъ и о безпокойныхъ снахъ, которые его цѣлую ночь тревожили.... Да вѣдь объ этомъ мать и не спрашивала! Распросы и разсужденія кончились тѣмъ, что всѣ трое были чрезвычайно довольны своею судьбою. У нихъ была золотая монета въ пять талеровъ и нѣсколько гульденовъ серебромъ, а съ этими деньгами мать рассчитывала, что имъ можно прожить два мѣсяца. Для бѣдности, это цѣлая вѣчность.

«Слѣдственно мы теперь *счастливы!*» сказала Матильда! Вотъ былъ бытеперь случай возобновить вчерашній споръ съ братомъ. Онъ говорилъ все о *душевныхъ* чувствахъ, а сегодня сознается, что счастливъ отъ того, что у него есть золотая монета....»

«Э! полно тебѣ говорить вздоръ,» съ досадою сказалъ Карлъ, и остановился, будто бы углубясь въ переписку нотъ. А въ самомъ-то дѣлѣ, онъ не смѣлъ и не хотѣлъ говорить ей, что *счастливы* не деньгами, а тайными своими чувствами.

Окончивъ работу, Карлъ одѣлся самымъ великолѣпнымъ образомъ. У него правда былъ одинъ сертукъ очень двусмыслен-

наго цвѣта, и уже выслужившій законную давность, но онъ такъ усердно его вычистилъ и выгладилъ, что всякій призналъ бы его за прошлогодній. Притомъ же Матильда нарядила его въ самое чистое бѣлье, которое она съ искреннею заботливостію только что приготовила. Послѣ этого очень было простительно ей, что она спросила его куда онъ идетъ въ такомъ нарядѣ.

«Къ Фальбергу!» отвѣчалъ Карлъ, потупя глаза.

«Такъ и ноты-то для него?»

«Не знаю, для него, или для пѣвицы... Мнѣ Либрехтъ приказалъ...»

Карлъ опять остановился. Что-то сдавило грудь его, и онъ для облегченія ея принужденъ былъ вздохнуть. Внутренній голосъ говорилъ ему, что это давленіе груди всегда дѣлается съ тѣми, которые лгутъ. Бѣдная невинность! Какъ онъ ошибался! Въ нашъ вѣкъ ни одна бы грудь не уцѣлѣла отъ вѣчнаго давленія, если бѣ ложь производила это дѣйствіе.

«Клянись отъ меня милому старичку, сказала Матильда шутливо. Да скажи ему, что я вчера на него взглянула только по твоей просьбѣ...»

«Охота тебѣ вздоръ говорить!... Этотъ негодный старичишка и безъ того меня вчера взбѣсилъ. Вздумалъ при всѣхъ тебя расхваливать... Ты знаешь нашъ городокъ... Тотчасъ Богъ знаетъ что подумаютъ...»

«Такъ вы и обо мнѣ говорили, Карлъ?..»

«Да! не знаю съ чего вздумалъ старичкъ... Ну, да чортъ съ нимъ! Прощайте... мнѣ пора...»

Онъ ушелъ, и во всю дорогу боялся смотрѣть постороннамъ, опасаясь, чтобъ прохожіе не угадали по лицу тайныхъ его мыслей и мечтаній. Напрасный страхъ! Никто и не посмотрѣлъ на него во всю дорогу, а когда онъ пришелъ къ дому Фальберга, то и вполнѣ былъ разочарованъ. Суровый голосъ швейцара очень грубо спросилъ у него: кого тебѣ надобно? въ

ту самую минуту, когда онъ, отворя двери, хотѣлъ стрѣлою пуститься по лѣстницѣ.

«Пріѣзжую пѣвицу... съ нѣкоторою робостію отвѣчалъ Карлъ. Она вчера ввечеру просила меня...»

«Вчера?... А! вѣрно музыкантъ?... Хорошо! Ступай на верхъ, да скажи, чтобъ тамъ о тебѣ доложили...»

Какъ ни мучительно звучали въ ухахъ его слова: *ступай, доложили*, онъ однако же скрѣпилъ сердце, и вошелъ уже довольно тихими шагами въ переднюю. Новый вопросъ: кого тебѣ надобно? и тутъ встрѣтилъ его. Еще съ большею робостію повторилъ Карлъ свой отвѣтъ, и слуга долго думалъ, колебался и осматривалъ Карла съ ногъ до головы, прежде нежели рѣшился на великое дѣло: итти и доложить.

Примадонна сидѣла въ это время за окончателною отдѣлкою своего утренняго туалета, а передъ нею увивался со всѣхъ сторонъ Фальбергъ съ разгорѣвшимися отъ удовольствія глазами. Онъ поминутно отпускалъ ей самыя тяжело-вѣсные комплименты, и та принимала ихъ какъ умная и опытная *актриса*; сама хотала отъ двусмысленностей, не красѣла отъ каламбуровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удерживала всякую вольную выходку своего собесѣдника. Вдругъ вошедшій лакей очень громко возгласилъ: «Музыкантъ Каттель желаетъ видѣть *Ею. Gnaden*.»

«Что ему надо?» вскричалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Фальбергъ.

«Проси, проси его!» отвѣчала примадонна, и черезъ минуту пылающее лице Карла показалось въ дверяхъ. Онъ давно уже приготовилъ первую свою фразу, при поднесеніи ей куплетовъ, и вдругъ забылъ ее.

«Милости просимъ, любезный Г. Каттель» сказала пѣвица самымъ обворожительнымъ образомъ. «Отъ всей души благодарю васъ, что исполнили мою просьбу, и навѣстили меня...»

Слова эти сопровождаемы были такимъ взглядомъ, что отъ него можно было за-быть и весь лексиконъ.

«Что это вы принесли намъ, дорогой нашъ поэтъ?» спросилъ Фальбергъ, указывая на свертокъ, который Карлъ держалъ.

— Извините, Г. Фальбергъ, отвѣчалъ вдругъ Каттель съ живостію, которую ему возвратилъ вопросъ старика. Это не *вамъ*, а Фрейлейнъ.....

«Анжеликѣ, сказала пѣвица, видя, что онъ затрудняется, не зная ея имени. Говорите всегда просто *Анжеликѣ*... Это мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе... Вѣдь мы съ вами товариши... Садитесь, пожалуйста, любезный Карлъ....»

«Здорова ли прелестная ваша сестрица?» спросилъ опять Фальбергъ.

«И мать и сестра свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе», отвѣчалъ Карлъ съ видимымъ нетерпѣніемъ и досадою.

«Надѣюсь, что вы меня познакомите съ ними», продолжала опять Анжелика, и восхищенный Карлъ, разумѣется, разшаркался и отвѣчалъ что-то похожее на: *онъ будутъ счастливы*. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, можно было догадаться по фізіономіи Карла, потому что его слова представляли какую-то великолѣпную путаницу, похожую на философскія выходки инаго абсолютнаго журналиста.

«Впрочемъ, вы позволите мнѣ самой навѣстить васъ, продолжала пѣвица. Между артистами это обыкновенный долгъ взаимной учтивости, но для меня это будетъ особенное удовольствіе....»

Карлъ рѣшительно сбился со всевозможнаго толка. Слова его, и даже идеи давно уже исчезли, и онъ напрасно принимался отыскивать ихъ. Только механическіе зигзаги ногами доказывали, что онъ хочетъ выразить свою благодарность. Фальбергъ готовъ былъ разохотаться, глядя на него. Онъ полагалъ, что гостя его насмѣхается надъ бѣднякомъ, и что всѣ ея дружескія слова не что иное, какъ

тонкая мистификація. Чтобы поддержать это расположеніе Анжелики, онъ съ язвительною усмѣшкою прибавилъ:

«О! не думайте, чтобъ Г. Каттель такъ легко принималъ визиты. Мы вотъ живемъ съ нимъ въ одномъ городѣ, а я никакъ не могу добиться до этой чести, чтобъ онъ мнѣ позволилъ навѣстить его....»

Всѣ способности умственныя и физическія мгновенно возвратились къ Карлу отъ словъ Фальберга, и онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

«Я и еще разъ смѣю просить васъ, Г. Фальбергъ, избавить насъ отъ этой чести— для того, чтобъ сохранить ее. Мы люди бѣдные, и у насъ кромѣ чести нѣтъ ничего....»

Эта выходка немножко смутила и Фальберга и пѣвицу; но Анжелика тотчасъ почувствовала, что она одна могла возстановить миръ и согласіе, которыя могли быть нарушены продолженіемъ этого разговора.

«Вы, кажется, несправедливы сами къ себѣ, любезный Г. Каттель, сказала ему Анжелика съ обворожительною улыбкою. И кромѣ чести у васъ есть много богатства. Вы поэтъ и музыкантъ....»

— Этими послѣдними качествами, отвѣчалъ Карлъ, обладаю я ровно въ такой степени, что ее можно назвать совершенною бѣдностію....

«Позвольте съ вами въ этомъ поспорить... Вчерашніе ваши куплеты и пѣніе ихъ доказываютъ противное... Я никогда не забуду того пріятнаго удовольствія, которое вы мнѣ ими доставили....»

Тутъ только вспомнилъ Карлъ, зачѣмъ онъ пришелъ, и что именно хотѣлъ сказать. Онъ спѣшилъ отпустить свою фразу, боясь, чтобъ при взглядѣ на Анжелику не забыть опять всего.

— Если бъ я смѣлъ, въ память вчерашняго вечера и той чести, которую вы намъ сдѣлали... поднести вамъ....»

«Что это? прервала она его фразу, которая уже видимо начинала путаться, и

взяла изъ рукъ свертокъ. «Ахъ! это ваши вчерашніе стихи, и съ музыкою!... И вы сами были такъ любезны, что переписали ее!... Боже мой! Да я не знаю какъ и благодарить васъ. Вы угадали мои желанія, и предупредили мою просьбу.. Много и премного благодарна вамъ, добрый мой, любезный Г. Каттель...»

Она встала, дружески протянула ему руку, и тотъ, разумѣется, съ восторгомъ поцѣловалъ ее.

«Какая счастливая мысль! сказалъ Фальбергъ, стараясь опять вмѣшаться въ разговоръ. Жаль только, что вы не взяли веленовой бумаги для переписки... да и переплестъ бы надо въ сафьянъ...»

«О! нѣтъ, любезный Г. Фальбергъ! Всякое богатое украшеніе подобнаго подарка лишило бы его внутренняго достоинства и сердечной искренности, а это для меня всего дороже... Повѣрьте, любезнѣйшій Карлъ, что я сохранию вашъ подарокъ во всю жизнь...»

Карлъ опять совершенно растерялся, разшаркался, и полагая, что цѣль его посѣщенія достигнута, онъ при дѣлаемыхъ теперь поклонахъ болѣе и болѣе отступалъ къ двери, бормоча какую-то несвязную благодарность. Уже онъ дошелъ до двери и робко оглядывался, какъ бы ускользнуть въ нее; уже отвѣсивъ послѣдній свой поклонъ, схватился онъ за ручку замка, какъ вдругъ Анжелика, только въ это мгновеніе догадавшаяся, что Карлъ намѣренъ уйти, быстро ухватила его за другую руку.

«Куда вы это, любезный Г. Каттель? спросила она его съ живостію. Это ужъ не по-дружески. Нѣтъ! я васъ не пушу, и если вы меня разсердите, то на цѣлый день оставляю васъ здѣсь... Помилуйте! Да это величайшее оскорбленіе! Бѣжать отъ женщины!... Неужли я такъ страшна?...»

Фальбергъ расхохотался, и только это обстоятельство спасло Карла отъ совершеннаго, безотвѣтнаго замѣшательства.

Но въ этотъ день видно уже суждено было Фальбергу производить дѣйствія, совершенно противоположныя тѣмъ, какія онъ ожидалъ. Онъ полагалъ, что его смѣхъ довершитъ разстройство молодого человѣка, а тотъ, напротивъ, пришелъ отъ него въ себя, и отвѣчалъ Анжеликѣ:

— Бѣгству моему могъ бы я дать и другое истолкованіе, но боюсь заслужить насмѣшки Г-на Фальберга... Его такъ забавляетъ моя неопытность... и чтобъ не лишиться его этого удовольствія, а еще болѣе, чтобъ исполнить ваше приказаніе, я радъ остаться у ногъ вашихъ, не только на этотъ день, но и на всю жизнь...»

«Браво! вскричала Анжелика. Вотъ этикіе чувства я люблю внушать, и признаюсь, въ первый разъ еще горжусь своею побѣдою.. И такъ, вы мой, любезный Г. Каттель... (при этомъ она ему протянула руку.) Очень рада... Такъ и надо поступать съ товарищами... Прошу же безъ церемоній... Садитесь... Сейчасъ мы будемъ завтракать, а послѣ вы меня поведете по городу, покажете всѣ здѣшнія рѣдкости... Мой добрый хозяинъ слишкомъ занятъ своими дѣлами, и я не хочу его отвлекать отъ нихъ...»

«Извините, любезнѣйшая Анжелика... Когда вы удостоили остановиться въ моемъ домѣ, то для меня не можетъ уже быть занятія пріятнѣе того, чтобъ безпрестанно служить вамъ и угождать... Вы, конечно, имѣете полное право выбирать себѣ проводника и чичероне, но, признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось уступить другому этой пріятной обязанности.»

«Такъ пойдемте втроемъ... Я и сама буду рада, очень рада... Вы меня приняли съ такою дружбою и снисходительностію, что имѣете полное право распоряжаться каждымъ моимъ шагомъ.. И я, и Г. Каттель— оба выиграемъ отъ такого пріятнаго общества...»

«Но вѣдь мы, разумѣется, поѣдемъ, а не пойдемъ,» сказала Фальбергъ.

«Ахъ, ради Бога, позвольте хоть не-

множко походить, добрый мой Г. Фальбергъ. Вспомните только, что я цѣлую недѣлю была въ дорогѣ, и пробуду еще столько же... Каково же должно быть мое отвращеніе отъ бѣды!...»

«Я ужъ вамъ сказалъ, что мнѣ пріятнѣе всего вамъ покровиться...»

Тутъ разговоръ ихъ кончился появленіемъ завтрака. Карлъ, скрѣпя сердце, остался, и самъ себѣ не умѣлъ дать отчета: доволенъ ли онъ этимъ, или нѣтъ. Анжелика, каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ приводила его въ восторгъ, а взглянувъ на сатира-Фальберга, ему такъ и хотѣлось поругаться съ нимъ.

Во время завтрака Анжелика успѣла однако сдѣлать Карла самымъ разговорчивымъ и даже веселымъ человѣкомъ. Онъ ей долженъ былъ рассказать исторію всей своей молодости. И не смотря на всю горечь этого разказа, Анжелика умѣла взглядами и любезностію усладить всю непріятность печальныхъ воспоминаній.

Отецъ Карла былъ капитанъ Австрійской службы, дослужившійся до этого чина изъ простаго званія. Честность и храбрость были его единственною протекціею, которая не всегда и не всѣми принимается и понимается. Оттого-то онъ, проведя всю жизнь въ полѣ, кончилъ тѣмъ, что, не въ состояніи будучи долѣе служить, поселился въ небольшомъ пограничномъ городѣ, и занялся воспитаніемъ своихъ дѣтей, Матильды и Карла. Все, что онъ могъ накопить во всю свою тридцатипяти-лѣтнюю службу, употребилъ онъ на покупку дома въ предмѣстіи; небольшой пенсіонъ за крестъ, полученный имъ на полѣ битвы, служилъ ему для пропитанія своего семейства, а воспитаніе дѣтей своихъ онъ не ввѣрилъ никому, а занялся имъ самъ. Будучи хорошимъ музыкантомъ, онъ передалъ имъ эти познанія для того, чтобъ со временемъ они могли кормиться этимъ; прочія же науки сообщилъ онъ въ видѣ утѣшенія въ будущей бѣдности. Печально уми-

ралъ онъ, предвидя жалкую судьбу своего семейства, но онъ внушилъ тоже дѣтямъ своимъ строгія правила Вѣры, и зналъ, что это чувство утѣшитъ ихъ во всякомъ положеніи. Онъ не оставилъ своему семейству ничего, кромѣ бѣднаго домика и честнаго имени. Уже два года прошло, какъ онъ умеръ, и сынъ съ дочерью питались трудами рукъ своихъ. Къ счастью Карла, въ этомъ городѣ былъ музыкантъ Либрехтъ, который страстно любилъ сочинять музыку, и отправлялъ ее потомъ въ разные города Германіи. По-знакомясь еще съ отцемъ Карла, Либрехтъ, послѣ смерти старика, началъ давать сыну его свои ноты для переписки, и платилъ ему за это. Матильда, съ своей стороны, выучилась отъ матери рукодѣльямъ, и шла все возможное для провинціальнаго щеголиха. Конечно, всего этого было часто очень недостаточно для домашнихъ расходовъ, но все семейство было съ малолѣтства приучено къ умѣренной жизни, и потому довольствовались всѣмъ. Мы уже видѣли, что наканунѣ у нихъ не было даже свѣчки, и что два съ половиною гульдена, данные Либрехтомъ, были ихъ единственнымъ достояніемъ.

Все это въ нѣсколькихъ словахъ разказалъ Карлъ по приказанію Анжелики, и разказъ его произвелъ совершенно два различныя впечатлѣнія. Фальбергъ готовъ былъ расхохотаться при описаніи этой бѣдности и гордости, которыя всегда такъ худо согласуются между собою, а Анжелика была тронута почти до слезъ откровенностію и возвышенными чувствами молодого человѣка. Въ знакъ благодарности, она дружески пожала ему руку, и это было для Карла самою лестною наградою.

Послѣ завтрака отправились всѣ трое пѣшкомъ по городу, и Анжелика, не говоря ни слова о тайной цѣли своей прогулки, умѣла такъ искусно заставить себя водить, что черезъ часъ они очутились передъ домомъ Карла.

«Вотъ мило! вскричала тогда Анжелика, да это вашъ домъ, любезный Карлъ! я его очень хорошо помню... Прекрасно!... Вы и не приглашаете насъ къ себѣ... Нечего дѣлать! мы сами сдѣлаемъ непріятельское нашествіе...»

«Я не почиталъ бѣдный домъ мой достойнымъ такой чести,» пробормоталъ Карлъ, и бросился впередъ, чтобъ предупредить мать и сестру. Но тѣ давно уже видѣли приближавшуюся группу, и встрѣтили ее у входа.

Анжелика, не выжидая рекомендацій со стороны Карла, спѣшила познакомиться со старухою и съ Матильдою, вмѣстѣ съ ними вошла въ комнату, и такъ искусно умѣла обойтись съ ними, что черезъ нѣсколько минутъ всѣ ее почитали давнишнею знакомою. Фальбергъ и Карлъ молчали оба. Первый былъ въ совершенномъ восторгѣ. Самымъ неожиданнымъ образомъ удалось ему проникнуть въ жилище Матильды, и глаза его пожирали бѣдную дѣвушку, которая поминутно красѣла, встрѣчаясь съ его взглядами. А Карлъ, забывъ въ эту минуту и сестру свою, и Фальберга, слѣдилъ взорами за каждымъ движеніемъ Анжелики, которая съ своей стороны умѣла польстить самолюбію старухи, спрашивая ее о жизни и подвигахъ покойнаго ея мужа.

Пробывъ тутъ около получаса, Анжелика отправилась опять съ своими кавалерами гулять, взявъ слово съ Матильды и ея матери, что онѣ прійдутъ къ ней обѣдать.

Можно вообразить себѣ въ какихъ хлопотахъ были онѣ обѣ по уходѣ гостей. Онѣ сами не понимали какимъ образомъ могли рѣшиться дать Анжеликѣ слово; но надобно было исполнить его, и *нарядиться*. Только женщины знаютъ, сколько ужаса и прелестей заключаютъ въ себѣ *наряды*. Это величайшее ихъ удовольствіе, высочайшее наслажденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предметъ сильнѣйшаго, тайнаго ужаса. Особенно тѣ, которымъ

бѣдность не позволяетъ имѣть пышнаго туалета, принуждены истощать всѣ силы человеческой изобрѣтательности, чтобъ изъ *ничего* сдѣлать *много*. И Матильда была въ этомъ положеніи. У ней было только одно экстренное платье, которое она надѣвала каждое воскресенье, чтобъ идти въ церковь, и его-то надобно было украсить и возвысить до такой степени, чтобъ не стыдно было сидѣть за обѣдомъ у Фальберга. Опытность матери со всѣмъ усердіемъ помогала ей въ этой критической работѣ, поминутно прерываемой обоюдными вздохами. Причина этихъ вздоховъ была двоякая. Съ одной стороны видимый недостатокъ во всѣхъ матеріалахъ къ наряду, а во-вторыхъ, обѣ съ нѣкоторымъ страхомъ думали о будущихъ преслѣдованіяхъ Фальберга, который будетъ уже имѣть нѣкоторое право на ихъ знакомство. Но жребій былъ брошенъ, слово дано, наряды приведены къ окончанію, и онѣ отправились къ роковому обѣду.

Въ это время Анжелика давно уже воротилась домой, и, какъ истинная пѣвица, спѣшила заняться сольфеджами. При этомъ оставался одинъ Карлъ, а Фальбергъ былъ отпущенъ. Еще въ первый разъ въ жизни присутствовалъ Карлъ при вокальномъ ученіи. И онъ и Матильда учились, правда, пѣть по скринкѣ отца, но кромѣ гладкаго пѣнія, онъ не имѣлъ понятія ни о какомъ другомъ. Съ изумленіемъ слѣдовалъ онъ за искусными пассажирами Анжелики, и впервые чувствовалъ всю прелесть этихъ музыкальных игрушекъ. Анжелика заставила потомъ и Карла спѣть что нибудь, и была очень довольна его голосомъ, а особливо основательными его познаніями въ музыкѣ.

«Что же вы дѣлаете въ здѣшнемъ городѣ?» спросила она его. Къ чему служить вамъ всѣ эти музыкальныя способности и познанія?»

— Чтобъ жить, отвѣчала со вздохомъ и полною откровенностію Карлъ.

«Скажите лучше, чтобъ прозябать. Что это за жизнь? Вамъ нуженъ обширный кругъ дѣйствія, знакомства, богатство.... Для этого не надо сидѣть сложа руки, а заниматься, работать, достигать извѣстности, славы.»

— «Гдѣ? Какъ?... Развѣ я могу сдѣлать хоть одинъ шагъ.... У меня мать, сестра, я обязанъ кормить ихъ.... Что будетъ съ ними, если я пойду куда нибудь? Да что будетъ и со мною?... Безъ средствъ, безъ рекомендацій, кто возьметъ меня? Кто обратитъ на меня малѣйшее вниманіе?...»

«Кто не ищетъ, тотъ ничего и не находитъ... Хотите ли, напримѣръ, поручить мнѣ ваши дѣла? Хотите ли жить въ Вѣнѣ? Хотите ли опредѣлиться къ тамошнему театру? Я ручаюсь вамъ, впрочемъ, только за первый шагъ, все остальное должны сдѣлать вы сами своимъ трудолюбіемъ и дарованіемъ....»

«Вы будете моею благодѣтельницею на всю жизнь.... и я не знаю чѣмъ могъ заслужить подобныя милости?...»

«У! какія пышныя фразы! Какъ во всемъ этомъ видна ваша неопытность! Вы воображаете себѣ, что я тутъ дѣйствую по какимъ-то высокимъ чувствамъ великодушія.... Совсѣмъ нѣтъ! Это просто расчетъ. Во-первыхъ, я приобретаю своему театру полезнаго персонажа, и когда вы сдѣлаетесь знаменитымъ артистомъ, то всѣ будутъ говорить, что это я открыла этотъ брилліантъ въ глуши провинціи, и большая часть вашей славы падетъ на меня. Во-вторыхъ, я сама для себя приобретаю вѣрнаго и честнаго друга.... а это между нами ужасная рѣдкость. Въ кругу артистовъ—нѣтъ истинныхъ друзей. Всѣ другъ друга въ глаза хвалятъ, а за глаза готовы растерзать. Слава и успѣхъ одного не даютъ спать другому. Вотъ и я, которая немощными усиліями достигла до званія *примадонны* и даже до Европейской извѣстности, окружена со всѣхъ сторонъ завистниками и врагами. Я не могу ни съ

кѣмъ говорить дружески и откровенно. Что бы со мною ни случилось, я должна молчать и терпѣть, потому что никто не раздѣлитъ моихъ чувствъ.... Теперь же, если мнѣ удастся ввести васъ въ этотъ кругъ, то ваше благородство и благодарность ручаются мнѣ, что вы не присоединитесь къ моимъ врагамъ, а всегда останетесь моимъ искреннимъ другомъ.... Не правда ли?...»

«Вѣчнымъ, вѣрнымъ, преданнымъ» вскричалъ Карлъ съ восторгомъ, и схватя ея руку, осыпалъ ее самыми страстными поцѣлуями.

«Ну, хорошо, хорошо! Помните же это, и не измѣняйте мнѣ.... Теперь скажите мнѣ, къ какому роду музыкальныхъ занятій чувствуете вы въ себѣ наиболѣе расположенія? Хотите ли быть актеромъ *примо-теноре*, намѣрены ли вы засѣсть въ оркестръ, или наконецъ хотите быть композиторомъ музыки?»

«Я самъ не знаю, добрая моя, несравненная Анжелика... Только, признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось вступить на сцену.... Отецъ мой былъ....» Онъ не кончилъ фразы. Ему было совѣстно выказывать свою гордость предъ тою, которая такъ великодушно бралась за его участь.

«Понимаю, сказала съ улыбкою Анжелика. Отецъ вашъ вѣрно нитальнѣкоторыя предубѣжденія противу нашего званія... Ну, хорошо! Мы найдемъ вамъ мѣсто и не на доскахъ театральныхъ. Хорошій ли вы *рипианистъ*?»

«Я могу играть *à livre ouvert*.»

«Да это сушій кладъ.... Ну, а въ сочиненіи музыки занимались ли вы когда? Знаете ли контрапунктъ?...»

«Только недавно постигъ эту великую тайну у добраго нашего Либрехта.»

«Тѣмъ лучше если недавно.... слѣдственно у васъ не можетъ быть застарѣлыхъ идей... Вы тотчасъ же сообразитесь съ новѣйшимъ вкусомъ и требованіями. И такъ, рѣшено! Вы будете *примо violino* нашего театра, и сверхъ того од-

нимъ изъ помощниковъ нашего капельмейстера... Только куда я все это сдѣлаю, вы должны здѣсь заняться, какъ можно усерднѣе, контрапунктомъ, и выучиться на фортепіанѣ....»

«Ахъ, Боже мой! Да гдѣ же мнѣ взять инструментъ и учителя?»

«Я и это улажу.... Кто здѣсь въ городѣ учитъ на фортепіанѣ?»

«Одинъ Либрехтъ....»

«Тѣмъ лучше.... Вы ужъ съ нимъ знакомы.... но помните, что вамъ не нужно учиться всѣмъ трудностямъ механизма, а только акомпанименту и шифрованному басу....»

«Понимаю... но какъ же?...»

Тутъ разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ Матильды и матери ея. За ними явился и Фальбергъ. Онъ былъ въ неопisanномъ восторгѣ. Матильда была у него въ домѣ, и онъ въ умѣ своемъ быстро расчитывалъ всѣ послѣдствія, какія могутъ произойти отъ этого событія для его любви. Даже при *тахиит* неудачи, онъ зналъ, что злые провинціальныя языки будутъ вѣрить и утверждать, что все это сдѣлалось по согласію Матильды на его любовь. А это ужъ былъ важнѣйшій шагъ къ успѣху.

Разумѣется, что Матильда и мать пришли слишкомъ рано къ обѣду, и надобно было ихъ чѣмъ нибудь занять. Анжелика вздумала испытать музыкальныя способности Матильды, и заставила ее пѣть. Та повиновалась съ нѣкоторою робостію, и Анжелика тотчасъ увидѣла, что сестра Карла обладаетъ самымъ прекраснымъ голосомъ.

«Я бы совѣтовала и сестрѣ вашей, любезный Карлъ, сказала ему Анжелика, заняться обработкою своего прелестнаго голоса; но зная ваше предубѣжденіе противъ театра, это занятіе не повело-бы ей ни къ чему....»

Сестра и мать взглянули на Карла, который не зналъ, что отвѣчать. Къ счастью, Фальбергъ вмѣшался въ разговоръ,

праздносясь въ похвалахъ голосу и красотѣ Матильды, увѣряя, что она могла бы сдѣлаться знаменитою примадонною, если бѣ рѣшилась посвятить себя театру.

«Ну, это не такъ легко, какъ вы думаете,» съ улыбкою сказала Анжелика, и Фальбергъ, тотчасъ же почувствовалъ, что онъ коснулся той струны, которая всегда неприятно звучитъ въ ухахъ пѣвицы. Онъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ, и спросилъ у Анжелики, не угодно ли будетъ ей пригласить сегодня еще кого нибудь къ обѣду.

«Если позволите, любезнѣйшій Г. Фальбергъ, отвѣчала она, то пожалуйста пошлите за Либрехтомъ.... Я ему такъ обязана за вчерашній сюрпризъ, что желала бы лично съ нимъ познакомиться.»

Фальбергъ тотчасъ же послалъ человека къ Либрехту. Въ ожиданіи его прихода, Анжелика сѣла за фортепіану и фантазировала что-то безъ цѣли и намѣренія, продолжая между тѣмъ разговаривать.

«А, у васъ прекрасный инструментъ, Г. Фальбергъ! сказала она.... Что вы за него заплатили?...»

«Не помню.... Кажется, пятьсотъ гульденовъ....»

«Это не дорого.... У меня въ Вѣнѣ есть тоже очень хорошій инструментъ, но вашъ лучше.... Продайте мнѣ ваши фортепіаны....»

«Такимъ гостямъ, какъ вы я не продаю ничего, а если вы во всемъ моемъ домѣ найдете что нибудь себѣ по вкусу, то я бы очень счастливъ былъ, если бѣ вы удостоили принять эту вещь на память вашего здѣсь пребыванія.»

«Это ужъ слишкомъ, любезный Г. Фальбергъ!... Я вамъ такъ обязана за вашъ лестный пріемъ, и только одна надежда меня утѣшаетъ, что въ первый разъ, когда пріѣдете вы въ Вѣну, вы у меня останетесь, и мы съ вами на этотъ счетъ сквитаемся.... Но, принять еще въ подарокъ какую нибудь вещь....»

«Ужъ вѣрно, вещь въ пятьсотъ гуль-

деневъ не стоитъ того, чтобъ и говорить о ней... Я бы желалъ, чтобъ вы приняли что нибудь по-лучше....»

«Подарите мнѣ вашу дружбу, и это будетъ всего драгоценнѣе....»

Кто бы устоялъ противъ такихъ словъ! Фальбергъ въ восторгъ бросился цѣловать руки Анжелики, а та въ это время очень ласково поглядывала на Карла.

Явился Либрехтъ. Лице его сіяло отъ удовольствія. Въ первый разъ онъ удостоивался чести *объѣдать* у Фальберга. Онъ, правда, удивился немножко, увидѣвъ тутъ же и семейство Каттеля, но вспомя про куплеты, онъ догадался, что вѣрно за поднесеніе ихъ Карлъ удостоился приглашенія. Прибытіе Либрехта оживило всеобщій разговоръ, въ которомъ Анжелика успѣла проэкзаменовать его въ музыкальныхъ свѣдѣніяхъ, и осталась имъ чрезвычайно довольною.

Доложили о пріѣздѣ Оберъ-Полицей-Коммиссара, и это прервало музыкальный разговоръ. Будучи первымъ правительственнымъ лицомъ въ этомъ городѣ, Г. Кугель, хотѣлъ поближе познакомиться съ пробѣжею пѣвицею. Уже наканунѣ заговаривалъ онъ съ нею нѣсколько разъ на балѣ, но она всякій разъ отдѣлывалась отъ него учтивою холодностію. Это очень подстрекнуло его самолюбіе. Пѣвица, и Оберъ-Полицей-Коммиссаръ! Кажется, она бы должна была почитать за особенную честь! Впрочемъ, такъ какъ она была *хорошенькая*, то это качество нѣсколько уравнивало обоюдныя права уваженіе. Такъ думалъ Г. Кугель, по уву! Анжелика была вовсе другаго мнѣнія.

Г. Кугель вошелъ въ залу самымъ блестящимъ образомъ. Огромная его сабля стучала очень звонко по паркету Фальберга; длинные усы, свидѣтельствовавшіе о его прежнихъ военныхъ подвигахъ, болтались очень живописно; вытянутая шея придавала ему самый величественный видъ; багровыя щеки и носъ того

же цвѣта доказывали, что онъ также усердствовалъ Вакху, какъ и Марсу, а огонь сверкающихъ его глазъ обнаруживалъ тайное желаніе поправиться пробѣжей Венерѣ. Съ дружескимъ и величавымъ видомъ подошелъ онъ къ ней, и поцѣловавъ ея руку, которую самъ схватилъ, объявилъ ей, что пришелъ покороче познакомиться съ нею. Каково же было его удивленіе, когда она съ любезною холодностію отвѣчала ему, что въ короткое время своего пребыванія въ этомъ городѣ, она не можетъ воспользоваться ни чьимъ знакомствомъ, но что если Г. Оберъ-Полицей-Коммиссару угодно будетъ пріѣхать къ ней въ Вѣну, то она очень будетъ рада принять его.

«Гдѣ мнѣ васъ тамъ отыскивать! сказала Кугель. Столица такъ велика, а мы съ вами въ ней такъ малы, что никогда не встрѣтимся.»

«О, нѣтъ! Это напротивъ очень легко. У меня всѣ дни недѣли распредѣлены. Разумѣется, мой вечеръ начинается послѣ спектакля. По Воскресеньямъ я бываю всегда у Императрицы, которая даетъ въ этотъ день музыкальные вечера. По Понедѣльникамъ, у Князя Эстергази; по Вторникамъ у Русскаго Посла; въ Среду собираются всѣ у меня; въ Четвертокъ, вечера у Французскаго Посланника, въ Пятницу у Барона Тугута....»

«Нѣтъ ужъ извините!» вскричалъ опять Кугель. «Я не знакомъ съ такою знатію, да и въ Вѣнѣ мнѣ нечего дѣлать. Мнѣ здѣсь хорошо. — Кто-то изъ Греческихъ Philosophовъ сказалъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ.... (увы! Кугель видно худо зналъ Исторію) — и я держусь этого правила. Здѣсь я имѣю честь быть первымъ лицомъ, — и всякій пробѣжій по неволѣ долженъ со мною познакомиться.. А тамъ, въ Вѣнѣ,—слуга покорный! никто на меня и не взглянетъ.»

«Повѣрьте, что истинное достоинство уважается вездѣ....» — Анжелика не кон-

чила своей рѣчи, потому что Кугель, уставшій отъ длинной своей тирады, повернулся и очень спокойно сѣлъ на диванъ. Эта дружеская вольность чрезвычайно удивила Анжелику. Она замолчала и обратилась къ Либрехту съ какимъ-то незначущимъ вопросомъ.... Но увы! тотъ не могъ отвѣчать ей, потому что Кугель, увидѣвъ его, хотѣлъ дать почувствовать Анжеликѣ все свое значеніе, и въ то же самое время спросилъ Либрехта, здоровъ ли онъ и что подѣлываетъ. — Тотъ, разумѣется, долженъ былъ отвѣчать правительственному лицу.

Оставшись безъ отвѣта, Анжелика вспыхнула, но не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія, подошла къ Матильдѣ, и весело сказала ей:

«Ахъ, милая Матильда! Я вамъ еще и не показала послѣдней моды шляпку. Посмотрите, пожалуйста....» Съ этимъ словомъ она схватила ее подъ руку, и сдѣлавъ знакъ головою матери, пошла въ свою комнату.

Между оставшимися долго царствовало молчаніе. Всѣмъ было какъ-то неловко. Кугель пыхтѣлъ, ожидая привѣтствій хозяина, но тотъ понималъ чувства Анжелики, и придумывалъ средство, какъ бы сбить съ рукъ правительственное лицо. Наконецъ самъ Кугель началъ разговоръ.

«Ваша пѣвица, любезный Фальбергъ, кажется немножко держитъ носъ высоко. Хоть она и хорошенькая, но комедіантъ это нейдетъ.»

— Я ее видалъ въ Вѣнѣ въ высшемъ обществѣ, — и всѣ обходились съ нею съ величайшимъ уваженіемъ.... Даже, однажды, Князь Эстергази посадилъ ее въ карету....

«Ну, это еще не удивительно.... Она очень мила собою.... Мужчинѣ всякая шалость простибельна.... я самъ, пожалуй, готовъ сажать ее въ карету....»

Въ эту минуту горничная вошла въ залу, и сказала, что мамзель Анжелика проситъ къ себѣ Г. Либрехта. Кугель

хотѣлъ было опять повторить свою дивиную штуку, и тоже въ это самое время сказалъ ему: «Постойте-ка, любезный Либрехтъ... Я что-то хотѣлъ вамъ сказать....» — Но на этотъ разъ продѣлка не удалась. Либрехтъ очень низко поклонился Кугелю, и сказавъ ему, что тотчасъ же явится къ нему обратно, ушелъ въ слѣдъ за горничною.

Оставалось Кугелю разговаривать съ хозяиномъ, въ ожиданіи, что онъ его изъ учтивости пригласитъ обѣдать, а за обѣдомъ, думалъ онъ, легко уже будетъ помириться съ пѣвицею... Но Фальбергъ очень уклончиво отвѣчалъ на всѣ вопросы Оберъ-Полицій-Коммиссара, а объ обѣдѣ ни слова. — Карлъ въ это время стоялъ самымъ страдательнымъ образомъ у окна, и смотрѣлъ на черепицы противоположащаго дома. Вдругъ горничная снова явилась, и позвала его къ Анжеликѣ. Онъ съ восторгомъ бросился на призывъ.

«Это что за молодой человѣкъ?» спросилъ Кугель, указывая вслѣдъ за ушедшимъ Карломъ.

— Здѣшній житель, Карлъ Каттель....

«Я что-то не помню.... Какого званія?»

— Отецъ его былъ капитанъ и кавалеръ.. два года какъ умеръ... а сынъ, кажется, въ большой бѣдности, и занимается музыкою....

«Музыкою! сынъ капитана! хорошъ гусь! шелъ бы служить подъ лямку, а не гудошничалъ бы.... Записать его въ памятную книжку.... Терпѣть не могу тунеядцевъ въ городѣ....»

— Онъ трудами своими содержитъ мать и сестру, которыхъ вы видѣли....

«А! молоденькая, очень не дурная собою.... Да это не резонъ.. Женщины вездѣ себѣ найдутъ хлѣбъ, а мужчины должны служить Государю и отечеству.»

Вынувъ грозную свою записную книжку, онъ повторилъ Фальбергу свои вопросы о Карлѣ, и полученные свѣдѣнія внесъ въ книгу *судебъ*,

Въ это время пришла еще разъ горничная Анжелики, и громко сказала Фальбергу, что госпожа ея просить его зайти къ ней, какъ скоро онъ будетъ свободенъ.

«Да это просто насмѣшка, вскричалъ Кугель! Она, кажется, меня выживааетъ отсюда. Вотъ мило! Провзжая комедіантка важничаетъ передъ Оберъ-Полицій-Коммиссаромъ.... Да это и досадно и смѣшно!

— О, нѣтъ, Г. фонъ Кугель! Она вовсе не намѣрена.... какъ вы можете думать!..

«Чего тутъ думать! Просто шалить, да и только... Вы ее вчера приняли какъ Принцессу, а ужъ она и вообразила себѣ, что мы всѣ здѣсь ея подданные. Нѣтъ, душенька! Оберъ-Полицій-Коммиссаръ Кугель не такъ-то легко тебѣ поддастся.... А это вы во всемъ виноваты, Г. Фальбергъ! Что за важная вещь — комедіантка! А вы ее приняли, какъ Графиню, какъ Герцогиню....»

— Это былъ мой долгъ.... Кромѣ того, что я самъ видѣлъ въ Вѣнѣ, — и о чемъ я ужъ имѣлъ честь говорить вамъ, она, сверхъ того, привезла мнѣ отъ придворнаго банкира Ширгольца письмо.... и если вамъ угодно будетъ прочесть его....»

При этомъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и подалъ Кугелю. Тотъ взялъ и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ началъ читать вслухъ.

«Любезный Фальбергъ!

«Знаменитая наша примадонна М.—отправляется въ Миланъ на нѣсколько недѣль. Она поѣдетъ черезъ вашъ городъ, и предъявитъ вамъ мой вексель. Я нарочно придумалъ это средство, чтобъ доставить вамъ честь и удовольствіе.... (Кугель съ ироніей повторилъ еще разъ слово *честь!*) видѣть этотъ феноменъ въ вашемъ домѣ. Разумѣется, мнѣ не нужно говорить вамъ о блистательномъ примѣ и всевозможныхъ угожденіяхъ... Вы

знаете, что весь Дворъ ее на рукахъ носитъ, а высшее общество искренно ее уважаетъ. При томъ же я слышалъ, что въ Миланѣ встрѣтятъ ее самымъ торжественнымъ и блистательнымъ образомъ.— Сама Императрица, говорятъ, писала объ этомъ къ Эрцъ-Герцогу. Такъ ужъ вы придумайте все, что только можно для ея удовольствія. Объ издержкахъ не заботьтесь, — и пришлите мнѣ счетъ, только удивите ее и обворожите. Она, право, этого стоитъ.—По отъѣздѣ ея увѣдомьте меня обо всемъ, что у васъ было, мнѣ это нужно для донесенія Императрицѣ. Имѣю честь, и проч., Ширголецъ.»

Прочтя это письмо, Кугель всталъ съ дивана, и закручивая свои усы, съ видимою нерѣшимостію подалъ его обратно хозяину.

«Да!... оно, конечно, проворчалъ онъ.... Вы совершенно правы... Но зачѣмъ же эти господа не пишутъ объ этихъ вещахъ къ правительственнымъ лицамъ? Это было бы *мое* дѣло встрѣтить и угостить Г-жу М....»

«—Какъ можно, почтеннѣйшей Г. фонъ Кугель! Это дѣло вовсе до Правительства не касается, и васъ нельзя было въ это вмѣшивать.... Я даже не долженъ бы былъ показывать вамъ и письма... но вы меня принудили... Я долженъ былъ оправдаться....»

«Да, да! Вы совершенно правы!... Но чертъ возьми! Какъ же я оправдаюсь передъ этою дамою!... Въдь если ей вздумается насказать кому нибудь на меня въ столицѣ, такъ, пожалуй, такъ и съ мѣста спихнуть. Пожалуйста, любезнѣйшій Г. Фальбергъ, поговорите ей... А я уже ввечеру, явлюсь къ ней съ извиненіями.... Ну, а въ васъ я ужъ увѣренъ... Вы вѣрно не напишете къ своему Ширгольцу о моемъ недоразумѣніи...»

«Помилуйте, да я ничего особеннаго тутъ и не вижу.... Вѣрно вы и теперь ошибаетесь на счетъ нашей примадонны... Впрочемъ, я скажу ей... она очень

любезная женщина... и если бъ вы съ перваго шага были немножко поуклончивѣе... Вы вѣдь знаете женщинъ... ну, да она, вѣрно, безъ малѣйшихъ претензій....»

Теперь уже Кугель, не ожидая приглашенія къ обѣду, началъ прощаться съ хозяиномъ, и тотъ повторилъ ему, что ждетъ его ввечеру. (Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЛАНДЖИНИ.

(Статья Арсена Госсе (Haussaye).

Недавно скончался тихо, забытый и оставленный всѣми, музыкантъ, обладавшій весьма пріятнымъ дарованіемъ, музыкантъ, который имѣлъ свои торжества, который провелъ свою молодость съ королями и королевами, при Дворѣ Французскомъ и при Германскихъ Дворахъ, который былъ, по крайней мѣрѣ, три недѣли любимцемъ прелестнѣйшей изъ Принцессъ, — Принцессы Полны! И притомъ это былъ человекъ умный, простодушный, какъ дитя, восторженный, какъ Италіанецъ, любившій музыку до безумія, любившій живопись, и не понимавшій ее ни сколько, любившій женщинъ тою учтивою, тою почтительною любовію, которую воспѣвалъ Бенсерадъ. Музыкантъ этотъ — Феликсъ Бланджини.

Бланджини родился въ Туринѣ, въ 1781 году. Отецъ его былъ адвокатъ, но не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ какихъ-то документовъ, подтверждавшихъ права его на помѣстье Торичелла. Бланджини отказался отъ этого наслѣдства; онъ сжегъ документы, и, не гоняясь за Италіанскими замками, которые были очень похожи на воздушные, занялся изученіемъ музыки. Онъ поступилъ умно: музыкальныя занятія его были не безплодны. Мать

Бланджини, происходившая отъ благородной Генуэзской фамиліи, находилась при Савойской Принцессѣ Фелиціи (Félicité). Она чрезвычайно радушно принимала Французскихъ изгнанниковъ 1792 года. «Этимъ гостепріимствомъ, говаривалъ Бланджини, она достойно отворила намъ врата Франціи.» Въ числѣ изгнанныхъ, прибѣгавшихъ къ человеколюбію Г-жи Бланджини, должно упомянуть о Г-жѣ де Сентъ-С... Во время изгнанія, она вышла въ Туринѣ замужъ за Г. де Тро... Эти молодые супруги, не переживъ еще своего медоваго мѣсяца, пожелали возвратиться во Францію. Г-жа Бланджини, какъ ни бѣдна была она, нашла возможнымъ удѣлить имъ сто лудировъ на ихъ опасное путешествіе. Они отправились — мужъ сухимъ путемъ, а жена моремъ; отправились съ твердой рѣшимостью преодолѣть всѣ препятствія для того, чтобы увидѣть, въ упоеніи любви, отчизну свою. Они прибыли въ Парижъ во время величайшихъ революціонныхъ смуть, и увидались, но вскорѣ, страшась смерти, или, лучше сказать, гильотины, опять разстались. Г-жа де Тро... переодѣлась въ платье дѣвушки простаго званія, и опредѣлилась къ какой-то швеѣ; Г. де Тро... отпра-

вился, Богъ знаетъ куда. Бѣдная Г-жа де Тро... скоро пожалѣла, однако жъ, что разлучилась съ мужемъ. Швея, у которой находилась она, любила читать газеты. Разъ, она вдругъ узнаетъ отъ этой швеи, что Г. де Тро... приговоренъ революціоннымъ трибуналомъ къ смертной казни. Герония наша является къ Фукь-Тенвилю. «Мужъ мой, говоритъ она, долженъ умереть завтра: я желаю умереть вмѣстѣ съ нимъ.»—«Вотъ истинно благородный поступокъ, отвѣчаетъ Фукь. Гражданка, поди, обрѣжь свои волосы: мы даруемъ тебѣ смерть; ты достойна ея.» Г-жа де Тро... была допущена къ своему мужу; они вмѣстѣ провели послѣдніе часы свои. Имъ дозволили отправиться на казнь на одной и той же телѣгѣ. Они умерли, не произнеся ни одной жалобы.

Бланджини дебютировалъ на музыкальномъ поприщѣ подобно Гретри, котораго былъ онъ всегда эхомъ прелестнымъ, но слабымъ. Будучи семи лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ число пѣвчихъ Туринскаго Собора. Его начали учить по-Латини и музыкѣ. На что же, скажите, Латинскій языкъ тому, кто можетъ говорить на всемірномъ языкѣ музыки? Какъ бы то ни было, но аббатъ Оттани знакомилъ его съ гаммами, и Бланджини учился съ такимъ жаромъ, что, на тринадцатомъ году, написалъ *Kyrie*, которое было исполнено въ церкви Св. Троицы, и одобрено, какъ произведеніе простое, невчурное.

Съ того-то времени любилъ онъ страстно скрипку, которая, до самой смерти его, была его вѣрною, милою подругою.

— Посмотрите, говаривалъ онъ мнѣ, съ жаромъ, посмотрите: здѣсь-то, въ этой скрипкѣ погребены всѣ мои надежды, всѣ мои страсти; въ ней схоронены существа, которыя могу я воззвать къ жизни, когда вздумаю; въ ней схоронена вся жизнь моя, и теперь жизнь моя ни что иное, какъ воспоминаніе. Если бъ я

только пожелалъ, обожаемый образъ Полины явился бы снова предо мною, при первомъ ударѣ смычка...

— Такъ, ради Бога, сказала я, дайте волю этому смычку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ: я играю на скрипкѣ только въ то время, когда бываю наединѣ.

Дворъ Туринскій былъ Дворъ чрезвычайно набожный, и Бланджини получилъ воспитаніе вполне религіозное. О, счастливы, стократъ счастливы тѣ, которые научаются любить Бога на разсвѣтъ дней своихъ: любовь къ Нему, какъ нѣжное благоуханіе, услаждаетъ всю жизнь ихъ; она служитъ имъ тихимъ убѣжищемъ въ дни тяжелой печали; она одушевляетъ ихъ мужествомъ, когда они идутъ на смерть... Но обратимся къ музыкальному поприщу Бланджини.

Однажды, переодѣвшись въ платье аббата Оттани, онъ украдкою пробрался въ театръ Кариньяно. Нѣжная, пріятная музыка оперы Фіоравенти, *L'Amor imaginario*, которую давали тогда на этомъ театрѣ, очаровала Бланджини и навсегда осталась въ его памяти. «Послѣ того прошло уже почти полвѣка, говаривалъ онъ, а я все еще знаю ее наизусть; когда, въ часы моего уединеннаго досуга, пальцы мои скользятъ по клавишамъ, всегда, къ удивленію моему, слышатся любимыя аріи изъ этой оперы.» За Фіоравенти послѣдовалъ Паизиэлло; за *Amor Imaginario* послѣдовала *Nina*. «Этимъ-то операмъ, говаривалъ не разъ Бланджини, обязанъ я за ту частичку гармоніи, которую разбросалъ я тамъ и сямъ. Я избѣгалъ вычурности и старался быть наивнымъ по воспоминанію объ этихъ образцовыхъ произведеніяхъ. Я могъ бы надѣлать побольше шума въ моей музыкѣ, но я боялся непріятно пробудить тѣни этихъ великихъ композиторовъ—композиторовъ, которые никогда не превращали гармоніи въ батальный огонь.» Всѣ эти любопытныя подробности заимствую я изъ пяти томовъ

«Воспоминаній» его, которые Г. Вильма-ре не кстати сократилъ въ одинъ. Мнѣ очень жаль, что Бланджини, умѣвшій рассказывать чрезвычайно живописно, при-бѣгнувъ къ перу другаго писателя; вооб-ще не должно поручать другому говорить за себя, и особенно рассказывать жизнь свою. Къ счастью, однакожъ, для Блан-джини, я имѣлъ случай читать его по-длинныя записки. Я попытаносъ, по край-ней мѣрѣ, воскресить его такимъ, каковъ онъ былъ, воскресить съ его насмѣшли-вымъ простодушіемъ, съ его непостоян-ствомъ во всемъ, и особенно въ любви. Кстати о дѣтствѣ его, я приведу еще одно его замѣчаніе. «Отчего происходитъ, говоритъ онъ, что я почти никогда не помню хорошо о томъ, что дѣлалъ на канунѣ, и могу воскрешать, какъ будто сплюю волшебства, всѣ воспоминанія о дѣтствѣ моемъ?... Къ этому времени па-мять моя чрезвычайно снисходительна... я могу, когда захочу, мысленно надѣть мое полотняное платье, и стать передъ пюпитромъ, въ Туринскомъ Соборѣ, гдѣ пѣвалъ тѣмъ чистымъ голосомъ, кото-рый былъ у меня, когда я находился въ пѣвчихъ... Я люблю припоминать съ ве-личайшею подробностію, какъ проводилъ я день Свѣтлаго Воскресенія, которому пѣвалъ гимнъ... вотъ колонны, которыя окружаютъ алтарь; вотъ королевская фа-милія, благочестиво слушающая, въ своей высокой трибунѣ, литургію... Обаяніе па-мяти моей такъ велико, что запахъ бла-говоній, которыя сжигались тогда въ ве-ликолычныхъ серебряныхъ кадильницахъ, благоухаетъ для меня и теперь.»

На семнадцатомъ году, Бланджини, увлеченный своею любимую мечтою, хотѣлъ было отправиться въ Болонію, какъ вдругъ одинъ Генераль — Генераль, ко-торого звали Бонапартомъ, все перевер-нулъ вверхъ дномъ въ Италиі. Г-жа Блан-джини, лишившись убѣжища и средствъ къ жизни, рѣшилась ѣхать во Францію, отдавъ себя на произволъ судьбы. Г-жа

Бланджини — она была музыкантша — пред-полагада давать, вмѣстѣ съ шестерыми дѣтьми своими, концерты въ городахъ южной Франціи. Она выѣхала со всѣмъ семействомъ своимъ въ Пятницу, не смо-тря на просьбы Бланджини, который все-гда боялся Пятницы (онъ и умеръ въ пятницу). Въ продолженіе двухъ пер-выхъ дней послѣ отъѣзда, съ путешест-венниками нашими не случилось ничего неприятнаго; но въ Теядскомъ ущелии встрѣтилось съ ними несчастіе. Когда они, взобравшись на эту вершину, усѣ-лись, послѣ почти пяти-часовой ходьбы, въ свой экипажъ, веттурино ихъ началъ вдругъ свистать, свистать фальшиво. «Ка-ково было слушать его музыканту!» вос-кликаетъ Бланджини. Вскорѣ потомъ они услышали крики: *Ferma! ferma!* Бланд-жини, который вдругъ сталъ смѣять, какъ слѣдовало быть смѣлымъ главѣ се-мейства, посиѣшно вышелъ изъ экипажа. Но, выйдя, онъ очутился, лицомъ къ ли-цу, передъ тремя замаскированными, изъ которыхъ каждый имѣлъ по ружью въ рукѣ. Замаскированные прицѣлились въ него, начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ переговоры. Изъ экипажа вышли всѣ. Разбойники ограбили нашихъ путешественниковъ, и приказали Бланджини стать на колѣни: они, просто, хотѣли разстрѣлять его. Но, благодаря слезамъ и воплямъ матери и сестеръ его, они ограничились тѣмъ, что обобрали его до рубашки, и, смѣясь, по-мыли снѣгомъ.

Въ Ниццѣ, наши бѣдные странники да-ли первый концертъ. На концертъ этотъ собралось, отчасти изъ любопытства, слу-шателей не мало: многимъ изъ нихъ хо-тѣлось только взглянуть на женщину, ко-торая, съ полудюжиною дѣтей, чуть не грудныхъ, по уже музыкантовъ, покидаетъ свою родину. Собравъ чѣмъ заплатить за переѣздъ, путешественники отправи-лись въ Марсель. Они давали потомъ концерты въ Марсели, въ Монпелье, въ Лионѣ, словомъ, во всѣхъ большихъ го-

родахъ южной Франціи. Странствованіе ихъ было продолжительно.

Наконецъ, они рѣшились отправиться въ Парижъ. Прибывъ туда, они поселились въ улицѣ du Cherche-Midi, въ одномъ старинномъ аббатствѣ. Они издерживали очень мало, предполагая давать концерты, и усердно занимаясь музыкою.

— Каждый вечеръ, между девятью и десятью часами, Бланджини прислушивался, съ неизвѣстнымъ ему до того восхищеніемъ, къ звукамъ музыки, которые въ то время каждый вечеръ долетали до него сверху. Нерѣдко музыка эта не прекращалась до самой полуночи. Она состояла изъ однихъ старинныхъ арій Люли и Рамо. По крикливости звуковъ ея, Бланджини угадалъ, что надъ нимъ играютъ на клавикордахъ время Регентства. Онъ много дней слушалъ эту музыку, вовсе не заботясь о музыкантѣ; наконецъ, любопытство пробудилось въ немъ и увлекло его, почти противовольно, къ двери собрата его по гармоніи. Онъ постучался съ трепетомъ, но не мало удивился, когда былъ принятъ дамою, лѣтъ осьмидесяти, одѣтою такъ, какъ одѣвались во времена Г-жи Помпадуръ, дамою, умъ которой, обращеніе и даже улыбка остались тѣми же, какими были они встарину. Дама эта была Маркиза де Сень-Симонъ. Она взяла Бланджини подъ свое покровительство расхваливала его вскоду, словомъ, она замѣнила для него первую хвалебную статью въ газетѣ.

Изъ улицы Cherche-Midi, Г-жа Бланджини переѣхала съ семействомъ въ окрестности церкви Св. Магдалины; это было въ 1799 году. До того времени, Бланджини только прелюдировалъ на музыкальномъ поприщѣ; но съ этого года, онъ началъ занимать мѣсто между истинными музыкантами. Онъ началъ давать концерты въ десятый день каждой декады, по утрамъ. О немъ заговорили въ обществахъ; несчастія семейства его сдѣлались извѣстны, и на концерты его — случайно ли,

изъ любопытства ли или для музыки, не знаемъ — стало собираться много слушателей. Онъ вошелъ въ моду въ высшемъ кругу, между тѣмъ, какъ имѣлъ не болѣе осьмнадцати лѣтъ отъ роду. Содержаніе семейства его обезпечилось. Въ 1800 году, онъ началъ писать романсы; тогда то появились тѣ прелестныя ноктурны и тѣ граціозныя канцонеты, которыхъ и теперь многіе не могутъ вспомнить безъ сладкаго сердечнаго трепета. Отъ романа перешелъ онъ къ комической оперѣ (*Подложная Дуэнья*), но убѣдясь, что романсы приносятъ ему болѣе, чѣмъ комическія оперы, снова обратился къ первымъ, покинувъ послѣднія. Нѣкоторые романсы Бланджини сдѣлались извѣстными въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Графъ Сегюръ слышалъ его *Il est trop tard* — въ Сибири. Вскорѣ потомъ, Бланджини начали, какъ говорится, на расхватъ приглашать давать уроки и пѣть въ знатныхъ домахъ. Ни у одного музыканта въ мірѣ не было столько знаменитыхъ ученицъ, сколько было ихъ у Бланджини. Съ нимъ пѣла Королева Баварская, Королева Вестфальская, Королева Голландская, Принцесса Полина, Герцогиня Беррійская, жена Маршала Нея, Герцогиня Ровиго, Маркиза Полиньякъ, Герцогиня Броли, словомъ, почти всѣ женщины, замѣчательныя въ его время, по рожденію своему, по красотѣ, или по уму. Онъ былъ занятъ цѣлый день; онъ являлся въ десять салоновъ въ одинъ и тотъ же вечеръ, и возвращался домой утомленный до того, что едва имѣлъ силы поцѣловать мать и сестеръ своихъ, плакавшихъ отъ радости и благодарности. Это былъ, какъ самъ онъ говорилъ «счастливейшій часъ въ его днѣ.» У него почти не доставало времени на сонъ. Въ продолженіе четырехъ или пяти часовъ ночи, которые проводилъ Бланджини въ своей комнатѣ, онъ нерѣдко трудился надъ сочиненіемъ романса, ноктурны или канцонеты, иногда даже надъ сочиненіемъ оперы. Но сле-

ра всегда была выше силъ его; ведя разсѣянную жизнь, и имѣя въ запасѣ два, три мотива — хоть и граціозныхъ — нельзя написать оперу. Чтобы написать ее — нужно время и постоянный трудъ въ тишинѣ кабинета.... За то ноктурны Бладжини истинно восхитительны: ихъ пѣли, въ его время, во всей Франціи, пѣли въ Парижѣ и въ провинціяхъ, въ театрѣ и на улицахъ, при Дворѣ и въ бѣдныхъ комнаткахъ подъ самою кровлею.

— Зачѣмъ вы затыкаете себѣ уши, спросилъ я его однажды.

— Зачѣмъ?... Мнѣ пришло на память то время, когда я слышалъ музыку на каждомъ шагу. Вспомнивъ объ этомъ, невольно заткнуешь себѣ уши.

Конечно, бывая столь часто въ обществѣ прелестныхъ женщинъ, онъ не могъ оставаться и не оставался равнодушнымъ; но онъ любилъ мечтательно, платонически; онъ не рѣшался высказывать любви своей даже во взорахъ своихъ; онъ давалъ ей просторъ въ однихъ только канцонетахъ своихъ и ноктурнахъ. Его тоже любили платонически и таинственно, и все блаженство любви его заключалось въ одномъ только наслажденіи пропѣть порой дуэть съ обожаемымъ предметомъ.... Изъ числа всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ Бладжини, онъ чаще всего припоминалъ о Г-жѣ де Монпеза, да о Графинѣ Люберсакъ.

Въ 1805 году, одна сестра Бладжини, игравшая на скрипкѣ, отправилась въ Германію, а другая, которая пѣла восхитительно, возвратилась въ Италію. Бладжини, въ свою очередь, тоже вздумалъ совершить путешествіе, чтобы хотя сколько нибудь отдохнуть отъ Парижскихъ хлопотъ. Онъ посѣтилъ Германію, гдѣ, распѣвая свои ноктурны, встрѣтилъ, при Мюнхенскомъ Дворѣ, нынѣшняго Бельгійскаго Короля, который въ то время былъ еще Герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Вскорѣ потомъ получилъ онъ званіе капельмейстера, возвратился въ Парижъ, болѣе доволь-

ный капельмейстерскимъ костюмомъ, тѣмъ своими торжествами. Костюмъ этотъ, пожалованный ему курфирстомъ, состоялъ изъ зеленаго мундира съ краснымъ воротникомъ и красными отворотами, да треугольной шляпы съ золотою кокардой. Сверхъ того, нашъ маэстро получилъ красивую офицерскую шляпу.... Вскорѣ по возвращеніи, написалъ онъ оперу *Nephtali*, — но написалъ, столь же мало заботясь о трудѣ своемъ, какъ бы сочинялъ легонькую ноктурну на два голоса. Либретто этой оперы было тоже плохо; однакожъ, *Nephtali* имѣла блестящій успѣхъ на театрѣ Большой Оперы. По окончаніи спектакля, начали вызывать авторовъ, и когда публика узнала, что музыку *Nephtali* написалъ Бладжини, отсюду раздались восклицанія: *Qu'il paraisse! qu'il paraisse!* Бладжини былъ тогда совершенно разстроены, разстроены до того, что не слыхалъ, во весь спектакль, ни одной ноты, стоя за кулисами. Лап (*Laïs*) и Роланъ увлекли его на сцену. Въ то время, всѣ, въ угоду Наполеону, стриглись *à la Titus*; но у Бладжини, напротивъ того, волосы были длинные и падали густыми доконами на плеча. Видъ его маленькаго, хорошенькаго личика, вполувину закрытаго густыми, черными волосами, возбуждалъ смѣхъ между зрителями. Однакожъ, не смотря на такую встрѣчу, минута эта была пріятна для Бладжини. «Я плакалъ, какъ ребенокъ, говорить онъ; я называлъ бы ту пору самую счастливою въ моей жизни, еслибъ не былъ еще счастливѣе, когда увидѣлся съ матушкою.» Но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ; черезъ полгода, изъ всей *Nephtali*, въ памяти публики не осталось ничего кромѣ арии: *Votre sœur est-il inflexible?* которую пѣла Г-жа Браншо, и которая очень нравилась Мегюлю.

Потомъ, оставивъ Большую Оперу, онъ снова началъ работать для театра Федо. При этомъ случаѣ онъ написалъ для Федо *Отмищенныя женщины* (*Les femmes*

vengées), оперу, которая, благодаря Элеви и Г-жѣ Гаводанъ, была принята благосклонно. За нею послѣдовали новыя оперы, но онъ большаго успѣха не имѣли. Изъ числа ихъ посчастливилось одному только *Молодому дядюшкѣ* (*Le jeune oncle*).

Около этого времени, Бланджини поступилъ въ число придворныхъ музыкантовъ Наполеона. Оберъ-церемоніймейстеръ Сегюръ, Первый Министръ Талейранъ и самъ Наполеонъ обходились съ нимъ весьма ласково; но прелестная Принцесса Полина, которой глаза нашего маэстро нравились столько же, какъ и его музыка, обходилась съ нимъ еще ласковѣе. Онъ осмѣлился влюбиться въ нее до безумія; она нисколько не оскорбилась его любовью, и Бланджини, такъ сказать, на глазахъ ея, написалъ ноктурну *se son lontano del mio diletto*, которую тамъ много восхищались нѣкогда, романсъ *Il faut partir, le menestrel vient de l'apprendre*, слова котораго были сочинены самою Принцессою, и множество другихъ граціозныхъ созданий, которымъ суждено было существовать очень недолго.

Принцесса произвела Бланджини въ директоры своей музыки; Жозефина, на перекоръ принцессѣ, произвела его, на другой же день послѣ того, въ свои придворные композиторы (*compositeur de sa chambre*). Что было дѣлать Бланджини? Служить двумъ мужчинамъ еще какънибудь можно, но каково служить двумъ женщинамъ?.. Бланджини послѣдовалъ внушенію своего сердца. Принцесса отправилась въ Ниццу; Бланджини отправился туда же, вскорѣ послѣ отъѣзда ея, какъ какой нибудь вельможа, въ придворномъ экипажѣ. Онъ, видите, не смотря на всю любовь свою, мечталъ немножко объ удовольствіи появиться на роднѣ въ всемъ блескѣ своего новаго счастья.

Пребываніе въ Ниццѣ, пребываніе подъ очаровательнымъ вліяніемъ взоровъ Полины, было самымъ прелестнымъ оазисомъ

въ жизни нашего маэстро. Онъ едва осмѣивался вѣрить своему счастью, и почти пугался его. И что за счастье это бывало такое! Какія чудныя прогулки были тогда на берегу моря, или въ дворцовомъ саду! Какіе восхитительные вечера проводилъ онъ тогда, мечтая съ Полиною, или акомпанируя ей въ пѣніи!

Принцесса и приближенные ея жили въ то время почти по-деревенски; и она и придворные ея вставали рано; потомъ, позавтракавъ весело, то гуляли въ саду, то катались въ экипажахъ или по морю. Вообще тогдашній образъ жизни этой Принцессы былъ прелестенъ по своей безцеремонности. Еслижъ, порой, случалось принимать ей какихъ нибудь мѣстныхъ или заѣзжихъ превосходительствъ, она принимала ихъ самымъ серьезнымъ образомъ; но друзьямъ ея было хорошо извѣстно, что въ тайнѣ она смѣется надъ своею притворною серьезностію. Красота и умъ ея доставляли ей гораздо болѣе власти, чѣмъ самое могущество ея брата. О мужѣ ея, Принцѣ Боргезе, не было и помину, между тѣмъ, какъ при маленькомъ Дворѣ ея веселились отъ всего сердца, но безъ всякаго принужденія. Вечеромъ, Бланджини всегда былъ очень занятъ: вечеромъ, музыка всегда была главнымъ дѣломъ во дворцѣ Полины. Серенадамъ и ригуріелямъ тамъ не было конца. Однакожъ, въ этомъ почти очарованномъ дворцѣ, во дворцѣ, гдѣ владычествовали любовь и музыка, Бланджини былъ не совершенно спокоенъ: счастье всегда бояливо. Онъ очень хорошо зналъ, что ему придется попасть въ подпоручики, и потомъ распѣвать свои ноктурны; да еще съ акомпаниментомъ, въ Испаніи, если Наполеонъ узнаетъ его тайну. Съ другой стороны, Принцесса была женщина причудливая, ее нужно было безпрестанно забавлять. А такъ какъ всегда удачно развлекать хандру хорошею причудницы можетъ одинъ только величайшій геній, то Бланджини имѣлъ тогда полное

право повторять еще чаще, чѣмъ Тигъ: «Я потерялъ нынѣшній день!» Она требовала, чтобы онъ пѣлъ исключительно для нея одной. Разъ, вечеромъ, узнавъ, что онъ отправился пѣть къ Ниццкому Префекту, она послала туда придворнаго лакея съ приказаніемъ, чтобы Бланджини немедленно явился къ ней. Приказаніе это было исполнено.

«Что вы, сударь, пѣли въ то время когда явился къ вамъ посланный?» спросила она Бланджини, когда онъ возвратился.

— Я пѣлъ, В. В., отвѣчалъ маэстро, арію изъ Нефали: *Nous le touchons, ce fertile rivage*, но не могъ кончить... вашъ посланный надѣлалъ тамъ столько шума... У префекта подумали, что у васъ во дворцѣ пожаръ.

Пожаръ во дворцѣ еще не бѣда... дѣло въ томъ, что я скучала. Извольте начать арію съ той ноты, на которой вы остановились.

Не повиноваться было невозможно.

Въ другой разъ, тоже скучая, она опять призываетъ къ себѣ Бланджини.

«Сегодня вечеромъ, маэстро, говоритъ она Бланджини, мы, переодѣвшись такъ, чтобы никто не узналъ насъ, отправимся къ той цыганкѣ, о которой такъ много говорятъ здѣсь. Приготовьтесь же сопровождать меня. Я хочу знать, что ожидаетъ меня: тронъ или хижина.

— Какая нужда до того, что ожидаетъ васъ? Вы и въ хижинѣ будете царицей.

«Я хочу знать, что случится со мной; вотъ и все. Одѣньтесь капуциномъ, а я одѣнусь бенедиктянкою.»

Вечеромъ, Принцесса и музыкантъ вышли украдкою изъ дворца. Они прибыли къ цыганкѣ пѣшкомъ, и назвались—Бланджини, братомъ Панкратіемъ, а Принцесса — сестрою Агнесою. Цыганка, однакожь, не далась имъ въ обманъ, хоть и была ворожея. Она узнала, если не Бланджини, то, по крайней мѣрѣ, Полину.

— О, о! сказала она, сестра эта со-

всѣмъ не то, чѣмъ она кажется. Меня ужъ не проведешь.

«Я не спрашиваю у васъ, кто я, но спрашиваю о томъ, чѣмъ буду я,» сказала Полина, подавая цыганкѣ руку.

— Чѣмъ вы будете... чѣмъ вы будете... сказала старуха, пристально всматриваясь въ линіи руки и черты лица Принцессы. Вы, надѣюсь, не будете въ святцахъ...

«Да говорите же!» воскликнула Полина съ нетерпѣніемъ.

— Что мнѣ сказать вамъ?... То, что я скажу, будетъ не радостно... Вы умрете на полѣ битвы, то есть, еще въ цвѣтѣ красоты... Видите ли: эта линія не доходитъ до точки, которая обозначаетъ пятьдесятъ лѣтъ.

«А гдѣ я умру?»

— Въ Итали.

«Я хочу умереть во Франціи.»

— Этого желанія вашего я не могу исполнить.

«Вы сами не знаете, что говорите; я скоро возвращусь въ Нельи, и буду жить тамъ до самой смерти; не такъ ли братъ Панкратій?»

Бланджини нѣсколько приблизился.

«А я, гдѣ умру?» спросилъ онъ цыганку.

— А гдѣ вы желаете умереть?

«На моей родинѣ, въ Итали.»

— Ну, такъ вы умрете во Франціи, сказала цыганка, смотря на песочные часы.

«Вижу, сказала Полина, что судьба всегда идетъ намъ наперекорь... Но ктожь заставитъ меня ѣхать умирать въ Италию?»

— Искусство мое чрезвычайно ограничено; я не угадываю мелкихъ причинъ. Однакожь думаю, что васъ заставитъ возвратиться въ Италию Принцъ, Августѣйшій супругъ вашъ.

Принцесса съ неудовольствіемъ оставила цыганку, предсказанія которой относительно Полины почти вполнѣ сбылись въ послѣдствіи. Но она не угадала того,

что потомъ случилось съ Бланджини; она предсказала ему, что онъ умретъ въ изгнаніи, а вышло напротивъ.

Бланджини, во время пребыванія своего въ Ниццѣ, посѣтилъ однажды Миланъ, въ надеждѣ найти тамъ новыя идеи музыкальныя, но онъ нашелъ въ этомъ городѣ совершенно другое. Узнавъ, что тамъ живетъ сынъ Моцарта, нашъ маэстро отправился къ нему, предполагая, что онъ тоже музыкантъ, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ принести дань уваженія отцу его. И вотъ Бланджини входитъ къ Моцарту сыну: передъ нимъ какой-то господинъ, погруженный въ расчеты. Бланджини заводитъ рѣчь; господинъ, погруженный въ расчеты, отвѣчаетъ ему словами односложными.

— Но, сударь, вѣдь вы сынъ великаго Моцарта? говоритъ ему наконецъ нашъ маэстро.

« Да. »

— Вы прибыли въ эту отчизну искусствъ... прибыли, руководимые тѣнью отца вашего...

Моцартъ сынъ не понималъ ни слова.

— Я надѣялся, сударь, найти васъ за фортепіаномъ, или съ скрипкою въ рукахъ.

« Что вы за вздоръ такой говорите? Я не люблю музыки. »

— Какъ! Вы не музыкантъ?

« Я, музыкантъ? Да за кого вы меня принимаете? Я, сударь, банкиръ. Я вотъ какъ понимаю музыку. »

При этихъ словахъ, Моцартъ взялъ свертокъ талеровъ, и стукнулъ имъ о свое бюро такъ, что талеры зазвенѣли.

Въ Ниццѣ все шло превосходно; однакожь, Наполеонъ, наконецъ, вопреки желанію Принцессы и Бланджини, вытребовалъ нашего маэстро въ Парижъ.

Возвратясь въ Парижъ, Бланджини снова началъ писать. Но и въ этотъ разъ, точно также, какъ и прежде, онъ не былъ счастливъ въ своихъ поэтахъ. Лучшія слова для его музыки были сочинены

женщиною. Онъ написалъ, между прочимъ, прелестную музыку и на слѣдующіе замысловатые стихи Г-жи Грассини:

Adora in cenni tuoi questo mio cor fidele
Sposa sarò se vuoi non dubitar di me,
Ma un sguardo sereno ti chiedo d'amor.

Стишки эти Г-жа Грассини включила въ партитуру *Клеопатры*, которую пѣла она разъ, въ присутствіи Наполеона. Г-жа Грассини не сводила тогда глазъ съ ложи, въ которой находился Наполеонъ. Въ то время, она тоже была Клеопатрою этого Цесаря...

Бланджини возвратился въ Германію, въ званіи директора музыки Короля Вестфальскаго, и зажилъ на большую ногу. Черезъ годъ послѣ того, Король, не довольный своею капеллою, поручилъ ему отправиться, со 100,000 франковъ, во Францію или въ Италію, и приискать тамъ трехъ пѣвцовъ. Бланджини, благодаря этому порученію, совершилъ путешествіе чрезвычайно пріятное, путешествіе, которымъ располагалъ онъ совершенно по своему произволу. Онъ возвратился одинъ, и попалъ въ немилость; но въ то время измѣнилась и судьба самого Короля Вестфальскаго: это было въ 1814 году.

Бланджини прибылъ въ Парижъ. Для кого оставалось ему пѣть послѣ всѣхъ тогдашнихъ переворотовъ? Къ какой партіи слѣдовало ему пристать? Неблагодарный! онъ началъ пѣть для Англичанъ, вмѣстѣ съ *Клеопатрою*, которая перешла отъ Цесаря къ Помпею...

Въ 1817 году, Лудовикъ XVIII наименовалъ его своимъ придворнымъ капельмейстеромъ (*surintendant de sa chapelle*); вскорѣ послѣ того, Герцогиня Беррійская пожаловала ему званіе директора своей музыки. Утомясь нѣсколько отъ своихъ странствованій, онъ сдѣлался осѣдлымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ женился на одной изъ самыхъ прелестныхъ Парижанокъ, но долженъ былъ проститься съ

своею извѣстностію. Нельзя же вѣчно пѣть все одну и ту же пѣсню.

Принцесса Полина не забыла его. Она приглашала его къ себѣ, въ Италию. Однакожъ, Бланджини не захотѣлъ покинуть своей молодой жены, и остался во Франціи.

Бланджини, подобно другимъ баловнямъ большаго свѣта, вышелъ изъ моды; извѣстность его, прежде столь блестящая, исчезла мало по малу; имя его, прежде столь любимое, было забыто почти всѣми: но, вѣдь невозможно же всегда писать ноктурны и канцонеты, невозможно быть всегда любимцемъ Принцессы.... Онъ нѣсколько утѣшился, когда Лудовикъ XVIII пожаловалъ ему званіе дворянина, а при концѣ жизни, видя, что почести покинули его, онъ пламенно искалъ — почести сдѣлаться помощникомъ мера въ одной деревушкѣ. Къ счастью для него, его не совсѣмъ покинула музыка; въ старости, онъ находилъ въ ней такую же отраду, какую находилъ въ ней, когда былъ молодъ. Но въ обществахъ, гдѣ говорили о сѣдинахъ его, онъ уже не осмѣливался являться съ этою вѣрною, хоть и увядшею его подругою; онъ любилъ ее въ уединеніи. Я часто видалъ бѣднаго Бланджини въ тѣ минуты, когда онъ, предавшись увлеченію своего, порой еще пламеннаго вдохновенія, создавалъ мелодіи, еще достойныя любимца Полины. Въ эти минуты, взоры его горѣли, и онъ, съ тоскою любви, прислушивался къ импровизаціямъ своимъ, къ импровизаціямъ, которыхъ онъ не записывалъ никогда, которыя исчезали вмѣстѣ съ его послѣдними надеждами... Иногда онъ вставалъ въ сильномъ волненіи, опускалъ руки и, склонивъ печально голову, какъ будто говорилъ про себя: «Однакожъ, вѣдь это еще музыка!» Бенсерадъ, который тоже былъ любимцемъ славы и счастья, который имѣлъ свои торжества при Дворѣ Лудовика XIV, не находилъ въ послѣдствіи издателя для сво-

ихъ прелестныхъ стиховъ, но Бенсераду оставался, по крайней мѣрѣ, уголь, которымъ могъ онъ писать эти стихи на стѣнахъ своей комнаты, и такимъ образомъ передавать ихъ другимъ. А Бланджини чувствовалъ, что ему не для кого записывать свои импровизаціи; онъ говаривалъ часто: «На что онѣ? Ихъ не будетъ пѣть и жена моя.» Грустно видѣть артиста, который переживаетъ свою славу, между тѣмъ, какъ въ душѣ его еще таетъ священный огонь...

Я уже сказалъ, что Бланджини былъ Гретри въ миниатюрѣ: въ произведеніяхъ его вы всегда найдете грацію, но никогда не найдете въ нихъ силы; они нѣжны, какъ пѣніе птичекъ. Онъ изучилъ музыку Фіоравенти, музыку немножко *молчаливую*; онъ старался подражать простотѣ великихъ композиторовъ; но для простоты потребенъ почти гений, а простота Бланджини часто не носилъ на себѣ печати генія. Онъ имѣлъ, однакожъ, поэтическую организацію, и погибъ только благодаря преждевременнымъ успѣхамъ своимъ; онъ расточилъ на мелочи, на канцонеты и ноктурны, всѣ сокровища души своей; онъ расточалъ мелодіи, не заботясь о ихъ окончательной отдѣлкѣ; онъ, такъ сказать, сорвалъ съ дерева цвѣты, не думая о плодахъ. Дерево сдѣлалось бесплоднымъ; за то Бланджини уловилъ весеннимъ ароматомъ цвѣтовъ его.

Разъ, вечеромъ, лѣтъ семь или восемь тому назадъ, я встрѣтился съ нимъ въ обществѣ, куда являлся онъ очень рѣдко. Мы подружились съ нимъ. На другой день, до разсвѣта, я былъ пробужденъ стукомъ отворяющейся двери.

— Кто тамъ?

«Бланджини; онъ приглашаетъ васъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.»

— Ѣхать? Куда?

«Въ мою Оиванду; да одѣвайтесь же поскорѣе: посталіонъ соскучится дожидаясь. Я цѣлые полчаса взбирался на ва-

шу лестницу! Зачѣмъ живете вы такъ высоко? Впрочемъ, это хорошее предзнаменованіе.

Я зажегъ свѣчу, и посмотрѣлъ недоувѣрчиво на Бланджини: въ немъ не было замѣтно ни какого разстройства. Черезъ нѣсколько минутъ, я уже сидѣлъ въ его экипажѣ, и мы отправились въ его помѣстье, въ самую глубь Орлеанскаго лѣса. Путешествіе наше, на зло снѣгу, было приятно: мы дважды проѣхали лѣсомъ, въ товариществѣ волковъ, мирнаго судьи и хорошенькой Орлеанезки. Оиванда его была довольно шумна; въ ней слышались безпрестанно то фортепіаны, то скрипка, то гобой. Даже ночью раздавались въ ней жалобные звуки Эоловой арфы.

Въ этомъ уединеніи жилъ Бланджини съ своими любимыми воспоминаніями, съ своею чудною скрипкою, съ портретомъ Принцессы Полины. Это былъ пустыльникъ, чрезвычайно гостепріимный и чрезвычайно любимый въ окрестностяхъ сво-

ей «Оиванды»; бѣдные дѣлали по двѣ мили крику, для того, чтобы пройти мимо воротъ его.

Въ послѣдній разъ, я встрѣтился съ Бланджини у одного продавца рѣдкостей. Я давно не видался съ нимъ, и былъ очень доволенъ моею встрѣчею. Перемены въ немъ я не замѣтилъ ни какой, онъ все такъ же былъ печаленъ и безпокоенъ, и такъ же улыбался, какъ прежде; взоръ все такъ же горѣлъ, какъ и въ прежнее время.

«Ну, что, мой милый Бланджини, каково идутъ канцонеты?»

— Канцонеты? Увы, я помышляю теперь о моемъ реквиѣмѣ.

«А ваша милая скрипка?»

— Моя скрипка? О, я много пролилъ надъ нею слезъ послѣ нашей поѣздки въ лѣсъ! Надѣюсь, что Богъ дастъ мнѣ силу разбить ее въ минуту смерти: я не хочу, чтобъ кто нибудь узналъ тайну заблужденій моего сердца.

АРТИСТЫ ИТАЛИАНСКОЙ ОМЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

ТАМБУРИНИ.

Антоніо Тамбурини также сынъ Италіи, родины столькихъ знаменитыхъ художниковъ. Онъ родился въ Фаэнцѣ, 28-го Марта 1800 года, и получилъ отъ отца своего, Паскаля Тамбурини, профессора музыки, то рановременное воспитаніе, которое приготовляетъ къ будущему значенію людей, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга. Молодой музыкантъ, уже на девятомъ году занимавшій съ

успѣхомъ мѣсто въ оркестрѣ, почувствовалъ внутреннюю наклонность къ другому поприщу, и чрезъ нѣсколько времени сталъ пѣть въ церковныхъ и театральныхъ хорахъ. Счастливыя способности мальчика обратили на себя вниманіе многихъ знаменитыхъ артистовъ, напримѣръ Момбели отца, Г-жи Пизарони и другихъ. Имѣя отъ роду восемнадцать лѣтъ, Тамбурини блистательно дебютировалъ на Болонс комъ

Театръ Ченто, въ оперѣ Дженерали, потомъ въ Мирандолѣ и Кореджіо. Итальянскіе импрезаріи давно сторожили юного пѣвца. Въ 1819 году, Тамбурины заключилъ условіе съ содержателемъ Паченцкаго Театра, и любители музыки до сихъ поръ вспоминаютъ объ успѣхѣ его въ *Ченерентолѣ* и *Италіянкѣ въ Алжирѣ*. Въ томъ же году, Тамбурины являлся и на Неаполитанскомъ Театрѣ; Павези, Дженерали, Мерканданте писали для него оперы. Въ 1820 году, артистъ восхищалъ жителей Флоренціи, Ливорна, Турина и Милана. Въ Миланѣ онъ встрѣтилъ дѣвицу Маріетту Джіою (нынѣ Г-жа Тамбурины), и исполнилъ съ нею оперу *Il rosto abbandonato*, нарочно написанную для нихъ Мерканданте.

Маріетта Джіою, съ которою Тамбурины раздѣляетъ свое блистательное поприще, дочь знаменитаго хореографа, умершаго въ 1826 году. Мать ея, родомъ Француженка, была, по первому браку, вдова Маркиза Миссіалія. Она наслѣдовала послѣ мужа значительное имѣніе съ тѣмъ условіемъ, чтобы никогда не вступать въ новый бракъ; но Маркиза тайно вышла за Джіою. Бракъ былъ открытъ; нарушительница духовной заключена въ монастырь, откуда ее выпустили по ходатайству Маріи Каролины. Отъ втораго брака, бывшая Маркиза, которая, отличаясь необыкновенною красотою, пожертвовала блестящимъ положеніемъ изъ любви къ бѣдному артисту, имѣла троицъ дѣтей: дочь и двоихъ сыновей. Эта дочь именно и есть вышѣшняя Госпожа Тамбурины.

Тамбурины, незадолго до своего бракосочетанія, былъ до такой степени пораженъ плачевною смертію матери, что рѣшился покинуть свѣтъ и окончить жизнь въ стѣнахъ монастыря. Къ счастью искусства, неодолимое препятствіе помѣшало артисту исполнить это намѣреніе: актеръ не могъ быть принятъ въ монастырь. Время, размышленіе, благородная страсть

къ искусству обратили Тамбурины къ прежнимъ трудамъ и занятіямъ.

Приглашенный въ Триестъ, Тамбурины, отправляясь туда, прожилъ нѣкоторое время въ Венеціи, повинуясь той симпатіи, которая, при взглядѣ на падшее величіе, производитъ очарованіе на всякую поэтическую душу. Тогда Венеція кипѣла празднествами, по случаю пребыванія Императоровъ Россійскаго и Австрійскаго. Мѣстное начальство пожелало доставить новое удовольствіе Высокимъ Гостямъ: Тамбурины предложено было принять участіе въ двухъ представленіяхъ, удостоенныхъ присутствія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Пѣвецъ былъ принятъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Римъ, Палермо, Неаполь равнымъ образомъ рукоплескали прекрасному *basso*. Рассказываютъ, что въ Палермѣ, на долю Тамбурины выпало необыкновенное, почти неизъяснимое счастье, заступитъ пѣвицъ Линарини и Боккабадати, которыя, или изъ робости, или по капризу, не хотѣли исполнять свои каватины. Публика съ изступленнымъ энтузіасмомъ пріѣтствовала Тамбурины, и пятнадцать разъ вызвала его по окончаніи оперы.

Тамбурины восхищалъ дилеттантовъ Неаполя около трехъ лѣтъ. 1827 и 1828 годы онъ прожилъ въ Вѣнѣ, откуда только что уѣхала единственная Итальянская труппа, которую составляли: Давидъ, Рубини, Донцелли, Лаблашъ, Чичимара, Амброджи, Ботичелли, Басси; пѣвицы: Фодоръ, Рубини, Момбели, Унгеръ, Зонтагъ, Джудита Гризи, Дарданелли и Грюмбаумъ. Вѣнская публика, привыкшая къ первостепеннымъ талантамъ, весьма благосклонно приняла Тамбурины.

Артистъ отправился затѣмъ въ Лондонъ, гдѣ также подтвердилъ свою славу, пріобрѣтенную въ Италіи и Австріи. Въ это время, Робертъ, тогдашній директоръ Итальянской Оперы въ Парижѣ, заключилъ съ Тамбурины контрактъ на нѣсколько лѣтъ. Въ Октябрѣ 1832 года, Тамбурины

дебютировалъ въ залѣ Фавара. Парижане почтили его, какъ баритона, уваженіемъ равнымъ тому, которымъ пользовался Рубини, какъ теноръ.

Тамбурини почти всѣмъ обязанъ природѣ, особенно превосходною организаціею. Можно быть великимъ пѣвцомъ, и имѣть на театрѣ незначительный успѣхъ, если наружность человѣка, принятая въ соображеніе съ музыкальной точкой, не соотвѣтствуетъ внутреннимъ достоинствамъ пѣвца. Тамбурини соединяетъ въ себѣ всѣ разнообразныя качества, свойственныя артисту, въ полномъ значеніи этого слова. Наружностію онъ заранѣе привлекаетъ на свою сторону публику, заранѣе располагаетъ всѣхъ зрителей въ свою пользу. Его соразмѣрный ростъ чрезвычайно приятенъ, обнаруживая грацію и силу художника; черты лица совершенно правильныя; онъ выражаетъ кротость и умъ; голова, въ благородномъ соединеніи съ затылкомъ, указываетъ на самосознательную гордость и возвышенную душу артиста; всѣ движенія отличаются изяществомъ и непринужденностію. Легко можно вообразить, какія выгоды извлекаетъ Тамбурини изъ подобныхъ физическихъ преимуществъ, возвышаемыхъ еще вкусомъ и вѣрностію костюма. Въ послѣднемъ отношеніи, Тамбурини художникъ, обогатившій себя основательными свѣдѣніями, никогда не нарушающей исторической истины. Игра и пантомима пѣвца не менѣе прекрасны; жесты его вѣрны, точны, смѣлы; нѣтъ ни преувеличенія, ни принужденности, даже въ увлекательныхъ или смѣшныхъ сценахъ. Въ роляхъ серьезныхъ, Тамбурини всегда держитъ себя благородно, прилично; въ трагическихъ, игра его исполнена жара, или, говоря театральнымъ языкомъ, огонь его прожигаетъ помясть сцены!

Столь рѣдкими преимуществами пѣвецъ обязанъ природѣ и отличному воспитанію. Знающіе Тамбурини въ обыкновенной жизни, отзываются о немъ, какъ

о человѣкѣ достойномъ. Выраженіе тихой задумчивости, которая замѣтна и на лицѣ и въ разговорѣ, возбуждаетъ живѣйшее участіе и привлекаетъ къ нему всякаго, кто однажды имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. Друзья и знакомые истинно уважаютъ Тамбурини.

На какой же степени стоитъ Тамбурини - пѣвецъ? Онъ принадлежитъ къ тому разряду басистовъ, которые не достигаютъ ни до самыхъ верхнихъ, ни до самыхъ низшихъ нотъ; онъ баритонъ, но способный и для басовыхъ партій. Голосъ Тамбурини доходитъ до низкаго *a*, и до верхняго *f*, слѣдовательно, обнимаетъ тринадцать тоновъ, истинную мѣру баритона. Этотъ голосъ особенно удивителенъ вѣрностію интонаціи, звучностію, полнотою, *mordente*, чистотою; онъ имѣетъ совершенно отличную ровность силы, то есть, ни одинъ пѣвецъ не имѣетъ такого органа, который былъ бы соразмѣрнѣе во всѣхъ частяхъ. Въ частности, въ цѣломъ, голосъ Тамбурини соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ. Анализъ и синтезисъ видимо участвовали своимъ взаимнымъ пособіемъ. Вотъ причина, почему тоны Тамбурини отличаются выразительностію, чистотою; звукъ его голоса всегда чистъ, нѣженъ, гибокъ, легокъ. Такой голосъ, кажется, наиболѣе созданъ для блестящаго, граціознаго рода, а не для трагическаго и сильнаго пѣнія. Впрочемъ, Тамбурини прекрасенъ въ пѣніи чувствительномъ и страдномъ, то есть, въ нынѣшнемъ господствующемъ характерѣ Италіанской Школы. Въ родѣ блестящемъ, Тамбурини можно поставить за образецъ для ролей Дандини и Цирюльника; въ партіяхъ чувствительныхъ, страстныхъ, нельзя быть увлекательнѣе его въ Луціи и Пуританахъ. Тамбурини въ состояніи возвыситься до сильнаго трагическаго дѣйствія; кто слышалъ его въ заключительномъ адажіо Луціи: «*Ella emio sangue, jo lo traditò*» и въ знаменитомъ дуэтѣ Отелло, тотъ убѣдился, что онъ можетъ, если захочетъ,

достигать до высшей драматической выразительности.

Въ Тамбурини соединено и основательное знаніе вокальной музыки, и отличная метода. Трудно найти пѣвца, который бы съ такимъ искусствомъ повышалъ, удерживалъ и постепенно понижалъ тонъ. Столь же удовлетворителенъ Тамбурини относительно интонаціи и *portamento*. Онъ всегда рассчитываетъ силу своего голоса такимъ образомъ, чтобы никогда не произвести даже малѣйшаго неприятнаго впечатлѣнія на слухъ. Тамбурини иногда гремитъ, но безъ усилія; онъ не покрываетъ хоромъ и оркестра, какъ Лаблашъ, но его всегда услышишь въ хорѣ и при оркестрѣ, и голосъ его, при своей металлической звучности, постоянно сохраняетъ обычную пѣжность. Предастся ли Тамбурини полному, широкому разливу пѣнія, слѣдуетъ ли онъ за нитью фюритуры или фантазій, все носитъ у него печать изящнаго вкуса, правильной метода. Тамбурини славится преимущественно водопадомъ фюритуръ, изливающимся изъ его горла на

всѣхъ слушателей, при чрезвычайной гибкости органа, равнымъ образомъ и смѣлыми, фантастическими прикрасами. Гибкость своего органа онъ доказываетъ въ изумительномъ соперничествѣ съ Рубини, въ дуэтѣ *Моисей*. Талантъ Рубини извѣстенъ; для него не существуютъ трудности, приводящія въ отчаяніе обыкновенныхъ пѣвцовъ; только Тамбурини не уступаетъ ему въ этомъ дуэтѣ, ни въ искусствѣ, ни въ смѣлости, ни въ точности.

Но самое роскошное пѣвіе, самыя удачныя колоратуры были бы ничтожною игрою нотъ, безъ внутренняго чувства въ декламациі и драматическомъ акцентѣ, которое есть главный источникъ колорита и истины, а такимъ-то чувствомъ и отличается Тамбурини. Оттого-то пѣвцевъ сей одинаково дѣйствуетъ на массу и знатоковъ.

Тамбурини, какъ актеръ, пѣвецъ и человекъ, достойно раздѣляетъ славу съ своими значительными товарищами, Лаблашемъ и Рубини.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

КОНЦЕРТЫ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ НЕДѢЛЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПОРЫ.

Хотя уже миновала половина музыкальной поры Петербурга, однако же, въ нынѣшнемъ году, концертное время не имѣетъ того характера, которымъ оно отличалось въ предъидущихъ годахъ, и публика, собираясь на концерты своихъ любимцевъ, чего-то ждетъ, слушаетъ игру и пѣніе лишь въ половину, приготавливаясь къ приему величайшаго музыкальнаго артиста нашего времени — Листа!

Давно не было ни объ одномъ артистѣ столько толковъ, какъ о Листѣ. Почти всѣ газеты наши сообщили біографическіе очерки его; въ одной даже появился полиграфическій портретъ его. «Рѣдко можно найти одинъ листъ газеты — безъ Листа!» сказалъ одинъ забавникъ въ кондитерской Излера.

Въ ожиданіи прибытія знаменитаго виртуоза, что-то долго не разстающагося съ Митавою и Ригою, гдѣ видно нашель достойныхъ цѣнителей своего таланта, мы, однако же, имѣли много уже музыкальных наслажденій, и слышали всѣхъ пріѣзжихъ артистовъ, находящихся теперь въ Петербургѣ. Концерты начались, въ Воскресенье, 8-го Марта, концертомъ Дирекціи, съ живыми картинами, которыя въ нынѣшнемъ году ставитъ молодой декораторъ и машинистъ Г. Грифъ, Г. Сѣрковъ,

устроивавшій живыя картины въ продолженіе двухъ лѣтъ, нынѣ уѣхалъ въ Москву, и повезъ туда богатый портфель свой, изъ котораго заимствовалъ сюжеты для картинъ, постоянно привлекавшихъ публику въ предъидущихъ годахъ.

Затѣмъ былъ данъ музыкальный вечеръ виолончелистомъ Г. Гроссомъ, въ частной залѣ, а первый замѣчательный концертъ былъ данъ во Вторникъ, 10-го Марта, Г-мъ Сивори, ученикомъ Паганини. Наша публика, не слышавшая игры знаменитаго наставника, съ восторгомъ слушала достойнаго ученика, перенявшаго у Паганини не только весь механизмъ, но и всю душу его игры. Г. Сивори давалъ, на второй недѣль, еще одинъ концертъ, и отправился теперь въ Москву.

На слѣдующій затѣмъ день былъ данъ большой концертъ Филармоническимъ Обществомъ, въ пользу вдовъ и сиротъ музыкантовъ. Въ этомъ концертѣ была исполнена, въ первый разъ, новая *Историческая Орагорія: Петръ Великій*. Этотъ концертъ возбудилъ живѣйшее вниманіе не только просвѣщенныхъ любителей музыки, но и всѣхъ, кому дорога слава Россіи. При нынѣшней сильной разработкѣ родныхъ матеріаловъ въ области наукъ, литературы и искусствъ, онъ былъ вели-

колѣбный музыкальный праздникъ, достойный общаго участія даже по одной мысли изобразить звуками достопамятѣйшей эпохи жизни безсмертнаго Царя. Нельзя не сознаться, что не многіе сюжеты такъ богаты, такъ разнообразны, такъ величественны, такъ приличны для классической музыки, какъ сюжетъ, избранный композиторомъ исторической ораторіи: *Петръ Великій*. Тутъ заключается цѣлая эпопея, со всѣми своими тончайшими отбѣнками.

Подлинный текстъ ораторіи написанъ на Нѣмецкомъ языкѣ, Г. Гелбке, стихами звучными, исполненными глубокихъ мыслей и благоговѣйнаго удивленія къ чудеснымъ дѣламъ и подвигамъ Петра. Кроме того, все стихотвореніе отличается историческою вѣрностію, и въ сжатомъ объемѣ, указываетъ на самые разительные моменты Петрова царствованія, отъ колыбели до могилы Великаго.

Ораторія эта состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Въ первомъ описывается рожденіе Петра, съ предсказаніемъ Симеона Полоцкаго, возмущеніе Стрѣльцовъ, воинскіе игры Державнаго Отрока, начало флота, взятіе Азова, и путешествіе Петра за границу. Второе отдѣленіе начинается преобразованиемъ государства и народа. Далѣе слѣдуетъ борьба съ Карломъ, построеніе Петербурга, Полтавская битва, война съ Турціею, спасеніе Петромъ погибавшей лодки, и кончина Его. По этому численію статей нельзя, впрочемъ, судить о полнотѣ содержанія ораторіи; надобно прочесть текстъ, и тогда можно убѣдиться, что въ стихотвореніи есть и единство и полнота.

Переложеніе на Русскій языкъ текста ораторіи: *Петръ Великій*, принадлежитъ П. Г. Ободовскому. Ораторія переведена прекрасно, и если бы даже не назначалась для музыкальнаго исполненія, то просто для чтенія могла бы быть пріятнымъ подаркомъ. Кто знаетъ какъ трудно переводить текстъ, по которому уже на-

писана музыка, какія оковы стѣсняютъ въ подобной работѣ свободу автора, тотъ удивится, найдя въ этой ораторіи плавный, сильный, проникнутый мыслию стихъ, которымъ вообще отличается перо Г. Ободовскаго. Почтенный авторъ, конечно, не могъ педантически держаться подлинника, т. е. переводить *надстрочно*, но никто, въ настоящемъ случаѣ, не требуетъ такого невозможнаго труда, тѣмъ болѣе, что отступленіямъ Г. Ободовскаго мы даже обязаны многими поэтическими идеями и красотоми, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ.

Леопольдъ Фуксъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ контрапунктистовъ. Большая часть нашихъ лучшихъ артистовъ и любителей-музыкантовъ обязаны ему теоретическимъ образованіемъ своимъ. При всей учености своей, Г. Фуксъ отъявленный врагъ всякаго схоластическаго педантизма. Изданное имъ въ 1830 году, на Русскомъ языкѣ, сочиненіе: *Практическое руководство къ сочиненію музыки*, впервые ознакомило нашихъ соотечественниковъ съ главными законами и правилами музыкальной науки, и принесло уже обильные плоды. Квартеты и квинтеты Фукса, къ сожалѣнію, имъ неизданные, могутъ почитаться образцовыми по тщательной отдѣлкѣ и благородству стили. Музыка на оду Державина «Богъ», исполненная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ концертовъ Филармоническаго Общества, отличается многими красотоми и новыми эффектами, которые ставятъ его ораторію на ряду съ первоклассными произведеніями знаменитѣйшихъ авторовъ въ этомъ родѣ. Г. Фуксъ въ молодыхъ лѣтахъ прибылъ въ Россію, провелъ у насъ большую часть своей жизни, съ рѣдкимъ самотверженіемъ посвятивъ труды и способности свои новому отечеству. Столь благородная черта характера Г. Фукса достойна полнаго уваженія. Примѣры благодарности между иностранцами, за оказанныя имъ

въ Россіи радушіе, гостепрѣимство и благодаренія, весьма рѣдки! Потому принимаемъ съ любовію новый безкорыстный даръ Г. Фукса, его ораторію: Петръ Великій, и считаемъ его произведеніемъ отечественнымъ. Благодаримъ за выборъ предмета; одна мысль о Петрѣ заставляетъ сильнѣе биться Русское сердце.

Исполненіе ораторіи было самое блистательное, и новый трудъ Г-на Фукса былъ принятъ нашею просвѣщенною публикою съ восторгомъ.

Черезъ два дня послѣ того, въ Пятницу, 13-го Марта, дали, на Большомъ Театрѣ, концертъ Парижскія пѣвицы, Г-жи Даморо-Чинти и Корнелія Фальконъ. Зала Большаго Театра, оставшаяся пустою съ самаго прощальнаго спектакля Г-жи Талиони, вмѣстала въ себѣ въ тотъ вечеръ лучшее Петербургское общество, не пропускавшее ни одного изъ концертовъ этихъ двухъ пѣвицъ, бывшихъ украшеніемъ Парижскихъ оперныхъ театровъ. Г-жа Даморо-Чинти, владѣя образцовою методою, которая ей доставила званіе Профессорши Музыкальной Консерваторіи, донинѣ сохранила всю силу, всю гибкость голоса своего; Г-жа Корнелія Фальконъ, къ несчастію, не всегда можетъ считать на средства своего голоса, и никакъ не можетъ опредѣлить въ голосѣ ли она, или нѣтъ: въ одну секунду, отъ малѣйшаго напряженія, ея выразительный органъ, полный чувства и проникающій въ душу, ослабѣваетъ и лишаетъ ее возможности пѣнять своимъ пѣніемъ. Въ тотъ вечеръ, по счастью, она была въ голосѣ, и только въ послѣднихъ пѣсахъ, въ нѣни ея можно было замѣтить нѣкоторыя ноты, не совсѣмъ безукоризненныя. Но при всемъ томъ, что за метода, что за грація, что за отчетливость въ переливахъ! Прелесть!—Черезъ нѣсколько дней послѣ концерта, обѣ пѣвицы отравились въ Москву.

На другой день, въ Субботу, былъ данъ концертъ братьями Мауреръ, на Михайловскомъ Театрѣ, и зала была опять та-

ки полна, преимущественно потому, что пѣли Г-жа Даморо-Чинти и Корнелія Фальконъ. Братья Мауреры, старшій, Всеволодъ, замѣчательный виртуозъ на скрипкѣ, меньшой, Александръ, не менѣ примѣчательный виолончелистъ, такъ сказать, выросли въ глазахъ Петербургской публики, слѣдившей за постепеннымъ развитіемъ ихъ таланта. Нынѣ они уже съ честью могутъ явиться во всякой Европейской концертной залѣ, и поддержать громкое музыкальное имя Мауреровъ, прославленное учеными и притомъ граціозными композиціями отца ихъ, Л. Маурера.

Вторую недѣлю открылъ неподражаемый Бласъ (Blaes), превращающій кларнетъ въ какой-то совершенно новый и донинѣ не слыханный инструментъ. Это не фокус-покусы, не подражаніе какимъ либо другимъ инструментамъ, а нѣга, чувство, выразительность, доведенныя до высшей степени совершенства. Его эзо, на кларнетѣ, изумительно!

Во Вторникъ, 17-го Марта, давалъ концертъ, въ домѣ Г-жи Энгельгардтъ, нашъ соотечественникъ, молодой скрипачъ Н. Дмитріевъ, образовавшій талантъ свой у лучшихъ наставниковъ за границею. Игра Г. Дмитріева, отчетливая, пламенная, соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества классической методы съ лучшими отличительными чертами новой, нынѣшней школы. Г. Дмитріевъ, съ честью являвшійся, еще въ юныхъ лѣтахъ, во многихъ столицахъ Европы, нынѣ ежегодно собираетъ дань рукоплесканій своихъ соотечественниковъ, совершенствуя притомъ дарованіе свое, которымъ онъ дорожить, не менѣ какъ и вниманіемъ къ нему нашей публики.

На вторую же недѣлю концертовъ пало достопамятное 19-е число Марта, день торжественнаго вшествія побѣдоносныхъ Союзныхъ Войскъ въ Парижъ, день, въ который одно изъ благороднѣйшихъ искусствъ, музыка, платитъ свою дань заслуженнымъ воинамъ. Гигантскій концертъ, даваемый ежегодно въ Большомъ Театрѣ, 19-го

Марта, въ нынѣшній разъ былъ не менѣ пышенъ, не менѣ блистателенъ, какъ обыкновенно. Въ залѣ не оставалось ни одного незанятаго мѣста. Это былъ истинный патриотическій праздникъ!

Въ Субботу 24-го числа, былъ концертъ Г. Кнехта, молодаго виолончелиста, весьма любимаго въ нашей публикѣ. Онъ заслужилъ такія же громкія рукоплесканія, какъ и въ концертахъ, данныхъ имъ въ предшествующихъ годахъ.

И такъ, вотъ бѣглое обозрѣніе музы-

кальныхъ наслажденій Петербурга, въ ожиданіи прибытія Протея, чародѣя, перваго артиста изъ всѣхъ артистовъ — котораго пріѣздъ откладывается все далѣе и далѣе къ невыразимому нетерпѣнію публики.

Въ слѣдующей книжкѣ нашего изданія надѣмся уже подѣлиться съ читателями тѣми чувствами, которыя возбудитъ въ насъ игра — какъ сказываютъ — изумительная игра Листа.

РЕПЕРТУАРЪ.

САРАТОВСКІЙ ТЕАТРЪ (*).

Саратовскій Театръ, доставляющій такъ много развлеченія жителямъ Саратова, возбуждалъ въ насъ желаніе поговорить о его успѣхахъ, но артисты наши, какъ перелетныя птицы, съ первымъ тепломъ оставляютъ Саратовъ, и тѣмъ отнимаютъ возможность исполнить намѣреніе наше. Прошлое лѣто они были въ Симбирскѣ, гдѣ, говорятъ, радушный пріемъ публики доставляетъ имъ новыя средства къ поддержанію своей труппы. Наконецъ, минушею осенью, они возвратились къ своимъ пена-

тамъ, и очень кстати, то есть, когда южная природа Саратова становится мрачна и угрюма, и когда всякій выдумываетъ, какъ бы убить скучное время. Они начали представленія свои и постоянно собирали новую даяь восторговъ, иногда смѣха, иногда слезъ чувствительной публики. Говоря вообще, репертуаръ прошлой зимы былъ чрезвычайно разнообразенъ. Хлопотливый содержатель театра, пользуясь піесами, помѣщаемыми въ Репертуарѣ Русскаго Театра, дарилъ насъ или новыми, или повторялъ старыя, которыя занимательностію своею чаще привлекали посѣтителей. Безпрерывная постановка комедій, драмъ и всякой всячины, заставляетъ удивляться, какъ нашимъ артистамъ не измѣняетъ ни время, ни память; за то и Саратовская публика умѣетъ быть признательною: театръ почти всегда полонъ, и нашъ Саратовскій beau monde, и ком-

(*) Нашимъ изыскательнымъ столичнымъ критикамъ, конечно, покажутся невѣроятными или, по крайней мѣрѣ, преувеличенными, похвалы Саратовскому театру, въ этой статьѣ расточаемыя; мы не станемъ спорить съ ними, но почитаемъ въ нашемъ изданіи статью эту съ удовольствіемъ, видя, что и *въ глуши, въ Саратовѣ*, добрые люди вешелятся и вешелятся такъ благородно!

мерческая промышленность, и должностныя лица, все спѣшить въ театръ, иныя для того, чтобы посмотрѣть дѣйствительно на довольно интересную игру нѣкоторыхъ актеровъ; другіе находятъ здѣсь удовольствіе отъ встрѣчи съ знакомыми; однимъ словомъ, театръ, соединяя въ себѣ эти выгоды, сдѣлался для многихъ почти необходимымъ.

Въ это самое время, мы успѣли уже видѣть много піесъ, но замѣчательными по исполненію назовемъ: *Путаницу*, гдѣ въ роли Клушиной была особенно хороша Г. *Стрѣлкова*; *Сардамскаго корабельнаго мастера*, въ которомъ роли Бидера Г. *Борисоглѣбскимъ* и Франца Г. *Романовскимъ* выполнены чрезвычайно отчетливо; *Июлкина*, исполненнаго тѣмъ же Борисоглѣбскимъ съ равнымъ успѣхомъ, *Рославлева*, *Уголино*, *Пампу*, *Юрія Милославскаго*, *Матильду*, или *Ревность*, и проч.

Кромѣ названныхъ здѣсь лицъ, можно указать и на другихъ, игра которыхъ тоже пзвѣстна со стороны выгодной; напри- мѣръ, дѣвица *Завидова* въ большихъ операхъ и драмахъ; Г-жа *Романовская* въ драмахъ и водевиляхъ; Г-жа *Новикова* въ роляхъ старухъ-крестьянокъ и субретокъ; Г. *Косляковский* въ роляхъ стариковъ-служакъ, опекуновъ и дядей-богачей; Г-жа *Гусева* въ роляхъ бранчивыхъ старухъ, домоправительницъ и степныхъ барынь; кромѣ того, имѣя сильный контръ-альто, она поетъ очень хорошо Русскія пѣсни; Г. *Васильковъ* удивляетъ способностію играть слугъ, и въ *Ревизорѣ*, роль *Осипа* исполняетъ превосходно; Г-жа *Мочалова-Франціева*, въ трагедіяхъ и драмахъ, по преимуществамъ игры своей, должна стать выше всѣхъ упоминаемыхъ актрисъ: способности, усиленные опытомъ, даютъ ей вѣрныя средства приводить зрителей въ восхищеніе; дѣвица *Николаева*, молодая, но съ сильнымъ дарованіемъ актриса, обладаетъ отличными способностями для водевиля; при уча-

стїи ея успѣхъ водевиля всегда почти вѣренъ; прїятный голосъ и благородная манера отличаютъ ее отъ многихъ; Гг. *Лидинъ* и *Михайловъ* — одинъ порядочный пѣвецъ, другой прекрасный комикъ, доставившій въ продолженіе прошлой зимы зрителямъ много прїятныхъ минутъ своею игрою, всегда вѣрною и отчетливою.

Вся эта труппа усилена, въ послѣднее время, прїобрѣтеніемъ новаго актера, Г. *Залесскаго*, съ женою его, что дѣлаетъ честь выбору содержателя театра. Залесскій дебютировалъ уже во многихъ роляхъ, но больше удачное исполненіе ихъ замѣтно только въ водевиляхъ; тамъ онъ чрезвычайно интересенъ, и смѣшить всѣхъ своею игрою. Такъ, напри- мѣръ, въ піесѣ *Жена всему вина*, онъ явился на сцену въ роли Резинкина, какъ отчаянный повѣса, промотавшійся игрокъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поправить свое состояніе выгодною женитьбою, и здѣсь-то именно можно было видѣть, до какой степени естественна игра его: безпечная самоувѣренность въ успѣхъ, комическіе приемы, наконецъ планы, которые онъ обнаруживаетъ въ бреду, и намѣреніе отправить тещу въ сумасшедшій домъ, обличаютъ въ немъ отличнаго комика; напротивъ того, принимая роли въ піесахъ драматическихъ, онъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ. Желательно, чтобы Г. Залесскій воспользовался этимъ замѣчаніемъ, и исполнялъ роли, болѣе близкія способностямъ его. Г-жа *Залесская* тоже можетъ стать на ряду съ лучшими актрисами: въ короткое время, она успѣла расположить публику въ свою пользу, преимущественно въ водевиляхъ; владѣя порядочнымъ голосомъ, она была очень мила въ роли *Кетли*, но кажется, могла бы употребить себя съ большимъ успѣхомъ въ піесахъ, больше значительныхъ.

Г. *Борисоглѣбскій*, пзвѣстный уже здѣшней публикѣ, какъ первое лице въ трагедіяхъ и драмахъ, еще больше упр-

чиваетъ пріобрѣтенную имъ славу. Онъ очень удачно выбралъ для бенефиса своего *Алхимика*: сюжетъ этой пьесы конечно извѣстенъ многимъ. Представленіе ея дало бенефицианту (въ роли *Бенволіо*) и Г-жѣ *Мочаловой-Франціевой* (въ роли *Франчески*) новыя средства выказать замѣчательную силу игры ихъ. Ревность послѣдней, какъ жены Бенволіо, имѣя источникомъ связи перваго съ другимъ лицомъ пьесы, *Магдалиною*, доходившая до изступленія, была жива и естественна. Въ безсильныхъ порывахъ такого чувства, она прибѣгаетъ къ мщенію, открывая влюбленному въ нее *Подестѣ* (Г. *Романовскій*) незаконныя средства обогащенія своего мужа, не зная однако же, что эти самыя средства могли обнаружить мнимое преступленіе Бенволіо въ убійствѣ *Дона Гримальди*, богатаго скряги старика, умерщвленнаго племянникомъ его, *Графомъ Леліо*. Какъ на этомъ обстоятельствѣ опирался весь интересъ драмы, то Г-жа *Мочалова-Франціева* удивительно какъ хорошо умѣла выразить, и пламенную любовь къ мужу, и невольное предательство измѣнницы, но этимъ еще ограничивалось торжество ея роли: минута, въ которую она узнаетъ, что мужъ ея признанъ убійцею Гримальди, собственно потому только, что воспользовался оставшимся послѣ его богатствомъ, и что *Подеста*, пользуясь симъ случаемъ, указываетъ на Бенволіо, какъ на преступника, приговореннаго уже къ смерти, была верхъ искусства игры Г-жи *Мочаловой-Франціевой*. Раскаяніе, дошедъ до предѣловъ того убѣжденія, которымъ она была полна, какъ орудіе предательства мужа, явилось во всей своей силѣ; для ревности не было уже мѣста: она была поглощена глубокою, пламенною страстію къ Бенволіо. Мольбы о прощеніи, слезы любви, готовый раздѣлять позорную смерть, ожидавшую ея мужа, все это соединилось вмѣстѣ и произвело въ зрителяхъ тотъ восторгъ, который могло со-

здать только одно необыкновенное искусство артистки. Эта роль, по мнѣнію многихъ, превышала достоинствомъ ту, какую занималъ Г. *Борисоглѣбскій*, что однако же не можетъ обвинять бенефицианта, тѣмъ болѣе, что въ возможныхъ мѣстахъ его роли игра его развивалась рѣзко и съ силою: напримѣръ, гдѣ онъ видѣлъ, что правосудіе, убѣжденное однимъ темнымъ и невѣрнымъ подозрѣніемъ, обрекало его смерти, и гдѣ онъ однимъ словомъ могъ уничтожить ужасный приговоръ, указавъ на истиннаго убійцу, тамъ Г. *Борисоглѣбскій* былъ неподражаемъ: онъ умѣлъ постигнуть высокій и благородный характеръ роли, и рѣшимость пожертвовать скорѣе собою, нежели быть орудіемъ гибели человѣка, вѣрившаго ему, такъ сказать, свое преступленіе. Не менѣе хорошо былъ высказанъ имъ монологъ, исполненный негодованія къ народной толпѣ, которая слѣдитъ съ какимъ-то безотчетнымъ, холоднымъ любопытствомъ ужасныя сцены эшафота. Публика увлеклась интересною завязкою пьесы и точнымъ исполненіемъ ея, и радовалась невольно, когда *Леліо*, пресыщенный жизнью, сознался въ своемъ преступленіи и спасъ мнимаго преступника. Переходъ отчаянія къ радости былъ со стороны Г-жи *Мочаловой-Франціевой* чрезвычайно естественъ. Благодаримъ ее за минуты удовольствія, доставленныя ея игрою, также какъ и за прекрасный выборъ пьесы для своего бенефиса: *Купленное дитя*, или *Мать преступника*, исполненной очень удачно.

Отдавая справедливость Саратовскимъ артистамъ, мы не можемъ, однако же, не сознаться, что содержатель здѣшняго театра удивилъ публику смѣлымъ назначеніемъ оперы: *Аскольдова могила*, оперы доступной пока только для театровъ столичныхъ. Всѣ изумились такому объявленію, и были готовы вѣрить, что въ *Аскольдовой могилѣ* будетъ погребена добрая извѣстность Саратовскаго

Театра, или по крайнѣй мѣрѣ, эта опера осуществитъ собою квартетъ знаменитаго нашего баснописца. Вышло напротивъ: успѣхъ былъ неожиданный! Костюмы, обстановка, игра, музыка, да же пѣніе нѣкоторыхъ, все отвѣчало одно другому, и привело зрителей въ восхищеніе. Изъ числа лицъ, участвовавшихъ въ семъ представленіи, особенно обратила на себя вниманіе дѣвица *Николаева*, въ роли *Надежды*. Ея пріятный голосъ и привлекательная наружность поставили ее выше всѣхъ похвалъ; она была вызвана съ громкимъ рукоплесканіемъ нѣсколько разъ. Мы сами, еще такъ недавно замѣтивъ ей отступленіе отъ нѣкоторыхъ условій сцены, соглашаемся, что дѣвица *Николаева* глубоко, строго поняла роль свою, и изгладилла прежде сдѣланное ею впечатлѣніе. Не скроемъ отъ нея общаго отзыва и желанія любителей театра, чтобы она сколько можно чаще принимала подобныя роли. Пусть она разстанется съ водевильными куплетами, и передастъ ихъ кому хочетъ: прямое и настоящее назначеніе ея есть ампула въ серіозныхъ операхъ. Дѣв. *Николаева*, кромѣ всегда отчетливой игры своей, заслуживаетъ полную признательность за назначеніе прекрасныхъ пѣсень въ бенефисъ ея: *Мессинской невѣсты* и *Станислава*, или *Не всякій это съдѣлаетъ*, изъ которыхъ послѣдняя есть мес plus antra въ исполненіи.

Другое лице въ помянутой оперѣ, по достоинству пѣвца, есть, безъ сомнѣнія, *Г. Бажановъ*, актеръ съ пріятнымъ, сильнымъ теноръ-басомъ. Видѣвшіе *Аскольдъ Могила*, вѣрно согласятся, что въ ней роль *Неизвѣстнаго* есть роль трудная, и е-то *Бажановъ* выполнилъ весьма хорошо. Советуемъ содержателю театра обратить вниманіе на этого актера, который для оперы есть суцая находка, и можетъ быть въ ней украшеніемъ. Къ довершенію удовольствія, полученнаго зрителями, скажемъ, что роль *Торопа* игралъ любимецъ ихъ, *Г. Залесскій*, мо-

лодой актеръ и одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ комиковъ. Нѣкоторыя мѣста своей роли: *Ужъ какъ влетѣть въ терокъ* и *Близко города Славянска*, онъ провѣдъ такъ удачно, что отъ него требовали повторенія. Хоры въ оперѣ были вообще хорошо согласованы. Однимъ словомъ, опера сошла съ рукъ такъ удачно, что ее давали послѣ нѣсколько разъ, и всегда съ равнымъ успѣхомъ.

Не менѣе важнымъ явленіемъ на здѣшней сценѣ было представленіе *Фра-Диавола*, знаменитой оперы *Обера*, данной въ бенефисъ содержателя театра, *Г. Стрѣлкова*. Исполненіемъ ея онъ убѣдилъ, что труппа его можетъ дѣлать счастливые опыты въ подобныхъ пѣскахъ, а программы не удивить болѣе публики своимъ содержаніемъ. Дѣвица *Николаева* и здѣсь обнаружила прекрасный талантъ свой. Въ роли *Церлины*, роли трудной и многосложной, она была совершеннымъ украшеніемъ оперы, оставивъ для всѣхъ полное убѣжденіе, что для нея нѣтъ препятствій, которыхъ бы не въ страхъ была она побѣдить своею превосходною игрою. Грѣшно будетъ однако же сознаться, чтобы прочія лица содѣйствовали наряду съ нею исполненію пѣсень, кромѣ *Г. Косяковскаго*, въ роли путешествующаго *Лорда*, и хоровъ, поддерживавшихъ оперу по крайнему разумію.

Здѣсь давали нѣсколько разъ *Велигерія*. Не выдавъ его, мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего сказать о немъ, но вѣримъ только общему приговору публики, отзывающейся объ исполненіи этой драмы удовлетворительно.

Вотъ бѣглый взглядъ на то, что совершается на Саратовской сценѣ. Передавая такимъ образомъ замѣчанія наши, мы не можемъ, однако же, оставить безъ вниманія нѣкоторыхъ недостатковъ ея. Известно, что драматическое искусство должно имѣть главнымъ условіемъ прямое и сколько можно естественное приспособленіе лица, исполняющаго роль, къ принимае-

тому имъ характеру: отъ сего зависитъ успѣхъ артиста, и этимъ же рѣшается участь всей пьесы. Противное такому правилу направленіе роли искажаетъ лучшее произведеніе автора, охлаждаетъ вниманіе зрителя, и пьеса, какъ бы ни былъ занимателемъ сюжетъ ея, упадаетъ. Последнее, къ сожалѣнію, бываетъ замѣтно на здѣшней сценѣ. Актеры и актрисы принимаютъ иногда роли, вовсе не соответственныя способностямъ ихъ, отчего и пьеса идетъ вяло, дурно. Отвратить сію погрѣшность зависитъ отъ содержателя театра. Онъ не долженъ допускать самовольное присвоеніе ролей, но руководствоваться въ назначеніи ихъ строгою разборчивостью, по способностямъ каждаго. Это будетъ хорошо и потому, чтобъ иной насмѣшникъ не нарядилъ недовкаго исполнителя роли въ *Тришкинъ кафтанъ*, или, чего добраго, пожалуй, не примѣнилъ къ сему случаю извѣстный стихъ:

«И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архца Сидоромъ, Козму Лукой писала.»

Объяснять еще больше такія вещи, мы не беремся. Пусть тотъ же содержатель театра распорядится здѣсь какъ знаетъ, по усмотрѣнію своему, для пользы театра. Другой предметъ, тоже относящійся къ недостаткамъ сцены, требуетъ справедливаго замѣчанія: это небрежное исполненіе ролей нѣкоторыми лицами, въ особенности комиками. Наблюдая иногда тщательно за ходомъ пьесы, замѣчаешь съ неудовольствіемъ, что роли выучиваются плохо, такъ, что дикція суфлера становится нескромною. Случается и то, что эти Гр. комики, съ какою-то слѣпою самоувѣренностію, допускаютъ фарсы, не входившіе, вѣроятно, никогда въ планъ пьесы; этого мало, произноса слова, они, такъ сказать, прислушиваются къ нимъ, или смѣются тамъ, гдѣ требуется отъ нихъ принужденная важность. Бить можетъ, это возбуждается ложною мыслию произвести болѣе эффекта, или дѣлается съ невиннымъ желаніемъ угодить высокой пуб-

ликѣ, то есть помѣщающейся въ райкѣ, въ которой всякая наглая выходка и пошлая острота производятъ восхищеніе; но, скажите, вы, закулисные импровизаторы, скажите, за кого же вы принимаете остальную часть публики, и за что же она должна страдать, не готовая разделять съ первою восторговъ? Всякій, сколько нибудь образованный зритель, спѣшитъ въ театръ не для того, чтобъ любоваться, какъ въ холстинномъ балаганѣ, салтоморталями фигуранта, или грязными фокусами площаднаго гаера, но собственно по убѣжденію найти удовольствіе въ искусствѣ изящномъ, искусствѣ, способствующемъ народному образованію. Пусть тѣ, къ кому могутъ ближе относиться подобныя замѣчанія, примутъ ихъ въ соображеніе, не допуская отнюдь мысли, чтобы они вылились изъ-подъ пера привязчивой критики; напротивъ, это общій отголосокъ посѣщающихъ театръ Саратовскій, и желающихъ ему усовершенствованія, слѣдовательно, отголосокъ безпристрастный.

Не лишнимъ будетъ сказать и о театральномъ оркестрѣ. При исполненіи водевилей, публика неоднократно замѣчала, что музыка его почти вездѣ однообразна, и что она слышится въ одной пьесѣ, то же повторяется почти во всѣхъ. Случалось даже такъ, что въ продолженіе одного вечера, въ который даются три или четыре водевиля, оркестръ играетъ одну и ту же партитуру. Весьма натурально, что такая монотонная игра производитъ на зрителей очень неприятное дѣйствіе: одинъ отворачивается отъ сцены, другой зѣваетъ какъ отъ снотворнаго приѣма, а прочіе просто теряютъ терпѣніе, и оставляютъ театръ.

Всякому извѣстно, что музыкальный авторъ, гармонируя стихамъ водевиля, приспособляетъ къ нимъ всю инструментовку, и чрезъ то оживляетъ пьесу; напротивъ, отдавая острые и замысловатые куплеты какъ будто въ жертву не-

сообразной, несвойственной имъ композицій, отнимають у волеволя его достоинство. Это замѣчаніе должно передать капельмейстеру оркестра, Г. Новикову, въ томъ предположеніи, что онъ устранитъ столь важный недостатокъ. Вѣримъ ему тѣмъ охотнѣе, что Г. Новиковъ, понимая хорошо свое дѣло, и преданный пользамъ театра, усердно исполняетъ свою обязанность, подаривъ публику постановкою упомянутыхъ выше оперъ, и безъ содѣйствія котораго мы были бы лишены удовольствія ихъ видѣть.

Наконецъ, кстати нѣсколько словъ о самомъ помѣщеніи театра. Зданіе, въ которомъ присутствуютъ наши степныя музы и граціи, и отъ котораго заимствуетъ названіе окружающая его площадь, находится не совсѣмъ въ завидномъ состояніи. Въ наружномъ видѣ его скорѣе можно замѣтить огромный сарай, складочное мѣсто или что-то въ этомъ родѣ, нежели мѣсто, посвященное искусству и удовольствіямъ. Внутреннее расположеніе его

отвѣчаетъ внѣшнему. Такое замѣчаніе имѣетъ цѣлю внушить содержателю театра, чтобы онъ постарался изыскать способы къ лучшему устройству театра, если не рѣшительно въ новомъ видѣ, то къ возможному возобновленію: не мѣшало бы также позаботиться о лучшемъ освѣщеніи театральной залы, въ которой постоянно господствующій мракъ (кромѣ бенефисовъ), наводитъ на всѣхъ какое-то неприятное впечатлѣніе. Собственные средства театра для всего этого, конечно, скудны, но ихъ, кажется, можно бы замѣнить нѣсколькими представленіями въ пользу театра. Такой совѣтъ тѣмъ больше имѣетъ основанія, что въ пособіи любителей театра сомнѣваться не должно, и что возобновленіе его, давъ лучшей видъ зданію, привлекло бы, безъ сомнѣнія, большее число посѣтителей. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, публика очень признательна содержателю театра, усердно озабоченному къ поддержанію его.

Въ продолженіи нашей статьи мы должны упомянуть о нѣкоторыхъ изъ недавнихъ постановокъ. Въ началѣ сего года на сценѣ театра представлено было нѣсколько оперъ, изъ коихъ нѣкоторыя заслуживаютъ особеннаго вниманія. Такъ, въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ оперу «Семь летъ вѣнцъ», которую поставилъ самъ Г. Новиковъ. Эта опера, написанная въ 1771 году, представляетъ собою прекраснѣйшее произведеніе искусства. Она отличается необыкновенною гармоніею, и въ то же время имѣетъ большую драматическую цѣльность. Въ оперѣ «Семь летъ вѣнцъ» мы видимъ, какъ талантливый композиторъ умѣетъ соединить въ себѣ и музыкальную красоту, и драматическую истинность. Эта опера, поставленная въ 1771 году, имѣетъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, и заслуживаетъ, чтобы ее ставили на сценѣ нашего театра. Другая опера, которую поставилъ Г. Новиковъ, это опера «Семь летъ вѣнцъ». Эта опера, написанная въ 1771 году, представляетъ собою прекраснѣйшее произведеніе искусства. Она отличается необыкновенною гармоніею, и въ то же время имѣетъ большую драматическую цѣльность. Въ оперѣ «Семь летъ вѣнцъ» мы видимъ, какъ талантливый композиторъ умѣетъ соединить въ себѣ и музыкальную красоту, и драматическую истинность. Эта опера, поставленная въ 1771 году, имѣетъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, и заслуживаетъ, чтобы ее ставили на сценѣ нашего театра.

Въ продолженіи нашей статьи мы должны упомянуть о нѣкоторыхъ изъ недавнихъ постановокъ. Въ началѣ сего года на сценѣ театра представлено было нѣсколько оперъ, изъ коихъ нѣкоторыя заслуживаютъ особеннаго вниманія. Такъ, въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ оперу «Семь летъ вѣнцъ», которую поставилъ самъ Г. Новиковъ. Эта опера, написанная въ 1771 году, представляетъ собою прекраснѣйшее произведеніе искусства. Она отличается необыкновенною гармоніею, и въ то же время имѣетъ большую драматическую цѣльность. Въ оперѣ «Семь летъ вѣнцъ» мы видимъ, какъ талантливый композиторъ умѣетъ соединить въ себѣ и музыкальную красоту, и драматическую истинность. Эта опера, поставленная въ 1771 году, имѣетъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, и заслуживаетъ, чтобы ее ставили на сценѣ нашего театра. Другая опера, которую поставилъ Г. Новиковъ, это опера «Семь летъ вѣнцъ». Эта опера, написанная въ 1771 году, представляетъ собою прекраснѣйшее произведеніе искусства. Она отличается необыкновенною гармоніею, и въ то же время имѣетъ большую драматическую цѣльность. Въ оперѣ «Семь летъ вѣнцъ» мы видимъ, какъ талантливый композиторъ умѣетъ соединить въ себѣ и музыкальную красоту, и драматическую истинность. Эта опера, поставленная въ 1771 году, имѣетъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, и заслуживаетъ, чтобы ее ставили на сценѣ нашего театра.

IV. СМѢСЬ.

ЛЕГКИЙ СПОСОБЪ УСТРОЙСТВА ДОМАШНЯГО ТЕАТРА.

(Съ чертежемъ.)

Очень часто должно отказываться отъ одного изъ самыхъ приятныхъ препровождений времени въ обществѣ, отъ домашняго спектакля, по затрудненію къ устройству сцены. Рѣдко можно найти квартиру, расположенную такъ, чтобы въ ней была лишняя большая комната, и притомъ въ сторонѣ, т. е. такая, черезъ которую не должно было бы проходить гостямъ, и гдѣ можно было бы заранѣе построить помость сцены, со всѣми принадлежностями театрика. Предположивъ даже, что есть такая комната, и что въ ней построена сцена, должно на цѣлый вечеръ лишиться большой комнаты, молодежи негдѣ танцовать, и спектакль, вмѣсто удовольствія, привлекаетъ скуку.

Предлагаемое нами здѣсь легкое устройство театра, конечно, не можетъ замѣнить совершенной сцены, съ помостомъ и съ переланною завѣсою, но имѣетъ то важное преимущество, что не причиняетъ ни какого разстройства въ квартирѣ, постановляется на мѣсто за пять минутъ до начала спектакля, а по окончаніи складывается двумя лакеями, которые относятъ всю сцену, въ одну минуту, въ сосѣднюю комнату. Наша сцена, притомъ, годна въ комнату разныхъ размѣровъ, большую и малую, широкую и продолговатую.

Намъ показывалъ сцену такого устройства, въ Парижѣ, извѣстный чревовѣщатель и мимическій актеръ Александръ,

бывшій и у насъ, въ Петербургѣ. Она была устроена для домашнихъ спектаклей въ Тюльерійскомъ Дворцѣ, на половинѣ Герцогини Беррійской, и съ тѣхъ поръ хранится у него. При всей простотѣ устройства этой сцены, Александръ могъ довольствоваться ею для своихъ представлений въ присутствіи Двора Карла X. «Гости были въ залѣ,» говорилъ онъ намъ: «по данному знаку, два придворные лакея приносили всю сцену, сложенную въ видѣ ширмы, разставляли ее, какъ имъ было указано заранѣе, и я немедленно начиналъ представленіе. По окончаніи, я не успѣвалъ оглянуться, какъ уже все исчезало, и о сценѣ не было и поминна.»

Разумѣется, что при этомъ устройствѣ сцены можно играть только пьесы, въ которыхъ театръ представляетъ комнату. При всемъ томъ, однако же, можно имѣть комнату богатую и простую, комнату съ дверьми въ глубинѣ театра и по сторонамъ, съ одною дверью, или совсѣмъ безъ дверей по сторонамъ, комнату съ окнами и безъ оконъ.

«При представленіи шарадь у Герцогини Беррійской,» рассказывалъ намъ Александръ, «поступали точно какъ встарину, на площадныхъ театрахъ: т. е., декорация оставалась все одна и та же, а только вывѣшивали надъ нею надпись: *Театръ представляетъ улицу*, или: *Театръ представляетъ льса*, и т. под.»

Этой крайности избѣгать очень легко: стоитъ лишь не выбирать пьесъ съ трудными декорациями. Въ большей части во-

девицей и песокъ, игр емыхъ на домашнихъ театрахъ, дѣйствіе происходитъ въ комнатахъ.

И такъ приступимъ къ описанію.

Предлагаемое нами здѣсь устройство сцены состоитъ изъ большой складной ширмы, раздвигающейся и сдвигивающейся произвольно, смотря по величинѣ комнаты, въ которой желаютъ представить піесу. Она и та же ширма можетъ служить въ комнатѣ, имѣющей десять, двѣнадцать аршинъ ширины, и въ комнатѣ въ половину меньше того, даже въ комнатѣ аршинъ четырехъ шириною.

Должно заказать двѣнадцать рамокъ, вышиною аршина въ четыре, шириною въ аршинъ или нѣсколько болѣе. Шесть изъ этихъ рамокъ должны быть просто сложены изъ четырехъ планокъ, и для большей прочности снабжены перекладинами; на нихъ натягиваютъ грубый холстъ, который въ послѣдствіи раскрашивается, или на который наклеиваютъ обои или цвѣтную бумагу. Остальныя шесть рамокъ должны быть сдѣланы по образцамъ, означеннымъ на чертежахъ подѣ литерами *a. b.* и *c*; т. е., двѣ по образцу *a*, такимъ образомъ, чтобы будучи приставлены одна къ другой сторонами *e d*, образовалась средняя дверь, означенная на чертежѣ подѣ лит. *A*. Затѣмъ должны быть сдѣланы двѣ рамы по образцу *b*, для образованія боковыхъ оконъ, или частей ширмы подѣ лит. *B*; наконецъ, двѣ рамы по образцу *c*, для боковыхъ дверей *C*.

На всѣ эти рамки натягивается холстъ или твердая картузная бумага, потому двери раскрашиваются, съ одной стороны желтою краскою, съ другой темною; окна раскрашиваются также съ обѣихъ сторонъ, или въ нихъ натягиваютъ, вмѣсто стеколъ, грубую кисею голубаго цвѣта. Меньшія рамки, образующія двери и окна, прикрѣпляются къ большимъ рамамъ петлями. Все прочее оклеивается обоями, съ одной стороны, напимѣръ, богатыми голубыми или желтыми, а съ другой скром-

ными сѣренькими. Карнизъ расписывается также двояко: съ одной стороны можно наклеить по нему богатые бордюры съ золотомъ, съ другой оставить бѣлую полосу.

Всѣ эти рамы должно соединить между собою петлями, наглухо, или по образцу, показанному на чертежѣ подѣ лит. *f*, т. е. шпилькою, прикрѣпленною къ шнурку. — Обѣ рамы, образующія среднюю дверь, не должно ни въ какомъ случаѣ сколачивать наглухо, а соединять лишь шпилькою на шнурочкѣ (лит. *f*) или по образцу *e*, такъ, чтобы можно было, для большого удобства, раздѣлять всю ширму на двѣ части.

Ширма, представленная на нашемъ чертежѣ, даетъ понятіе о сценѣ, поставляемой въ какой угодно комнатѣ, въ одно мгновеніе, и притомъ не требуя вколачиванія ни одного гвоздика. Подѣ литерами *l, m, n* и *o* представлены различныя расположенія нашихъ ширмъ, смотря по величинѣ комнаты.

Подѣ лит. *l* вы видите планъ расположенія ширмы, какъ она изображена на верху чертежа, предполагая, что она поставлена стороною, представляющею богатую комнату.

Подѣ лит. *n* представленъ планъ ширмы со стороны простой комнаты. Смотря по величинѣ комнаты, можно откинуть рамку *p* къ точкѣ *q*, или оставить въ томъ же положеніи, или же, наконецъ, приложить ее плотно къ слѣдующей за нею рамѣ (*r*); (въ послѣднемъ случаѣ, эта рама закроетъ окно, находящееся на второй рамкѣ). Здѣсь должно замѣтить, что для большаго эффекта, лучше всего оклеить обѣ крайнія рамы (*S*) съ обѣихъ сторонъ красными или малиновыми обоями, въ видѣ драпировки, такъ чтобы онѣ рѣзко отдѣляли сцену отъ остальной части залы.

Подѣ лит. *m* представлена наша ширма съ богатой стороны, но сложенная такъ, чтобы она помѣстилась въ комнатѣ аршинъ въ шесть; рамки сложены такимъ образомъ, что съ одной стороны сцены находится окно, съ другой дверь.

Подъ лит. о вы видите планъ ширмы съ бѣдной стороны, расположенной такимъ образомъ, чтобъ она помѣстилась въ комнату не болѣе четырехъ аршинъ ширины, и все таки имѣя дверь въ глубинѣ, а по сторонамъ дверь и окно.

По этимъ примѣрамъ можно будетъ легко постигнуть всѣ различные способы расположенія нашей ширмы. Для большаго уразумѣнія нашихъ словъ советуемъ вырѣзать ленту изъ бумаги, сложить ее на двѣнадцать ровныхъ частей, и назначить на нихъ, по чертежу, двери и окна, съ обѣихъ сторонъ, и потомъ складывать и расширять ширму по надобности.

Для освѣщенія этой сцены, во-первыхъ, служить люстра, горящая въ бальной залѣ, или лампы, прикрѣпленные къ стѣнамъ. Во-вторыхъ, можно привѣшивать лампы и къ крайнимъ боковымъ рамкамъ.

Важнымъ удобствомъ для актеровъ-любителей, при такой ширмѣ, должно еще назвать и то, что за кулисами остается много мѣста, и можно свободно сообщаться съ обѣихъ сторонъ сцены, чего обыкновенно не бываетъ на домашнихъ театрахъ, устраиваемыхъ съ значительными хлопотами и издержками.

ОБЕРЪ.

Оберъ родился 29-го Января 1784 года, въ Канѣ (Саен), куда ѣздили родители его изъ Парижа. Будучи сыномъ богатаго торговца эстампами, онъ получилъ прекрасное воспитаніе дома. Впрочемъ, за это воспитаніе онъ преимущественно обязанъ матери своей, женщины весьма образованной и находящейся еще въ живыхъ. Оберъ почувствовалъ наклонность къ музыкѣ съ самой ранней молодости и, задумавъ быть пианистомъ, учился играть на фортепіанѣ у одного изъ лучшихъ виртуозовъ того времени, у Ладюрнера. Отецъ Обера, желавшій, чтобы онъ занимался торговлею, отправилъ было его въ Лондонъ, для занятій у одного купца тамошняго; но Оберъ, которому вовсе не нравилась торговля, векорѣ покинулъ столицу Англіи и воз-

вратился въ Парижъ. Его пріятное, ловкое обращеніе и его отличный талантъ музыкальный, доставили ему въ скоромъ времени доступъ въ высшее Парижское общество, котораго сдѣлался онъ любимцемъ, благодаря своимъ романсамъ и другимъ мелкимъ вокальнымъ піескамъ. Но въ то же время, (около 1816 года) написалъ онъ тріо для фортепіана, скрипки и виолончели, которое доказало, что онъ имѣетъ неподдѣльное дарованіе къ инструментальной музыкѣ. Это подтвердилось еще болѣе, когда узнали, что всѣ виолончельные концерты знаменитаго виолончельста Ламара, концерты, обратившіе на себя большое вниманіе, были сочинены Оберомъ. Однако жъ, талантъ Обера принималъ между тѣмъ направленіе драматическое. Первыми опытами Обера въ драматическомъ родѣ были оперы, которыя онъ сочинялъ для нѣкоторыхъ частныхъ театровъ въ Парижѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что для того, чтобы создать что нибудь замѣчательное, ему надобно изучить музыку глубже и основательнѣе. Къ счастью его, Керубини (котораго сдѣлался онъ теперь перемѣникомъ), угадавшій его дарованіе, радушно принялъ на себя трудъ руководить его своими наставленіями, и Оберъ такъ хорошо воспользовался ими, что весьма скоро сумѣлъ стать на ряду съ лучшими учениками Керубини. Первая комическая опера Обера, имѣвшая успѣхъ и упрочившая извѣстность его, какъ опернаго композитора, была *Bergère Chdtelaine*, которую играли въ первый разъ въ 1820 году. Послѣ того написалъ онъ *Эмму*, имѣвшую также замѣчательный успѣхъ. За Эммою послѣдовали *Сильзъ* (1823), *Придворный концертъ* (1824), *Каменщикъ* (1825), *Фиорелла*, (1828), *Невѣста* (1828), *Фра-Діаволо*. Но самымъ лучшимъ его произведеніемъ была *Ньмая въ Портучи*, піеса, имѣвшая такой успѣхъ, какого, со времени появленія *Весталки*, *Спонтини*, не имѣла ни одна опера, какого не имѣлъ

даже Вильгельмъ Тель, Россини, представленный въ Парижѣ годъ спустя послѣ появленія Нѣмой, въ которой Оберъ умѣлъ соединить и изобрѣтеніе, и грацію, и огонь, и сильную инструментовку. Послѣ Нѣмой, появились: *Влюбленная балдерка*, которая почти вытѣснила со сцены «*Любовный напитокъ*» Донизети; *Клятва* и *Густавъ III*, или *Маскарадъ*, піеса, которой одно пятое дѣйствіе приобрьло нѣкоторую извѣстность. Новѣйшія произведенія его: *Лестокъ*, *Бронзовый конь*, *Коронные алмазы* и пр. а самая недавняя его опера есть *Герцогъ Олонья*, которая дается теперь въ Парижѣ на театрѣ Комической Оперы, съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ. Впрочемъ, кромѣ собственныхъ заслугъ Обера, успѣху произведеній его много содѣйствовали Г-жа Даморо и Нурри. Въ частной жизни, Оберъ невзыскателенъ, скромнѣнъ, ласковъ и обязателенъ. Избраніе его директоромъ Консерваторіи, на мѣсто Керубини, должно, безъ сомнѣнія, привести пользу этому заведенію.

СТАРИННОЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ О ТЕАТРѢ

Сообщаемъ читателямъ нашимъ слѣдующее любопытное постановленіе Французскаго Короля Лудовика XIII относительно театра:

«Декларация Короля Лудовика XIII касательно комедіантовъ, отъ 16-го Апрѣля 1644 года.

«Мы, Божіею милостію, Лудовикъ, Король Французскій и Наварскій, желаемъ благоденствія всѣмъ, до кого дойдетъ сіе постановленіе. Всегдашнія щедроты, которыми осыпаетъ Господь царствованіе наше, болѣе и болѣе вынуждаютъ насъ принять всѣ мѣры къ удаленію вѣчнаго нечестія, оскорбляющаго Его величіе; а такъ какъ мы страшимся, чтобы комедіи, съ пользою представляемыя для забавы народовъ, не сопровождалась иногда непристойными (*peu honnêtes*) представленіями, оставляющими дурное впе-

чатлѣвіе въ умахъ, то и рѣшились строго повелѣть избѣгать снѣ неудобствъ (*inconvéniens*). По снмъ причинамъ мы строго воспретили и воспрещаемъ снмъ постановленіемъ, собственноручно нами подписаннымъ, всѣмъ комедіантамъ представлять непристойныя дѣянія (*actions malhonnêtes*) и употреблять слова сладострастныхъ, или импьюція двоякій смыслъ, который можетъ оскорбить общественную нравственность, и, подъ опасеніемъ быть признанными безчестными (*infâmes*) и подвергнутыми другимъ подлежащимъ наказаніямъ, повелѣваемъ судьямъ нашимъ строго смотрѣть, каждому въ своемъ округѣ, чтобы воля наша была свято исполняема. А если упомянутые комедіанты преступятъ противъ сей нашей деклараціи, то мы требуемъ и повелѣваемъ, чтобы упомянутые наши судьи воспретили имъ играть на театрѣ, и приняли противъ нихъ такія мѣры, какія сочтутъ нужными, соображаясь съ проступкомъ, но не назначая наказанія свыше денежной пени или изгнанія. А если означенные комедіанты устроить такъ представленія театральныя, что въ представленіяхъ снхъ не будетъ ничего непристойнаго, то мы желаемъ, чтобы занятіе (*exercice*) ихъ, которое можетъ безвредно отвлечь народъ нашъ отъ разныхъ дурныхъ занятій, не было влнваемо имъ въ осужденіе и не вредило ихъ репутаціи въ дѣлахъ общественныхъ (*dans le commerce publique*); это мы учиняемъ потому, что желаніе избѣжать упрека, которому подвергались они донынѣ, должно удерживать ихъ въ предѣлахъ долга ихъ относительно публичныхъ представленій столько же, какъ и страхъ наказаній, которымъ неизбѣжно подвергнутся они, если поступятъ противъ сей деклараціи. Извѣщаемъ нашихъ любезновѣрныхъ совѣтниковъ, судей нашихъ въ Парижскомъ Парламентѣ, чтобы они постановленіе сіе свѣрили и занесли въ списокъ, а силою онаго пре-

доставили пользоваться упомянутымъ комедіянтамъ, не дозволяя, чтобы оно было нарушено какимъ бы то ни было образомъ: *Поелуку такъ мы желаемъ.* Дана въ Сентъ-Жерменъ (Saint Germain en Laie), шестнадцатаго Апрѣля, въ это тысяча шестьсотъ сорокъ первое, царствованія же нашего въ тридцать первое.» Подписано *Лудовикъ.*

За этимъ слѣдуютъ скръпи.—Что сказавъ бы Лудвикъ о нашихъ современныхъ непристойностяхъ драматическихъ, если бы онъ всталъ теперь изъ могилы?

АКТЕРЪ МЕНЖО.

Вторичное принатіе Менжо въ число общипковъ (sociétaire) Французскаго Театра (Théâtre Français), нынѣ въ Парижѣ встрѣчаетъ затрудненія. Нижеподписавшіеся недавно отправили къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ слѣдующее письмо:

«Господишъ Министръ!

«Нижепоименованные литераторы имѣютъ честь извѣстить васъ, что они съ сожалѣніемъ узнали о скорой и вѣрстой отставкѣ Г. Менжо, общипка Французской Комедіи.

«Во всякое время, Г. Менжо занималъ бы на театрѣ блистательное мѣсто; теперь онъ занимаетъ мѣсто высокое. Для публики, онъ прекрасный артистъ; для писателей актеръ необходимый; для молодыхъ артистовъ превосходный образецъ дикціи. Потеря его будетъ весьма ощутительна, и потому мы осмѣливаемся просить Ваше Высокопревосходительство объ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя могли бы встрѣтиться при новомъ условіи съ Г. Менжо.

«Этьеннь, Скрибъ, Казимиръ Бонжуръ, Дюпати, Делавинъ, де Мирмонъ, Мельвилъ, и другіе.»

ДЮГАЗОНЪ ВЪ БОРДО.

Одна актриса, издающая свои *Воспо-*

минанія, сообщаетъ занимательныя подробности о Дюгазонѣ, съ которою была знакома, и, между прочимъ, слѣдующій забавный анекдотъ.

«Въ наше время, говорить Дюгазонъ, мало имѣли понятія о сообразности обычаевъ. Оперныя пастухи и пастушки одѣтые въ тафту и газъ, походили на баснословныхъ жителей Аркадіи; но мнѣ удалось избѣгнуть этого смѣшнаго обыкновенія, и я выбрала въ употребленіе грубую шерстяную матерію и крестьянское платье. Между тѣмъ, пріѣхавъ въ Бордо, я совершенно забыла, что такая реформа еще не проникла въ провинцію. Мнѣ надобно было играть роль Изоры въ *Рауль Силля Борода*, и крестьянки въ *Розъ и Колась*. Тогда любили соединять драматическій родъ съ крестьянскимъ.

«Одинъ бѣдный молодой человекъ, игравшій пастуха Коласа, и не принадлежавшій къ любимцамъ публики, желая, во что бы то не стало, завоевать успѣхъ въ присутствіи Парижской актрисы, заказавъ себѣ бѣлый тафтяный костюмъ съ розовою подкладкою. Непременными принадлежностями такого костюма, разумѣется, были: соломенная шляпа, убранныя лентами и цвѣтами, башмаки съ бантами, напудренный парикъ. Въ палсадникѣ изъ грабни, съ флейтою въ рукѣ, пастушокъ не могъ бы показаться страннымъ, но на фермѣ, возлѣ своей возлюбленной, которая была въ красной шерстяной юбкѣ, темномъ корсетѣ, передникѣ, чепчикѣ, онъ представлялъ смѣшную противоположность. Мы явились будто изъ разныхъ столѣтій. Выйдя на сцену, молодой человекъ засмѣялся, и я, не видавъ его прежде, едва удержалась отъ хохота.»

«Въ 1785 году, театральное освѣщеніе было также въ младенчествѣ, на авансценѣ горѣли сальныя свѣчи въ жестяныхъ подсвѣчникахъ, и дымомъ едва не душили пѣвцовъ. Кола подошелъ къ авансценѣ и началъ пѣть: «C'est ici que Rose respire; но замѣтивъ, что публика не об-

ращаетъ на него вниманія, бѣдный мальчикъ, для вящшаго эффекта, невольно поставилъ ногу на перила, опрокинулъ всѣ свѣчки и залплъ саломъ свой тафтяный костюмъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что этотъ эпизодъ послужилъ окончаніемъ оперы.»

ВЕНГЕРСКІЕ СТАТИСТЫ.

Въ небольшомъ Венгерскомъ городѣ С. давали *Женевскую Сироту*. Такъ какъ въ этой піесѣ должны были участвовать солдаты, не знавшіе языка, на которомъ игралась она, то имъ приказано было во всемъ соображаться съ артистомъ, занимавшимъ роль начальника ихъ въ піесѣ. Когда наступила сцена, въ которой слѣдовало появиться ихъ начальнику, какъ должно быть по ходу піесы, и взобраться вмѣстѣ съ ними на гору, вдругъ, по неосторожности, онъ оступился и упалъ на помостъ сцены. Что жъ вы думаете за благоразсудили предпринять солдаты?.. Они всѣ до единого *попадали* вслѣдъ за своимъ командиромъ.

СКРИПАЧЪ ВЬОТТИ И ЦВѢТЫ.

Вьотти, прославившійся въ музыкальномъ мірѣ, былъ человекъ чрезвычайно эксцентрической, но во всѣхъ его наклонностяхъ и привычкахъ проявлялось всегда глубоко поэтическое чувство. Онъ страстно любилъ красоты природы, и перѣдко любовался ими по цѣлымъ днямъ. Часто солнечный лучъ, который порою, утромъ, проникалъ въ его комнату, придавалъ ему веселое расположеніе на цѣлый день и приносилъ съ собою рой свѣжихъ, игривыхъ мелодій. Но цвѣты болѣе всего приводили его въ восхищеніе. Присмотрѣвъ за ними былъ его любимѣйшимъ занятіемъ во все продолженіе весны и лѣта; а зимою кабинетъ Вьотти рѣшительно походилъ на цвѣточную выставку. Въ этомъ кабинетѣ цвѣли и пышныя розы, и скромныя гвоздики, и прелестныя даліи, цвѣли, навѣрно, сотнями. Впрочемъ, все это были цвѣты искусственные.....

Здѣсь-то, въ этомъ-то очаровательномъ пріютѣ, писалъ онъ свои чудные концерты, которые потомъ разыгрывалъ самъ, за которые собиралъ повсюду обильную дань рукоплесканій и кликовъ ободренія.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ ДАЛЕЙРАКОМЪ.

Знаменитый композиторъ Далеиракъ любилъ до безумія охоту, но былъ едва ли не самый плохой охотникъ въ мірѣ. Бывало, лишь только наступитъ Сентябрь, Далеиракъ скажетъ прости музыкѣ и, съ ружьемъ въ рукѣ, съ яхташемъ на боку, отправляется странствовать по окрестностямъ Парижа. Но, увы! странствованія эти были рѣшительно безплодны: Далеиракъ всегда возвращался ни съ чѣмъ.

Разъ, въ Октябрѣ 1821 года, охотился онъ, съ однимъ прітелемъ, не подалеку отъ Пасси. Охота, по обыкновенію, была неудачна. Далеиракъ, не находя дичи, безпрестанно спрашивалъ у своего прітеля: «Что, ты ничего не видишь, Жюль?» и постоянно получалъ отвѣтъ: «Ничего, Далеиракъ.» Наконецъ, когда онъ повторилъ этотъ вопросъ, быть можетъ, въ сотый разъ, прітель отвѣчалъ весело:

— Вижу, другъ.

«Что? Что такое?» воскликнулъ Далеиракъ.

— Лѣснаго сторожа. Онъ идетъ прямо къ намъ.

«Ну, такъ чтожъ за бѣда.... пускай себѣ идетъ: билетъ со мною.»

Сторожъ, и въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ нимъ.

Далеиракъ торжественно подаль ему листъ бумаги, сложенный вчетверо.

Сторожъ развернулъ этотъ листъ, просмотрѣлъ его съ верху до низу, потомъ съ низу до верху, потомъ пристально взглянулъ на Далеирака, и сказалъ:

— А по-каковски написанъ этотъ билетъ?

Далеиракъ взглянулъ на бумагу: это были, просто, ноты.

Напрасно Далеиракъ увѣрялъ, что онъ

вибѣтъ билетъ, что онъ взялъ съ собою эти ноты, вмѣсто билета, по ошибкѣ, по разсѣянности: сторожъ не повѣрилъ ничему, и заставилъ Далеярака идти вмѣстѣ съ нимъ и съ пріятелемъ къ Меру, въ Пасси.

Черезъ четверть часа послѣ того, они были уже въ канцеляріи Мера.

Когда сторожъ отпрапортовалъ, что онъ задержалъ двухъ «неизвѣстнаго званія людей, кои стрѣляли, не имѣя надлежащаго на то вида,» Меръ спросилъ у Далеярака:

— Имя ваше, сударь?

«Далеяракъ,» отвѣчалъ композиторъ.

— Далеяракъ! воскликнулъ Меръ: не родня ли вы композитору Далеяраку?

«Да я самъ этотъ композиторъ.»

— Вы? Возможно ли? Вотъ счастье! Вотъ безпримѣрное счастье! Какъ же я радъ, что имѣю удовольствіе... честь видѣть васъ.

«Покорнѣйше благодарю... Но я долженъ объяснитьсь съ вами на счетъ теперешняго случая... видите: я забылъ билетъ...»

— И, чортъ его побери!.. Пускай себѣ забыли... Поговоримъ-те лучше о музыкѣ. Я слышалъ, что вы написали новую оперу: правда ли это?

«Написалъ, господинъ Меръ, и бумага, которую представилъ вамъ подчиненный вашъ, ни что иное, какъ финалъ третьяго акта этой оперы.»

— А скажите: какъ она называется?

«Maison à vendre.»

— Чудесное названіе! И я увѣренъ, что это будетъ chef-d'oeuvre, также, какъ и ваша Камилла, отъ которой я рѣшительно въ восхищеніи.

Меломанъ Меръ продержалъ Далеярака въ своей канцеляріи болѣе часа, толкуя съ нимъ о музыкѣ и осыпая комплиментами. Потомъ, къ великому изумленію сторожа, пренебрежительно распростился, вовсе не упоминая о билетѣ.

ПЫШНОСТЬ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ ВЪ ИТАЛІИ .

Пышность костюмовъ, въ которыхъ играютъ артисты и артистки большихъ Итальянскихъ театровъ, изумительна. Костюмъ одной пѣвицы въ Неаполѣ стоилъ однажды 6,000 руб. сер. Даже хористы самаго низшаго разряда костюмируются въ Италіи превосходно. Впрочемъ, они дѣлаютъ это по неволѣ: публика освѣщаетъ ихъ, если они появятся въ одномъ и томъ же костюмѣ въ двухъ разныхъ операхъ или балетахъ, и нерѣдко случалось, что балеты падали въ Италіи только потому, что артисты и артистки являлись въ нихъ уже въ извѣстныхъ публикѣ костюмахъ.

МЕДВѢДЬ ВЪ ЭСМЕРАЛЬДѢ.

На одномъ Нѣмецкомъ театрѣ игралъ разъ какой-то сторонній статистъ роль медвѣдя, въ драмѣ *Эсмеральда*. Вдругъ ему приходитъ мысль покочетничать передъ своею возлюбленною, которая сидѣла въ галереѣ и отъ всей души восхищалась искусствомъ своего милаго. Задумано—исполнено: статистъ подходитъ къ самой авансценѣ, и начинаетъ дѣлать такіе замысловатые прыжки, какихъ, конечно, не дѣлывалъ никогда ни одинъ медвѣдь въ мірѣ. Публика смѣется. Директоръ, замѣчая эти медвѣжьи проказы, кричитъ, изъ-за кулисъ, медвѣдю, чтобы онъ воротился на свое мѣсто; но медвѣдь и ухомъ не ведетъ: медвѣдь, благодаря своей толстой шкурѣ, рѣшительно не слышитъ приказаній директора. Публика хохочетъ. Директоръ, наконецъ, теряетъ терпѣніе и, видя себя отъ гнѣва, восклицаетъ изъ-за кулисъ голосомъ стентавра: «Эй, медвѣдь, назадъ!... Назадъ, быкъ!... (Медвѣдь все прыгаетъ по-прежнему). Да вы, сударь, зашли слишкомъ далеко... вы испортили всю сцену... Царь ты мой небесный!... Этотъ скотъ все погубитъ!» На эти возгласы прибѣгаетъ къ директору инспекторъ фигурантовъ Газе (заяць). Директоръ увидѣвъ его, немедленно обра-

щается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «Скажите мнѣ, *Газе* (заяцъ), какой *осель* играетъ у насъ роль *медвѣдя*?»

Что сдѣлалось въ послѣдствіи съ влюбленнымъ медвѣдемъ, не знаемъ.

НЕКРОЛОГЪ.

РОЖЕ.

Жанъ-Франсуа Роже родился въ Лангрѣ 17-го Апрѣля 1776 года, и тамъ же кончилъ свое первоначальное образованіе. Въ Парижѣ, онъ учился Риторикѣ, но послѣ происшествій 10-го Августа, возвратился на родину, и за привязанность къ Королю былъ заключенъ со всѣмъ семействомъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ семнадцать мѣсяцевъ. По освобожденіи, Роже снова поѣхалъ въ Парижъ, учился правамъ, и нѣсколько времени служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1807 году, онъ былъ членомъ законодательнаго собранія, потомъ совѣтникомъ Университета, кавалеромъ Почетнаго Легиона и контролеромъ этого ордена. При первомъ возвращеніи Бурбоновъ, Роже получилъ званіе главнаго Инспектора училищъ, а при второмъ былъ назначенъ Главнымъ Секретаремъ почтъ. Лудовикъ XVIII пожаловалъ ему Баронское достоинство, и, включая его въ число членовъ Французской Академіи, сказалъ: «Роже! За васъ хлопоталъ прекрасный *адвокатъ*.» Роже, дѣйствительно, написалъ піесу подъ этимъ названіемъ, но вся основа піесы заимствована у Гольдони. Другія его піесы, наиболее имѣвшія успѣхъ, написаны вмѣстѣ съ Крѣзе де Лессеромъ, поэтому, который пріобрѣлъ полное право на званіе члена Академіи, но который до смерти не претендовалъ на академическія кресла.

Вотъ піесы, сочиненныя Г-мъ Роже:

Французскій Театръ Народа, бывшій тогда въ улицѣ Федо (Feudeau): *Деликатное Испытаніе* (Epreuve délicate),

комедія, представлена 14-го Января 1798 года.

Французскій Театръ Республики, въ улицѣ Ришелье. *Каролина*, или *Картина*, комедія, представлена 4-го Октября 1808 года. *Адвокатъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, подражаніе Гольдони, представлена 12-го Марта 1806 года. *Возмездіе* (Revanche), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 15-го Юля 1809 года. *Чтеніе Кларисы*, комедія въ одномъ дѣйствіи, представлена 13-го Октября 1812 года; не напечатана.

Одеонъ.—*Горе отъ собственной оплошности* (La Dure de soi-même), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 10-го Апрѣля 1799 года. *Репетиція піесы*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, представлена 26-го Ноября 1801 года; не напечатана.

Федо.—*Слуга двухъ господъ*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, подражаніе Гольдони, музыка Девьення; представлена 1-го Ноября 1799 года. *Лоттерейный билетъ*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, музыка Николо; представлена 14-го Сентября 1811 года; написана вмѣстѣ съ Крѣзе де Лессеромъ. *Волшебникъ безъ волшебства*, комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Николо; представлена 4-го Ноября 1811 года (съ Крѣзе де Лессеромъ). *Дьвица Делоне въ Бастиліи*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, музыка Г-жи Гэлъ (Gail); представлена 16-го Декабря 1813 года (съ Крѣзе де Лессеромъ и Г-жею Вильерсъ); не напечатана. *Любовникъ и Мужъ*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, музыка Фетиса; представлена 8-го Юня 1820 года (съ Жуи). *Марія Стюартъ* въ Шотландіи, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Фетиса; представлена 30-го Августа 1823 года (съ Планаромъ); не напечатана.

Водевиль.—*Аріостъ Гувернеръ*, или *Торжество генія*, водевиль въ одномъ дѣйствіи; представленъ 14-го Февраля 1800 года.

Гиттв.— *Полуночный колоколъ*, мелодрама; представлена въ 1798 году.

Между прочимъ, Роже отдалъ въ 1821 году оперу, въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Великій Лама*, но она не была представлена.

Посредственность и смѣтливость — вотъ характеристика Барона Жана-Франсуа Роже, члена Академіи, умершаго 1-го Марта 1842 года, 66-ти лѣтъ отъ рода.

КЕРУБИНИ.

Въ Парижѣ умеръ, 15-го Марта, восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, Керубини, не болѣе какъ за мѣсяць предъ симъ сложившій съ себя должность Директора Парижской Музыкальной Консерваторіи.

Онъ родился во Франціи, 8-го Сентября 1760 года, и, подобно большей части артистовъ, одаренныхъ талантомъ, съ дѣтства выказалъ рѣдкія дарованія: шести лѣтъ началъ онъ учиться музыкѣ, подъ руководствомъ отца, и девяти лѣтъ отъ роду уже зналъ науку композиціи; на тринадцатомъ году онъ уже написалъ четырехъ-голосную обѣдню, а на четырнадцатомъ году вторую такую же обѣдню, которыя были исполнены во Флоренціи. Великій Герцогъ Тосканскій, обративъ вниманіе на необыкновенныя дарованія юноши, отправилъ его на свой счетъ въ Болонью, къ знаменитому Юсифу Сарти.

Еще не достигнувъ 24-хъ-лѣтняго возраста, Керубини уже написалъ семь оперъ, играныхъ на различныхъ театрахъ Італіи, и имя его сдѣлалось столь извѣстнымъ, что его пригласили въ Лондонъ, гдѣ ему предлагали написать двѣ оперы. Проѣзжая туда черезъ Парижъ, онъ познакомился съ извѣстнымъ Виотти, смычекъ котораго тогда торжествовалъ въ Парижскомъ музыкальномъ мірѣ. Виотти убѣдилъ Керубини поселиться навсегда во Франціи, по окончаніи Лондонскаго контракта. Керубини послѣдовалъ его совѣту, и въ 1786 году возвратился въ Парижъ.

Тутъ онъ заключилъ съ Виотти дружбу, не пресѣкавшуюся болѣе никогда. Виотти представилъ соотечественника своего въ лучшія общества и извѣстѣйшимъ лицамъ той эпохи. Мармонтель написалъ для него лирическую трагедію *Démophon*, представленную на Оперномъ Театрѣ (Королевская Музыкальная Академія) въ 1788 году. Вскорѣ Виотти поручилъ ему завѣдываніе музыкальной части *Оперы Буффо*, новаго рода зрѣлища, перенесеннаго имъ во Францію. Стараніями Керубини эти зрѣлища достигли до высшаго совершенства.

Два гениальные человѣка, Глукъ и Гретри, образовали вкусъ публики, не уклоняясь отъ природы. Желаніе соединить этотъ вкусъ, основанный на строгой истинѣ, съ увлекательною прелестію Італіанскихъ формъ, къ которымъ слухъ Французовъ уже начиналъ привыкать, подало Керубини мысль о новой системѣ лирической драмы, или оперы, которая бы удовлетворяла обѣимъ условіямъ. Превосходная пѣвица, синіора Шю, содѣйствовала видамъ композитора, и опера *Лодиска*, представленная въ 1791 году, на Театрѣ Федо (Feydeau), произвела совершенный переворотъ: послѣ двухъ сотъ представленій сряду, публика еще не могла налюбоваться, наслушаться этой музыки! Затѣмъ послѣдовали *Элиза (1794)*, *Медея (1797)*, *Португальская гостиница (1798)*, *Наказаніе (1799)* и наконецъ *Водовозъ, или Двухъ-дневное приключеніе (1800)*. Столь быстрое появленіе прекрасныхъ оперъ, казалось, утѣшало музыкальное искусство въ преждевременной кончинѣ Моцарта, умершаго въ томъ самомъ году, въ которомъ была представлена *Лодиска*. Мелодія чистая, изящная и присвоенная къ положенію, гармонія учена, но не выказывающая этого и всегда содѣйствующая эффекту, новое и прекрасно рассчитанное распредѣленіе инструментовъ, довели Французскую оперу до возможнаго совершенства, до котораго

могутъ достигнуть произведенія, въ которыхъ пѣніе перемѣшано съ діалогомъ. — Не можемъ не вспомнить при этомъ случаѣ, что за нѣсколько недѣль предъ симъ скончался во Франціи авторъ словъ, или либретто оперы *Водовозъ*, драматическій писатель Кенъе. (См. Кн. VI Реп. II.)

При основаніи Музыкальной Консерваторіи, Керубини былъ назначенъ однимъ изъ первыхъ инспекторовъ ея классовъ; въ послѣдствіи онъ преподавалъ въ ней науку композиціи, наконецъ, уже въ 1822 году, былъ назначенъ Директоромъ Консерваторіи, и занималъ эту должность почти до самой кончины своей. Новымъ Директоромъ Консерваторіи, какъ извѣстно, назначенъ Оберъ.

Одинъ изъ торжественнѣйшихъ случаевъ въ жизни Керубини, составляющихъ эпоху въ жизни артиста, былъ отзывъ о немъ великаго Гайдна. По исполненіи знаменитой Гайдновой ораторіи: *Сотвореніе міра*, въ Парижѣ, всѣ Французскіе музыканты положили выбить медаль въ честь Гайдна, и поручили Керубини поднести ее великому музыканту. Имя и композиціи Керубини уже были извѣстны въ Германіи. Патриархъ музыки былъ тронутъ до слезъ, обнялъ дорогаго для него депутата, и сказалъ ему слѣдующія слова, приносящія честь и тому и другому: *Figlio di suo e padre della musica* (*). Керубини было предоставлено еще разъ отдать дань музыкальнаго искусства великому Германскому композитору: по полученіи извѣстія о смерти Гайдна, онъ написалъ кантату, заключающую въ себѣ достойную апотеозу художника.

По возвращеніи изъ Германіи онъ написалъ еще двѣ оперы, и вскорѣ былъ призванъ къ Австрійскому Двору, для двухъ музыкальных композицій. Въ то время, политическія происшествія въ Европѣ были богаты крутыми переворотами.

Керубини спокойно занимался въ Вѣнѣ партиціею *Фаниски*, какъ Наполеонъ овладѣлъ Вѣною, и призвалъ его къ себѣ, въ Шенбрунскій Дворецъ. Должно знать, что Наполеонъ не очень любилъ музыку Керубини, и будучи еще Первымъ Консуломъ объявилъ ему, что предпочитаетъ композиціи Паизиелло и даже Зингарелли. Съ тѣхъ поръ онъ ему припоминалъ о томъ при каждой встрѣчѣ, такъ что Керубини подвергался безпрестаннымъ упрекамъ Наполеона.

Въ Шенбрунѣ, Наполеонъ сказалъ ему: «Такъ какъ вы здѣсь, мы займемся музыкою, и вы будете дирижировать нашими концертами.» Не смотря на этотъ дружескій тонъ, Наполеонъ не измѣнилъ своего мнѣнія на счетъ композицій Керубини, и все еще упрекалъ его за слишкомъ сильныя акомпанменты: полководецъ, не содрогавшійся при громѣ битвъ, не могъ сносить громкой игры оркестра!

По заключеніи Пресбургскаго мира, Наполеонъ возвратился въ Парижъ, а Керубини принялся вновь за оперу *Фаниску*, которая съ Вѣнскаго Придворнаго Театра перешла на всѣ сцены Германіи.

Керубини, возвратившись во Францію, впалъ въ странную меланхолію, возбужденную даже опасеніемъ; онъ вообразилъ себѣ, что достигъ уже крайняго предѣла поприща своего, и что не долженъ болѣе писать. Въ продолженіе этого душевнаго разстройства, онъ страстно занялся ботаникою, и потомъ предпринялъ съ ученикомъ и пріателемъ своимъ, Оберомъ, поѣздку въ Шиме, куда его пригласили владѣльцы этого замка. Тамъ его убѣдили вновь заняться композиціею, и, въ угожденіе хозяевамъ, онъ принялся за духовную музыку. Онъ написалъ трехголосную обѣдню, открывшую ему совершенно новое поприще. Въ немъ возродилось столь могущественное вдохновеніе, что онъ написалъ всю эту партицію, играя на биліардѣ въ пульку, принимаясь за перо только когда приходилось играть

(*) Т. е : Вы сынъ моего сердца, и отецъ музыки.

другимъ, и ни сколько не сбиваясь разговорами и смѣхомъ, раздававшимися во кругъ него.

Вскорѣ послѣ того, Керубини вновь принялся за обычные занятія, и отдалъ на разные театры еще три оперы. Между тѣмъ, къ Парижу приближались союзныя войска, и должно было поддерживать общественный духъ патріотическими драмами. Принялись за сочиненіе ихъ, и, для ускоренія работы, надъ каждою піекою трудились по нѣскольку композиторовъ. Керубини участвовалъ въ композиціи Баяра въ Мезіерѣ, одной изъ этихъ импровизованныхъ оперъ. По возвращеніи Бурбоновъ онъ былъ назначенъ Главнымъ Интендантомъ Королевской Капеллы, вмѣстѣ съ Лесюэромъ, и съ тѣхъ поръ предался почти исключительно духовной музыкѣ, написалъ семь объѣдовъ, множество духовныхъ піесъ, псалмовъ, гимновъ, кантатъ, молитвъ, и т. п.

Лудовикъ XVIII пожаловалъ Керубини ленту ордена Св. Михаила; Карлъ X пожаловалъ его офицеромъ ордена Почетнаго Легіона, пожалованнаго ему Наполеономъ, во время Ста Дней. Въ то же время онъ былъ избранъ въ члены Института, а въ 1822 году, какъ мы уже сказали выше, былъ назначенъ Директоромъ Консерваторіи. По сложеніи имъ сей должности, въ концѣ Января нынѣшняго года, Король Лудовикъ-Филиппъ пожаловалъ его командоромъ того же ордена.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ все еще занимался композиціею, и въ 1833 году отдалъ на сцену оперу *Али-Баба*, а въ 1835 написалъ три квартета, посвященные извѣстному Балью.

Керубини строго слѣдовалъ всѣмъ законамъ музыки, даже въ композиціяхъ, повидимому, самыхъ легкихъ, придерживаясь правила, что только подчинившись вполне всей строгости, выучившись избѣгать въ послѣдствіи неточности. Онъ отличался, подобно Моцарту, необычайною скромностію, и всегда уклонялся отъ ру-

коплексаній и всенароднаго изъявленія восторга. Онъ былъ до такой степени расположенъ къ художествамъ, что, если бы не занялся музыкою, вѣроятно сдѣлался бы примѣчательнымъ живописцемъ, потому что, въ часы досуга, онъ прекрасно рисовалъ. Рѣдко можно было найти челоѣка, менѣе его завистливаго, и притомъ услужливѣе его. Полною его оцѣнкою служить отзывъ о немъ Бетгоvena, переданный намъ Зейфридомъ, въ біографіи Бетгоvena: великій Германскій композиторъ взиралъ на Керубини, какъ на величайшаго изъ всѣхъ жившихъ въ то время композиторовъ!

— Въ Петербургѣ скончался на дняхъ артистъ Императорскихъ Театровъ, Аванасевъ. Главное ампуа его было — комическихъ слугъ и подъячихъ, а лучшая роль — *Осипа*, въ комедіи «Ревизоръ.» Любители театра долго не забудутъ его превосходной игры въ этой роли.

— Въ Москвѣ скончался, 8-го Марта, артистъ Императорскихъ Театровъ, Д. Т. Козловскій. По странному капризу природы, покойный не былъ одаренъ талантомъ, а между тѣмъ страстно любилъ сценическое искусство. Главное ампуа его было въ роляхъ благородныхъ отцевъ, тирановъ и второстепенныхъ героевъ. Первое сценическое образованіе получилъ онъ подъ руководствомъ незабвеннаго Директора Московскихъ Театровъ, Ѳ. Ѳ. Кокоскина, который во всякомъ актерѣ умѣлъ замѣтить малѣйшую искру дарованія, и даже изъ безталантнаго сдѣлать артиста, по крайней мѣрѣ, полезнаго. Подъ его руководствомъ, покойный Козловскій былъ дѣйствительно полезнымъ актеромъ; но потомъ, предоставленный самому себѣ и произволу, онъ не имѣлъ силъ бороться съ трудностями избраннаго имъ поприща. Друзья и знакомые не забудутъ Козловскаго, какъ добраго, честнаго и благороднаго челоѣка, готоваго на всякую услугу и одоженіе.

Послѣ покойнаго остались малолѣтныя дѣти.

— Въ Хемницѣ умеръ, пятидесяти трехъ лѣтъ отъ рожденія, бывшій актеръ Гоппе. Оставивъ сцену за десять лѣтъ предъ симъ, онъ сдѣлался извѣстнымъ въ Германскомъ театральномъ мѣрѣ искусствомъ своимъ готовить превосходныя оловячныя серьги. Предсмертная болѣзнь его была тяжела, но не продолжительна.

— Въ Болоніи умеръ одинъ изъ лучшихъ контрапунктистовъ Италіи, композиторъ Луиджи Пальмерини.

— Въ Зальцбургѣ умерла, отъ апоплексическаго удара, вдова Моцарта, имѣвшая 83 года отъ рожденія.

— Въ Генуѣ умеръ Германскій композиторъ Іоганнъ Генрихъ Кюнстеръ. Вотъ что сказано о немъ, между прочимъ, въ *Gazetta di Genova*: «Кюнстеръ, слишкомъ рано умершій для искусства, имѣлъ шестьдесятъ три года отъ рожденія. По окончаніи музыкальнаго образованія у знаменитаго Фенароли, изъ школы котораго вышли Чимароза, Гульельми и Пальма, получилъ онъ, въ 1814 году, званіе Сардинскаго придворнаго капельмейстера. Послѣ того, онъ имѣлъ случай учить музы-

кѣ многихъ высокнхъ особъ и въ томъ числѣ Принцессъ, дочерей покойнаго Короля Сардинскаго Виктора Эммануила. Онъ пользовался особымъ благорасположеніемъ многихъ государей, и находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Гумбольдомъ, Г-жею Сталь и Паганини. Съ практическими музыкальными занятіями онъ соединялъ и занятія теоретическія, результатомъ которыхъ было оставшееся послѣ него драгоценное рукописное собраніе музыкальныхъ произведеній. Въ-ствѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ чрезвычайно образованный, откровенный и благородный. Онъ сносилъ свои продолжительныя страданія съ рѣдкимъ терпѣніемъ, и смерть его глубоко поразила всѣхъ знавшихъ его.»

— Во Флоренціи, умеръ молодой композиторъ Луиджи Сави.

— Въ Женевѣ умеръ молодой, подававшій самыя блистательныя надежды композиторъ Мартинецъ. Ему было только 19 лѣтъ, но онъ уже сочинилъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ произведеній для фортепьяна. Этотъ композиторъ происходилъ отъ одной изъ самыхъ лучшихъ фамилій въ Гаванѣ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ТЕАТРЪ ВЪ РИГѢ.

Послѣ извѣстій изъ Риги, сообщенныхъ нами въ послѣдней книжкѣ Репертуара, получили мы нѣсколько новыхъ писемъ, въ которыхъ, между прочимъ, пишутъ намъ, что въ бенефисъ миловидной артистки Г-жи Бреге, была дана въ первый разъ оригинальная комедія *Мода* (*die Mode*), въ трехъ дѣйствіяхъ. Вся публика ожидала, что любимая артистка выберетъ для своего бенефиса піесу, отличающуюся интереснымъ дѣйствіемъ и умнымъ діалогомъ, въ которомъ ей можно будетъ выказать вполне талантъ свой, но крайне ошиблась: новая комедія эта не заключаетъ въ себѣ ни ума, ни дѣйствія, хотя была исполнена весьма старательно. — Еще была представлена недавно въ Ригѣ новая драма: *Frauenwerth*, предъланная изъ Французской піесы Скриба, не знаемъ какой именно. Она понравилась публикѣ. — Передъ масляницей была дана тамъ новая оригинальная комедія соч. Этингера: *Der Journalist*, но въ ней оригинальнаго было очень мало; она вся набрана изъ разныхъ піесъ Коцебу. — На Рижской сценѣ играетъ нынѣ als Gast Г-жа Бюркнеръ-Гильдебрандъ, которую можно упрекнуть въ недостатокъ мимики. — Въ Ригѣ готовятъ къ представлению въ переводѣ комедію *Циль*, подъ заглавіемъ: *die Fessel*. — Тамъ же имѣла успѣхъ новая комическая опера, подъ названіемъ *Schmolke*

und Bakel. Музыка ея написана тамошнимъ директоромъ музыки и хоровъ Таувицемъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Second Théâtre Français. Les Ressources de Quinola, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, соч. Бальзака. — Извѣстный Французскій романистъ Бальзакъ во второй разъ попыталъ силы свои въ драматическомъ родѣ. Въ первый разъ отдалъ онъ на сцену піесу *Votrenz*, которая была представлена лишь однажды, и судьба которой, по-этому, осталась нерѣшеною. Новую піесу Бальзака, *Кинола*, можно назвать, слѣдовательно, первымъ дебютомъ этого писателя на драматическомъ поприщѣ. Не смотря на нетерпѣливость, выказанную публикою въ первое представление, не смотря на грозный фельетонъ Жанена, нѣкоторые другіе журналы сознаются, что піеса имѣла успѣхъ. Журналы эти говорятъ, что новое произведеніе полно ума, сатиры, насмѣшки, притомъ написано языкомъ обработаннымъ; что *Кинола* его, не соотвѣтствуя вполне всѣмъ требованіямъ собственной комедіи, замѣчательнѣе въ отношеніи литературномъ и что Сюжетъ піесы состоитъ въ слѣдующемъ. При Королѣ Испанскомъ Филиппѣ II, механикъ Фонтанаресъ будто бы избрѣлъ пароходство. Его заключаютъ въ тюрьму, какъ водится, по предписанію инквизиціи, обвинившей

его въ чародѣйствѣ; онъ, однако же, добивается свиданія съ Королемъ. Свиданіе это устроено нѣкою Кинолою, человекомъ въ родѣ Фигаро, бѣжавшимъ воровомъ, сдѣлавшимся слугою гениальнаго человека, для предупрежденія его отъ бѣды. Король приказываетъ Фонтанаресу ѣхать въ Барселону, отдастъ въ его распоряженіе казенное судно, и назначаетъ ему годъ срока: въ случаѣ успѣха его пожадуетъ онъ въ Испанскіе Гранды, въ Кавалеры Золотаго Руна и наименоуетъ Герцогомъ де Нептувадо! — По пріѣздѣ въ Барселону, у нашего механика нѣтъ ни копѣйки для разборки корабля, закупи матеріаловъ, постройки котла и колесъ. По счастью, Кинола умѣетъ вывернуться изъ бѣды. Красавица Фаустина влюблена въ Фонтанареса; Кинола получаетъ отъ нея золота. Фонтанаресъ любитъ Марію Лотундіасъ, но отецъ ея не соглашается на ихъ бракъ; Кинола принимаетъ отъ нея драгоцѣнные вещи и брилліанты. Банкиръ Авалоросъ, ростовщикъ Режисъ, жидъ Эстебанъ, всѣ соглашаются дать ему займы денегъ; Кинола подписываетъ векселя, и облегчаетъ всѣми способами своему барину достиженіе цѣли, принимая на себя все низкое, и предоставляя почести гениальному человеку. Въ этомъ лабиринтѣ затрудненій и интригъ, посреди займодавцевъ, ремесленниковъ, полицейскихъ, Кинола ни на минуту не лишается веселости своей, подобно образцамъ своимъ, Фигаро, Криспину и Жиль-Блазу. Между дѣлами, устроенными Кинолою, есть одно, не весьма выгодное: Докторъ Рамонъ присоединился къ предпріятію Фонтанареса, и это ему не принесетъ счастья. Опытъ съ парохомъ уже приближается къ окончанію; однакоже, красавица Фаустина, пренебреженная Фонтанаресомъ, старается вредить ему, а Марія, которую онъ любилъ, вышедъ за мужъ за какого-то Сарни, умираетъ съ тоски. Но вотъ пароходъ готовъ; производятъ спытъ, и всѣ жители Барселоны рукоплещутъ этому диву, этому важному

изобрѣтенію, сокращающему разстояніе между Испанією и Новымъ Свѣтомъ, открытымъ Христофоромъ Колумбомъ. — Вдругъ докторъ Рамонъ дерзаетъ присвоить себѣ всю честь изобрѣтенія; онъ сознается, что работникъ Фонтанаресъ былъ ему очень полезенъ, но что первая мысль принадлежитъ собственно ему, Дону Рамону. Голосъ народа, который, говорятъ, *глазъ Божій*, выражается въ пользу Рамона, провозглашаетъ его изобрѣтателемъ и ликуетъ, восклицая: Да здравствуетъ Донъ Рамонъ! Фонтанаресъ, взбѣшенный этимъ, потопляетъ пароходъ свой, и такимъ образомъ опять обращаетъ въ ничто великую тайну свою! Гениальный человекъ отмщенъ! Кинола, не упускающій ни одного случая къ насмѣлкѣ, объявляетъ, что всѣ эти старанія упали въ воду, и что онъ ѣдетъ съ баринномъ своимъ въ Парижъ. — Все это странное, почти фантастическое дѣйствіе, украшено подробностями, замедляющими нѣсколько ходъ пьесы, не смотря на весь свой блескъ. Положительныя красоты этого страннаго произведенія заключаются особенно въ діалогѣ. Характеръ Кинолы измѣняетъ всѣ поразительныя положенія въ сцены самыя смѣшныя. Новая пьеса Бальзака будетъ долго привлекать Парижскую публику — изъ любопытства!

Tomъ же meampъ. Lallier, ou Paris délivré, трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, соч. Г. Девеня. — Трагедія эта также первая попытка на драматическомъ поприщѣ поэта, уже извѣстнаго въ литературѣ, и имѣла успѣхъ по тщательной обработкѣ и многимъ глубокимъ мыслямъ, выраженнымъ авторомъ. Дѣйствіе происходитъ во время войнъ Карла VII съ Англичанами. Иоанна д'Аркъ уже казнена, и эта казнь мучитъ совѣсть Графа Оксфорда, одного изъ судей ея, который теперь Губернаторъ Парижа. Между гражданами этого города, поклявшимися освободить отечество отъ чужеземнаго ига, находится Ладье, человекъ сильный и

предпримчивый. Онъ составляетъ заговоръ, и открываетъ замыслы Президенту Виллиерсу, который, однако же, открываетъ все Англичанамъ. Въ ту минуту, когда Лалье полагаетъ дѣло свое совершенно проиграннымъ, открывается, что Виллиерсъ, съ своей стороны, составилъ заговоръ, который приноситъ лучшіе плоды: Оксфордъ убитъ, Англичане изгнаны, и Карлъ VII вступаетъ въ Парижъ.

Тотъ же театръ. Un deshonneur posthume, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, также дебютъ молодого автора, принадлежитъ къ числу пьесъ, все достоинство которыхъ заключается въ ловкой, отчетливой игрѣ. Нѣкто Дюфрень, вступающій въ третій бракъ, находитъ въ комнатѣ покойницы жены своей портретъ молодого человѣка, и въ такомъ отчаяніи отъ этого, что почти готовъ отказаться отъ третьяго брака; но все объясняется тѣмъ, что это портретъ возлюбленного его дочери, и дѣло кончается двумя свадьбами — отца и дочери.

Théâtre du Palais-Royal. Le Chasse aux Vautours, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Варвера. Этотъ ястребъ (vautour) ни что иное, какъ скупой домохозяинъ и ростовщикъ, у котораго живетъ молодой человѣкъ, Эдмонъ, задолжавшій ему. По совѣту пріятеля, онъ начинаетъ ястребиную охоту, и принуждаетъ своего хозяина не только выпустить его на волю, но и простить ему долги. Дѣло кончается свадьбою.

Théâtre de la Gaité. La dot de Suzette, драма-водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ. Эта пьеса заимствована изъ водевиля *Свадьба по разсудку*. У Графини Сенптеръ воспитывается сирота, въ которую влюбляется сынъ Графини. Покуда сынъ уѣзжаетъ въ полкъ, Графиня выдаетъ Сюзетту, сироту, замужъ за неповоротливаго мызника, жалуя ей въ приданое 1200 ливровъ. Какія-то дѣла принуждаютъ мызника ѣхать въ Бретань съ невестою, гдѣ онъ намѣренъ сыграть свадьбу.

Между тѣмъ находитъ Французская Революція. Все измѣнено: Графиня съ сыномъ бѣжали; мызникъ разбогатѣлъ, но еще не женился на Сюзеттѣ, а живетъ съ нею какъ съ сестрою, хотя слыветъ въ свѣтѣ ея мужемъ. Къ нимъ является опредѣляться въ услуженіе какая-то бѣдная женщина: это Графиня. Мызникъ, узнавъ ее, хлопочетъ о помилваніи ея съ сыномъ, возвращаетъ ей имѣніе, прибрѣтенное имъ съ помощію приданого Сюзетты, которое онъ пустилъ въ обороты, и узнавъ, что сынъ ея спасъ жизнь престарѣлой матери его, въ Бретани, уступаетъ молодому Графу руку Сюзетты.

Théâtre des Variétés, Les Batignollaises, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Жительницы одного изъ Парижскихъ предмѣстій, Батиньольей, видно страстно любятъ веселиться: въ этой пискѣ онѣ все только пляшутъ, прыгаютъ, поютъ и говорятъ не иначе, какъ каламбурами, точно какъ въ водевиляхъ Александринскаго Театра. Въ Батиньольскую булочницу влюбленъ бѣднякъ Медаръ, до того, что перерядившись въ женщину, опредѣляется къ ней въ служанки, и все толкуетъ ей о самомъ себѣ, выхваляетъ себя, свои чувства, и наконецъ за дружескимъ ужиномъ падаетъ къ ногамъ жестокосердой булочницы.

Тотъ же театръ. La nuit aux Soufflets, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, принадлежитъ къ числу пьесъ, которыхъ рассказать невозможно, потому что все въ нихъ заключается въ острогахъ. Это ни что иное, какъ мистификація какого-то Италіянскаго Герцога острякомъ-офицеромъ. Куплеты прелестны.

Théâtre des Folies-Dramatiques. Duchesse et Poissarde, водевиль въ двухъ актахъ. Герцогъ Фронсакъ, извѣстный волокита, женившійся по предписанію Кароля, въ самый день свадьбы отправился любезничать съ молодыми пуасардками (рыночными торговками). Жена его, перерядившись пуасардкою, перебиваетъ всѣ его

планы и замыслы, и достигаетъ того, что мужъ ея остается ужинать съ нею, законною женою. Пьеса эта *новое издание* прелестнаго водевиля *Les premières armes de Richelien*, играннаго на Михайловскомъ Театрѣ по-Французски, а въ Москвѣ по-Русски, и который Репертуаръ намѣренъ сообщить своимъ читателямъ въ одной изъ слѣдующихъ своихъ книжекъ.

— На Олимпійскомъ Театрѣ были играны, съ большимъ успѣхомъ, двѣ слѣдующія новыя пьесы: *Mark Freeland* и *Artful Dodge*. Въ послѣдней изъ этихъ двухъ пьесъ дебютировала, и также съ успѣхомъ, молодая артистка изъ Сѣверной Америки, Мисъ Митчель (*Mitchell*).

Л О Н Д О Н Ѣ.

На Друриенскомъ Театрѣ имѣла огромный успѣхъ трагедія Гриффина, *Gisippus*. Лѣтъ за двадцать предъ симъ, когда была она написана, авторъ предлагалъ ее нѣсколькимъ театрамъ, но ни одинъ изъ этихъ театровъ не принялъ ее, а теперь она была представлена по распоряженію Макреда, который умѣлъ понять и оцѣнить ея достоинство. Трагедія эта классическая, и дѣйствіе ея происходитъ частію въ Аѣннахъ, частію въ Римѣ. Декораціи этой пьесы, изображающія Паренонъ, храмы Эола и Тезея, Ареопагъ, гробницы академій, внутренность одного дома въ Аѣннахъ, Капитолій, Тарпейскую Скалу и видъ Рима—превосходны.

—Въ одной изъ пьесъ, которыя играютъ теперь въ Лондонѣ, происходитъ слѣдующая продѣлка, обращающая на себя большое вниманіе со стороны тамошней публики. Въ этой пьесѣ, лошадь бросается въ бассейнъ, наполненный настоящею водою, спасаетъ въ немъ человѣка и потомъ выплываетъ вмѣстѣ съ спасеннымъ на берегъ.

— На Суррейскомъ Театрѣ заслужила благосклонный приемъ новая пьеса, подъ названіемъ: *Ombra, or the spirit of the Rocking Stone*. Содержаніе ея фантасти-

ческое. Слышно, что она прекрасно обставлена.

— Комедія Скриба, *Пльзъ*, переведена на Англійскій языкъ и была играна недавно въ Лондонѣ, на Адельфійскомъ Театрѣ. Пріята она была весьма благосклонно.

— Карлота Гризи отправилась въ Лондонъ, гдѣ будетъ она, вскорѣ по прибытіи, танцовать въ балетѣ *Гизелла*. Вмѣстѣ съ нею отправилась сестра ея, Эрнеста Гризи, которая предполагаетъ пѣть въ Лондонѣ, въ концертахъ. Карлота Гризи возвратится въ Парижъ около 20-го Апрѣля.

Г Е Р М А Н І Я.

Въ Берлинѣ, 8-го Марта (н. ст.), былъ представленъ *Talisman*, Нестроя, въ шестидесять пятый разъ.

— *Die stille Familie*, новая комедія Гуцкова, будетъ въ непродолжительномъ времени представлена въ Берлинѣ.

— Слышно, что Гуцковъ написалъ трагедію, подъ названіемъ *Des Pulversmüllers Töchterlein*.

— Эмиль Девриентъ, который скоро уже отправится въ свое артистическое путешествіе по Сѣверу, предполагаетъ дать, въ свой бенефисъ, въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Ригѣ и Петербургѣ *Monaldeschi*, соч. Лаубе.

—Изъ Шверина пишутъ: «Неожиданная кончина всѣми уважаемаго Великаго Герцога произвела на здѣшней сценѣ кратковременное затишье. Театръ, натурально, теперь закрытъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, играла у насъ гостиныя роли Берлинская артистка, Г-жа Генель. Она появлялась въ *Нормѣ*, въ *Велисаріи*, въ *Адлерсгорстѣ* и въ *Ромео*. Въ первой и въ послѣдней изъ этихъ пьесъ, заслужила она особенное одобреніе. Въ *Адлерсгорстѣ* видѣли мы, въ первый разъ, Г-жу Баумейстеръ, въ роли Вероники, и должны отдать ей полную справедливость за исполненіе этой роли.»

— Изъ Карлсруэ пишутъ слѣдующее: «Г-жа Гайцигеръ играла нѣсколько разъ

въ Ландау, частью для благотворительной цѣли. Г-жу Гайцингеръ приглашали въ Парижъ, на нѣсколько гостиныхъ ролей, но она не могла воспользоваться этимъ приглашеніемъ, потому что по случаю предстояща о въ концѣ Мая обрученія Принцессы А., воспрещено увольнять въ отпускъ артистовъ и артистокъ. Къ этому обрученію разучивается Иоанна д'Аркъ.»

— Въ Вѣнѣ, въ последнее время, были играны въ первый разъ слѣдующія пьесы: *Königin für einen Tag*, комическая опера, переведенная съ Французскаго, (музыка Адама). Игривая музыка этой «однодневной Королевы,» однако жъ, не очень понравилась Вѣнской публикѣ. *Der Geistersohn als Harlekin, oder Pierrot als Schatzgräber*, большая волшебнo-комическая пантомима, Г. Френцля. Пьесу эту спасли отъ паденія одни только танцы, участвующихъ въ ней дѣтей. Замѣчательно, что въ числѣ танцевъ ея, есть какой-то *Vojagen-Tanz* (пляска бояръ). Любопытно бы знать, что это за *Vojagen-Tanz*. *Elisabeth*, историческая драма, Франца Фельса. Нѣмецкая газета, которая извѣщаетъ о представленіи «Елисаветы,» замѣчаетъ, что языкъ этой пьесы простъ, но силенъ, и что она имѣла бы еще большій успѣхъ, если бъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица ея былъ изображенъ лучше.—*Einen Jux will er sich machen*, сценическая шутка съ пѣніемъ, *Нестроя*. Новая шутка *Нестроя* имѣла успѣхъ колоссальный, едва ли не безпримѣрный въ Вѣнѣ: Вѣнцы, восхищенные ею до послѣдней крайности, вызвали *Нестроя двадцать* разъ, встрѣчая его при каждомъ появленіи громовыми рукоплесканіями и оглушительными кликами: « *Bravo Nestroy, Nestroy über Alles!*»—*Die Kirchen*, комедія Л. Фельдмана. Слышно, что основная мысль этой небольшой пьески очень недурна, но что разговорный языкъ могъ бы быть разнообразнѣе.—*Der lustige Chorist, oder Fröhlich und doch nicht Fröhlich*, сценическая шутка съ пѣ-

ніемъ, Шнейдера. Удачею она похвалиться не можетъ.

Теперь монтируются въ Вѣнѣ еще двѣ новыя пьесы: *Der alte Musikant*, Фридриха Кейзера, и *Der Liebe Wahn und Wahrheit*.

— Вѣнская публика не можетъ посмотрѣться на новую драму Гальма, *Сынъ пустыни*. Пьесу эту давали въ Вѣнѣ уже *двадцать* разъ, и въ каждое изъ представленій театръ былъ совершенно полонъ.

— Въ VI книжкѣ Р. и П. мы уже извѣщали читателей нашихъ о прощальномъ бенефисѣ Г-жи фонъ Вейсентурнъ. Въ дополненіе къ этому теперь скажемъ, что по окончаніи бенефиса Г-жи Вейсентурнъ, режиссеръ Лѣве сказалъ ей рѣчь, увѣчивавъ бюстъ ея лавровымъ вѣнкомъ, и что въ тотъ день Г-жа Вейсентурнъ получила множество дорогихъ подарковъ отъ ея Вѣнскихъ поклонниковъ.

— Искусство Нѣмецкой импровизатрисы Каролины Леонгардъ-Лизеръ обращаетъ теперь на себя вниманіе всего высшаго общества въ Вѣнѣ.

— Въ Инспрукѣ находится теперь теноръ, еще мало извѣстный, но имѣющій превосходный голосъ. Это — Віала. Онъ появился въ Инспрукѣ, въ первый разъ, 28-го Августа 1841 года, въ *Велисаріи*. Слышно, что онъ не довольствуется своими теперешними успѣхами, не перестаетъ изучать свое искусство, но съ каждою новою ролью дѣлаетъ шагъ впередъ.

— Въ Бреславлѣ имѣла большой успѣхъ пьеса, подъ названіемъ *die Geisterbraut*, слова которой и музыка сочинены Принцемъ Евгениемъ Виртембергскимъ. Нѣмецкія газеты отзываются объ этой пьесѣ съ величайшею похвалою, присовокупляя, что она превосходно обставлена въ Бреславлѣ. Онѣ утверждаютъ, что въ Бреславлѣ весьма многіе ѣздятъ изъ Берлина и Тропау нарочно за тѣмъ, чтобы посмотрѣть *Geisterbraut*.

— Новая пьеса Г-жи Бирхъ Пейферъ,

Steffen Langer, oder der Holländische Kamin, о которой извѣщали мы читателей нашихъ въ VI книжкѣ Р. и П., была играна недавно, съ успѣхомъ, въ Бреславлѣ.

— Въ Бреславлѣ же готовятъ оперу: *Hevelsta duховъ*, музыка которой написана, какъ говорятъ, Принцемъ Евгениемъ Виртембергскимъ.

— Въ Франкфуртѣ была играна и едудушно освистана пародія на «Вернера,» Гуцкова. Пародія называется, или, лучше сказать, называлась *Die Kartenschlägerin*. Тамъ же играли, въ первый разъ, піесу Бирнбаума, подъ названіемъ *Politische Zinn-gisser*, которая, хоть и не подверглась той же участи, какую претерпѣла пародія на Вернера, однако жъ была принята довольно холодно.

— Комедія Брауна Фонъ Браунталя, *Die Engländer am Rhein*, упала въ Дрезденѣ.

— Изъ Копенгагена пишутъ: *Сцена* сдѣлалась паролемъ нашихъ поэтовъ. Теодоръ Мундъ также увлекся общимъ направлениемъ, и написалъ піесу, которая носитъ названіе его послѣдняго романа *Thomas Münzer* (Тома монетчикъ.)

Т а л и я .

Въ Венеціи готовятъ новую оперу Паччини: *Il Conte d'Egmont* (Графъ Эгмонтъ), въ которой будутъ участвовать знаменитый Моріани, превосходный басъ Коллетти и Нѣмецкая примadona Фанни Гольдбергъ.

Въ продолженіе карнавала, Моріани имѣлъ въ Туринѣ величайшій успѣхъ, а какъ театральнй сезонъ здѣсь гораздо короче, нежели въ Венеціи, то артиста ангажировали къ театру *Fenice*, для созданія новой роли Эгмонта. Въ Туринѣ, Моріани пѣлъ въ *Марино Фаліери* и въ *Пуританахъ*, двухъ роляхъ, написанныхъ для Рубини, и произвелъ такой восторгъ, что самъ Рубини, посѣтившій Туринъ проездомъ въ Миланъ, послѣ спектакля изъяснилъ Моріани свое удивленіе, почему онъ не живетъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Моріани молодъ, и въ полномъ блескѣ своего таланта; слѣдовательно, Парижъ, по всей вѣроятности, не оставитъ такого тенора безъ вниманія. Между тѣмъ, Моріани и теперь, своимъ драгоценнымъ горломъ, получаетъ до ста тысячъ Австрійскихъ ливровъ. Весною, онъ опять отправится въ Туринъ, для исполненія новой роли въ новой оперѣ Доницетти, написанной на либрето *Новой Фаншонь*.

Въ число извѣстѣйшихъ современныхъ артистовъ Италіи, должно включить и Коллетти, который уже два года восхищаетъ своимъ басомъ сѣверную половину Аппенинскаго Полуострова. Теперь, Неаполитанскій Театръ Санъ-Карло ангажировалъ его на два года. Съ превосходнымъ голосомъ, Коллетти соединяетъ пламенную игру и изящныя манеры.

Ида Бертранъ, замѣчательный контральто, продолжаетъ свои дебюты на театръ *Fenice*.

Въ продолженіе карнавала, на Миланскомъ Театрѣ, кромѣ *Маріи Падильи*, давали *Сафо* и *Странгеру*. Изъ сорока пяти представленій, двадцать четыре принадлежатъ *Маріи Падильи*. Готовятъ еще двѣ новыя оперы, написанныя маэстрами Нини и Верди. Сальви, прелестный теноръ, которому черезъ два года будетъ аплодировать Парижъ, продолжаетъ восхищать своимъ голосомъ и методомъ. Въ седьмой разъ ангажированъ онъ къ театру *Scala*, и для него уже написано до сихъ поръ двадцать три оперы. Сальви только тридцать три года.

Леве ангажирована къ Туринскому Театру Реджіо, котораго торжественное открытіе послѣдуетъ при бракосочетаніи сына Сардинскаго Короля. Французская пѣвица, Деранкуръ, также ангажирована на этотъ чрезвычайный сезонъ, равно какъ и Сальви.

Пѣвица Галле (*Hallez*), съ которою такъ безжалостно поступилъ содержатель театра Санъ-Карло, уѣзжаетъ изъ Неаполя, по окончаніи зимаго сезона. Она ангажи-

рована на осень въ Болонью, гдѣ, въ это время, театръ бываетъ всегда въ блистательномъ состояніи. Недавно, Галле получила дипломъ почетнаго члена Римской Академіи Св. Цицліи.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, Італія до такой степени наводнена своими и иностранными артистами, что получить мѣсто считается теперь истиннымъ завоеваніемъ. Нынѣшнею зимою, не смотря на наибольшее открытіе театровъ, дюжины примадонъ, теноровъ и басовъ оставались безъ мѣстъ, и между ними артисты испытаннаго достоинства.

— Въ Венеціи были даны двѣ новыя оперы: *Il Duce Alba*, слова Джіованни Перуццини, музыка Пачини, и *Il Lazzarello*, музыка Марліани. Первая изъ этихъ піесъ, не смотря на то, что текстъ ея есть довольно вѣрное подражаніе Эгмонту, Гете, и что она была разучена подъ надзоромъ самого Пачини, большаго успѣха не имѣла; но вторая была принята со всеобщимъ одобреніемъ. Къ будущему же сезону въ Венеціи готовятся оперы: *I, Bonifacii ed i Salinqueria*, музыка Графиньи (Graffigna) и *Varbek*—члена Венеціанскаго *Societa Apollinea*, Андреа Галли.

— На Неаполитанскомъ Театрѣ del Greco дебютировала съ большимъ успѣхомъ, въ *Sonnambula*, молодая дѣвятнадцатилѣтняя пѣвица Англійская, Г-жа Эмма Биглей (Biegley).

— Рубини находится теперь въ Миланѣ, и будетъ пѣть въ ораторіи Россини (*Stabat*), которая, въ непродолжительномъ времени будетъ исполнена, съ благотворительною цѣлю, на Театрѣ Scala.

Кстати о Миланѣ: Делеръ давалъ тамъ концертъ и заслужилъ общее одобреніе своихъ, не слишкомъ многочисленныхъ, но избранныхъ слушателей. Впрочемъ, Делеръ самъ виноватъ въ томъ, что у него было не весьма много слушателей: онъ назначилъ слишкомъ высокую цѣну за мѣста въ своемъ концертѣ (6 Австр. лиръ). Онъ предполагалъ дать тамъ же другой концертъ.

— Балетъ *Issipila*, о которомъ мы извѣщали читателей нашихъ въ VI книжкѣ Р. и П., былъ игранъ въ Миланѣ, но не имѣлъ большаго успѣха, не смотря на все великолѣпіе своей обстановки.

— Въ Миланѣ издается съ нынѣшняго года новая музыкальная газета, подъ названіемъ: *Gasetta musicale di Milano*. Она находится подъ редакцію Г. Баталіи и выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ, большими листами.

Директоръ Французской труппы въ Італіи, Долиньи, слышно, обанкрутился.

Изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій видно, что въ Смирнѣ должны были начаться (а теперь, вѣроятно, уже и начались) представленія на оперномъ театрѣ, учрежденномъ тамъ Італіанскихъ импрессарио Камиліери. Репертуаръ этого театра, на первый разъ, составляютъ слѣдующія піесы: *Norma*, *Torquato*, *Capuleti et Montechi*, *l'Ajo nell'imbarazzo*, *Beatrice* и *Elisire d'Amore*. Первый теноръ труппы Камиліери, Симончелло, имѣетъ, какъ слышно, хорошій голосъ.

КЪ СТАТЬѢ: ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ УСТРОЙСТВА ДОМАШНЯГО ТЕАТРА.

